

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2021

№ 20

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Chairperson

Е.В. Иванцова (Томск, Россия) –
зам. председателя

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk,
Russia) – Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk,
Russia) – Executive Editor

В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Valentina Yu. Apresyan (Moscow,
Russia)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Hona Janyšková (Brno, Czech
Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

Басалаева Е.Г., Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка	5
Клименко Н.Б. Опыт лексикографической фиксации украинских восточностепных говоров	23
Королькова М.Д. Представление ремесленной лексики Присурского Поволжья в тематическом словаре: предпосылки создания, состав и структура	40
Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Современная учебная фразеография: инновационные параметры бумажного словаря	67
Резанова З.И. Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuViC. Переключение кода или лексическое заимствование?	91
Сквородников А.П., Копнина Г.А. О концепции «Словаря современных политических ярлыков»	105
Сведения об авторах	119

CONTENTS

Basalaeva E.G., Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A. Stylistic Qualification of Colloquial Vocabulary in the Database of Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language	5
Klymenko N.B. The Experience of Lexicographic Recording of Ukrainian Eastern Steppe Dialects	23
Korolkova M.D. Representation of the Handicraft Vocabulary of the Sura Volga Region in a Thematic Dictionary: Prerequisites for Creation, Composition and Structure	40
Nikitina T.G., Rogaleva E.I. Modern Educational Phraseography: Innovative Parameters of a Paper Dictionary	67
Rezanova Z.I. Markup Fragment in the RuTuBiC Linguistic Corpus. Code-Switching or Lexical Borrowing?	91
Skovorodnikov A.P., Koptina G.A. On the Conception of the Modern Political Labels Dictionary	105
Information About the Authors in Russian	119

УДК 81'374, 81'374.3

DOI: 10.17223/22274200/20/1

Е.Г. Басалаева, Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В БАЗЕ ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассмотрены особенности репрезентации прагматически маркированной лексики в электронном словаре активного типа. Проанализированы системы словарных помет, соотнесены стилистические и семантические (эмоционально-оценочные) пометы с учетом семного и семантического варьирования прагматически маркированного слова и разработан алгоритм лексикографирования эмоционально-оценочной семантики, определяющей стилистическую характеристику слова в Базе данных прагматически маркированной лексики.

Ключевые слова: лексикография, словарные пометы, разговорная лексика, база данных прагматически маркированной лексики.

Для разработчиков современных лексикографических источников разных типов, будь то специальный словарь русской разговорной речи, или толковый словарь литературного языка, или активный словарь прагматически маркированной лексики, одинаково актуальными будут вопросы, связанные с лексикографической интерпретацией коммуникативно-прагматического потенциала слова, который наряду с другими параметрами включает и стилистическую квалификацию лексических единиц. Если для Толкового словаря русской разговорной речи [1] это в первую очередь проблема формирования словника, то для других словарей это вопросы стилистической дифференциации и формирования системы стилистических помет и ее соотнесении с системой эмоционально-оценочных помет.

Создание лексикографических источников нового поколения, в том числе электронных, позволяет включить в лексикографическое описание те семантические и стилистические элементы, которые определяют коммуникативное «поведение» слова, т.е. соответствуют требованиям словаря активного типа.

Электронный лексикографический ресурс «База данных прагматически маркированной лексики», разрабатываемый лингвистами Ново-

сибирского государственного педагогического университета, преследует цель максимально полного лексикографического портретирования лексического значения, содержащего прагматический макрокомпонент. База данных как лексикографический источник активного типа включает две составляющие части: во-первых, словарные данные из авторитетных толковых словарей, во-вторых, описание семной структуры лексического значения, содержащего денотативный и прагматический макрокомпоненты. Таким образом, объяснительный потенциал базы данных позволяет обобщить имеющийся положительный опыт лексикографирования изучаемого словарного фрагмента. Поиск в базе данных осуществляется с использованием разных «входов», обусловленных задачами пользователя: от леммы (к данным разных толковых словарей и далее – к результатам семантико-прагматического исследования этого слова); от конкретного словаря; от прагматической характеристики (например, от специальной пометы или словарного комментария); от стилистической пометы слова. Описание макроструктуры Базы данных, критериев формирования словника, способов интерпретации прагматического содержания представлены в работах участников лексикографического проекта Е.Г. Басалаевой, Е.Ю. Булыгиной, Т.А. Трипольской [2–4].

Прагматически маркированное слово требует «бóльшего словарного пространства», а база данных, имеющая систему навигации и обладающая свойствами гипертекста, способна представить разные зоны словарного описания в их взаимодействии (зоны семантики, стилистики, прагматики, сочетаемости, принадлежности к определенному тематическому классу и др.). Кроме того, она позволяет осуществлять поиск слова по разным параметрам.

Электронный словарь включает единицы с идеологической, гендерной, национально-культурной и эмоционально-оценочной семантикой, которые зачастую нуждаются в специальной стилистической квалификации (разговорное, просторечное, грубое, обиходно-бытовое и др.). В первую очередь это относится к лексике, в содержании которой доминирует эмоциональная оценка (*мрак, блять* (о человеческой речи), *вкальывать, ужас, балбес, нытик, мямля* и др.).

В настоящей статье обсуждается вопрос стилистического ранжирования (уточнения системы стилистических помет) и соотнесения стилистических помет с эмоционально-оценочными.

Как известно, в современной лексикографии принята многоуровневая система помет, позволяющая зафиксировать разные характеристики лексической единицы. Обстоятельный обзор существующих экспрессивных помет (включая семантико-словообразовательные) в толковых словарях русского языка дан в монографии петербургских лингвистов [5]. Анализ соотношения эмоционально-оценочной и стилистической пометы неоднократно предпринимался в 1980–1990 гг. Результатом является представление о том, что система стилистических помет разговорного словаря и ее применение в практическом описании слова нередко оказываются противоречивыми и непоследовательными. Как пишет Г.Н. Складарская, особенно много нареканий вызывает помета *просторечное*, объединяющая следующие группы слов: 1) лексику, обычную в непринужденной разговорной речи; 2) экспрессивную разговорную лексику; 3) ненормативную лексику, оторвавшуюся от диалекта (так называемое «внелитературное просторечие»); 4) лексику профессиональной разговорной речи; 5) жаргонизмы [6. С. 89].

Начиная с Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ) [7], который отличается наиболее разветвленной системой помет, выделяют три подсистемы стилистических и других помет, определяющих круг употребления слова: указывающие на разновидности устной речи (*разг.*, *простореч.*, *фам.*, *детск.*, *вульг.*, *арго*, *школьн.*, *обл.*), письменной речи (*книжн.*, *науч.*, *тех.*, *спец.*, *газет.*, *публиц.*, *канц.*, *офиц.*, *поэт.*, *нар.-поэт.*) и стилистические пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию слов) (*бран.*, *ирон.*, *неодобрит.*, *шутл.*, *презрит.*, *пренебр.*, *укор.*, *торж.*, *ритор.*, *эвф.*). Обратим внимание, что в третью группу внесены и собственно стилистические, и собственно семантические (эмоционально-оценочные) пометы.

Традиция использования системы помет закрепляется в последующих толковых словарях, однако без специального деления на пометы лексических единиц, свойственных письменной и устной речи, при этом делается попытка разграничить семантические и стилистические пометы. Так, в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) [8] предлагается система стилистических помет (*разг.*, *офиц.*, *офиц.-дел.*, *высок.*, *трад.-поэт.*, *нар.-поэт.*, *прост.*) и система эмоционально-оценочных (*бран.*, *ирон.*, *шутл.*, *пренебр.*, *презр.*, *неодобр.* и *почтит.*).

Проанализируем основные толковые словари с точки зрения размещения и соотношения стилистических и семантических помет в словарной статье. Какую информацию мы рассчитываем получить, сопоставляя словарные системы помет? Во-первых, о лексикографических традициях, важных для разработки нового словарного ресурса, во-вторых, о возможных динамических процессах в области стилистически маркированного словаря.

В контексте известных лексикографических решений в толковых словарях стилистические (*разговорное, просторечное, разговорно-обиходное, грубо-просторечное* и др.) и эмоционально-оценочные (*неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное* и др.) пометы используются одновременно, однако иногда стилистическая помета (без эмоционально-оценочной) призвана, видимо, совмещать информацию о сфере употребления и о эмоционально-оценочной семантике, а иногда помета *презрительное* или *бранное* служит и показателем разговорного или просторечного употребления. Мы сопоставили употребление стилистической и эмоционально-оценочной помет в классических и новых толковых словарях: ТСУ [7], Словаре современного русского литературного языка в 17 т. (БАС) [9], Толковом словаре С.И. Ожегова (ТСО) [10], МАС [8], Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСОШ) [11], Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова (БТСК) [12], Современном толковом словаре русского языка Н.Ф. Ефремовой (ТСЕ) [13] (таблица).

Рассмотрим особенности использования стилистических помет в указанных словарях.

Как видим, в ТСУ наиболее последовательно представлены стилистические и семантические пометы в их соотношении, причем чаще разграничена просторечная и разговорная лексика (имеется в виду степень сниженности и грубой окраски). Ср.: *бабник, балбес, трепач*.

В БАС у тех же лексем превалирует помета *просторечное*, иногда сопровождаемая эмоционально-оценочной пометой (*пренебр.*). Та же тенденция сохраняется в ТСО и МАС.

В ТСОШ стилистическая помета берет на себя двойную функцию, зачастую передавая информацию и об эмоциональной оценке (*балболка, балбес, безмозглый, паршивец, трепач*).

В БТСК и ТСЕ тоже отдано предпочтение одной из помет.

Отметим, что в новых словарях снижается частотность пометы *просторечное*.

Пометы, используемые в различных словарях

Лексема	Словари						
	ТСУ	БАС	ТСО	МАС	ТСОШ	БТСК	ТСЕ
Бабник	<i>(разг. фам. неодобрит.)</i>	<i>в просторечии</i>	<i>(прост., неодобрит.)</i>	<i>разг. презр.</i>	<i>(прост., неодобрит.)</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.-сниж.</i>
Балаболка	<i>разг. пренебр.</i>	–	<i>прост.</i>	<i>перен.</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.</i>
Балбес	<i>разг. бран., презрит.</i>	<i>В просторечии, с презрительным оттенком</i>	<i>прост. презрит.</i>	<i>разг. презр.</i>	<i>прост.</i>	<i>разг.-сниж.</i>	<i>разг.-сниж.</i>
Бездарь	<i>разг.</i>	<i>нет слова</i>	<i>нет слова</i>	<i>разг.</i>	<i>разг. пренебр.</i>	<i>презрит.</i>	<i>разг.</i>
Безмозглый	<i>разг. бран.</i>	<i>обычно в бранном употреблении</i>	<i>разг.</i>	<i>разг. презр.</i>	<i>разг.</i>	<i>нет слова</i>	<i>разг.</i>
Фифа	<i>нет слова</i>	<i>простореч.</i>	<i>нет слова</i>	<i>прост. пренебр.</i>	<i>прост. неодобр.</i>	<i>пренебр.</i>	<i>разг.</i>
Трепач	<i>простореч. вульг. презрит.</i>	<i>нет слова</i>	<i>прост. неодобр.</i>	<i>груб. прост.</i>	<i>прост.</i>	<i>разг.-сниж.</i>	<i>разг.-сниж.</i>
Паршивец	<i>простореч. фам.</i>	<i>простореч.</i>	<i>прост., употр. иногда с оттенком добродушной укоризны</i>	<i>прост., обычно бран.</i>	<i>прост.</i>	<i>обычно бранно</i>	<i>разг. (иногда – с оттенком добродушной укоризны)</i>
Окаянный	<i>// употр. как бранное слово (простореч.)</i>	<i>простореч.</i>	<i>нет слова</i>	<i>прост.</i>	<i>употр. как бранное и осудительное слово (прост.)</i>	<i>разг.</i>	<i>разг.-сниж.</i>
Молокосос	<i>разг. пренебр.</i>	<i>нет слова</i>	<i>разг. пренебр. бран.</i>	<i>разг. пренебр.</i>	<i>разг. пренебр.</i>	<i>пренебр.</i>	<i>разг. перен. (обычно с оттенком пренебрежительности)</i>

Возникает вопрос, заменяет ли ее помета *сниженное* (см.: БТСК, ТСЕ). Перед нами упрощение сложной и порой противоречивой системы стилистических помет или реальные изменения в корпусе разговорной речи (размывание границы между разговорно-сниженной и грубо-просторечной лексикой)? Как кажется, в словарях без иллюстративного материала невозможно выявить и адекватно описать эмоционально-оценочный компонент, поэтому лексикограф вынужденно прибегает к испытанному средству – стилистической помете со сложной функциональной нагрузкой.

Если же говорить о процессах расширения диапазона разговорной лексики (за счет просторечной), можно предположить, что нивелируется степень сниженности / грубости / вульгарности в лексемах, которые квалифицировались раньше как просторечные. Видимо, сегодня на смену помете *просторечное* приходит *разговорное* или *разговорно-сниженное*.

Еще одной «вечной» проблемой теоретической лексикографии являются взаимозависимость, соположенность и нередкая взаимозамена (расширение функциональной нагрузки) стилистических и семантических (эмоционально-оценочных) помет. Например, *балаболка* только в ТСУ сопровождается двумя пометами (разг. пренебр), в остальных словарях слово квалифицируется как просторечное (ТСО), переносное (МАС), разговорное (ТСОШ, БТСК, ТСЕ). Очевидно, что все словари, созданные после ТСУ, не отказывают слову *балаболка* в эмоционально-оценочном значении, однако его экспликация осуществляется через дефиницию: ‘Человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля’ (ТСО), ‘болтун (болтуня); пустой человек’ (БТСК), что позволяет авторам отказаться от эмоционально-оценочной пометы.

На практике лексикограф должен ответить на следующие вопросы: 1) употребление помет, например, *простореч.* или *презрит.*, как одновременно функционального и семантического (эмоционально-оценочного) маркера – это недостаток лексикографического описания или становление и развитие системы гибридных помет; 2) оправдано ли отсутствие семантической пометы в случаях полного и адекватного толкования эмоционально-оценочного значения.

Однозначного решения эти вопросы не имеют. Так, в предисловии к Большому толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (БТСК) отмечается, что более всего эмоционально-

экспрессивные оттенки значения присущи лексике разговорной (и вообще сниженной лексике). Именно поэтому при словах, имеющих ироническую (*ирон.*), шутливую (*шутл.*), пренебрежительную (*пренебр.*), уничижительную (*уничиж.*) и другую подобную эмоционально-экспрессивную окраску, составители не ставят помету функционального плана «разг.», объясняя, что «пометы этого ряда уже предполагают разговорную лексическую основу» [12. С. 16].

В свете совмещения функций помет особого разговора заслуживают пометы *бранное*, *грубое*, *вульгарное*. Традиционно помета бранное квалифицировала семантику крайнего неодобрения (см.: ТСУ, БАС, ТСО), однако это изначально гибридная помета, передающая эмоциональную оценку и особый стиль речи – сниженный, грубый. Именно поэтому помета часто встречается одна, без стилистического конкретизатора. Как и пометы *вульгарное*, *грубое*, она передает информацию о сниженном характере речи.

Авторы-составители ТСУ уточнили: «Согласно с намеченной задачей словаря, в него, как правило, не входят некоторые категории слов. Так, за некоторыми исключениями <...> не входит <...> большинство неприличных слов» [7. Т. 1. С. 22]. Однако помета *бран.* в ТСУ сопровождает 199 единиц – это в два раза больше, чем в БАС, в три раза больше, чем в МАС, в четыре раза больше, чем в СО и СОШ. Содержание пометы *бран.* в словаре не раскрывается. Помета *вульг.* («т.е. вульгарное, означает: по своей бесцеремонности и грубости неудобно для литературного употребления») сопровождает в ТСУ более полутысячи лексических единиц (553) [14].

Уровень изученности (скорее, неизученности) коммуникативной системы лексического значения слова отражается в лексикографических подходах: характеристики *детское* и *школьное* попадают в ряд стилистически маркированных (разговорных и просторечных) слов. *Фамильярное* и *бранное* оказались в разных подсистемах помет, хотя и то и другое характеризует, скорее, ситуацию и стиль общения, и одновременно помета *бран.* передает негативную оценку, более категоричную, чем помета *неодобр.* Как видим, особого обсуждения требуют некоторые пометы (например, *бран.*) как авторитетный показатель оскорбительного значения слова в речи (см.: экспертирование текстов). То же касается и помет *шутл.*, *ирон.* как маркеров не только эмоционально-оценочного значения, но и особого типа / стиля речи. «Совмещенные» пометы оказались на определенном этапе вполне

адекватным лексикографическим решением; дальнейшее развитие семасиологии и функциональной стилистики требует пересмотра и уточнения традиционных помет. Поэтому одной из первостепенных задач в лексикографировании указанных лексем является разработка по возможности непротиворечивой системы стилистических помет в их соотношении с эмоционально-оценочными. Последние, как пишет О.Н. Емельянова, в словаре всегда занимают вторую позицию, вероятно, как более конкретные оттенки значения слова, поскольку эмоционально-экспрессивное значение до некоторой степени относительно и переменное, оно в большей мере испытывает влияние контекста и порой обусловлено им [15. С. 54–55].

Иное лексикографическое решение демонстрируют создатели Толкового словаря русской разговорной речи [1], которые считают, что должны работать обе системы помет в соотношении друг с другом, с чем мы совершенно согласны, поскольку это возможность представить разностороннюю информацию о слове в словаре активного типа. Отметим, однако, что декларированное использование параллельно помет двух типов реализовано далеко не всегда. Ср.:

АЛКАШКА. STYL: сниж., уничиж., АЛКАШ. STYL: сниж., презр., Но: БОМЖИХА. STYL: сниж., БОМЖАТСКИЙ. STYL: неодобр. [Там же. С. 43, 139].

Мы в Базе данных прагматически маркированной лексики попытаемся использовать семантические и стилистические пометы в соотношении друг с другом. Конечно, список помет еще нуждается в обсуждении и уточнении.

Попытки упорядочивания системы помет можно найти в разных исследованиях.

Так, Т.Г. Винокур предлагала оставить за пометой *простореч.* только право обозначать гипертрофию грубой и вульгарной сниженности словоупотребления [16].

Г.Н. Складневская представила систему стилистических характеристик словарного состава русского языка в проспекте «Нового академического словаря» [17]. Предполагалось, что лексика будет охарактеризована по шести параметрам: 1) социально-функциональному; 2) временному; 3) территориальному; 4) нормативному; 5) жанрово-стилистическому; 6) коннотативному. Собственно стилистическая окраска демонстрирует расположение слова на шкале «высокое / низкое», она закрепляется пометами *высок.*, *фам.*, *сниж.* и *вульг.* «Жан-

ровая характеристика показывает привычное употребление слова в качестве стилистического средства в художественном тексте», для нее используются пометы *нар.-поэт.* (народно-поэтическое), *трад.-литер.* (традиционно-литературное) и *трад.-народн.* (традиционно-народное). Коннотативную (эмотивную и оценочную) характеристику слов маркируют пометы *ласк.* (ласкательно), *одобрит.* (одобрительно), *насмешл.* (насмешливо), *неодобр.* (неодобрительно), *пренебр.* (пренебрежительно), *презрит.* (презрительно), *бран.* (бранно), *шутл.* (шутливо) и *ирон.* (иронически) [17. С. 35–46].

Мы попытаемся в Базе данных прагматически маркированной лексики учесть лексикографический опыт предшественников в интерпретации стилистической и семантической природы лексических единиц.

В первой части Базы данных представлены толкования авторитетных толковых словарей: нам важно предъявить пользователю весь спектр лексикографических решений и показать изменения в самом подвижном макрокомпоненте лексического значения прагматически маркированного слова. Кроме того, нам нужны все используемые пометы, чтобы организовать поиск в указанных словарях прагматически маркированной лексики (или ее значительной части), с другой стороны – нужна непротиворечивая система стилистических помет, отличных от собственно семантических помет (*неодобрительное, презрительное, пренебрежительное, одобрительное, восхищенное* и др.).

Создание базы данных требует жесткой организации и высокого уровня формализации описания элементов. Поэтому созданию указанного электронного продукта предшествовала работа, направленная на выработку критериев отбора прагматически маркированного языкового материала и построение зон лингвистически релевантной информации. Кроме того, разработчиками учитывалось, что в качестве инструментов для пользователя должны выступить не только заголовочные единицы (леммы), но и элементы прагматической характеристики слов, что до настоящего времени не было представлено в существующих, в том числе и электронных, словарях. Для этого необходимо формирование системы лексикографических помет, круг которых был бы достаточно ограничен, с одной стороны, и максимально информативен – с другой.

Стилистические и семантические пометы включаются в соответствующую зону базы данных, в виде списка предъявляются пользователю в начале работы и становятся инструментом для поиска. Следо-

вательно, искомый эмотивно-оценочный или стилистический компонент будет эксплицирован либо в толковании академических словарей (в первом блоке Базы данных представлены сведения из толковых словарей), либо в электронном словаре, содержащем информацию о слове с учетом современных динамических процессов.

Таким образом, создаваемая база данных позволяет относительно полно представить лексикографический портрет прагматически маркированного слова и отразить узуальные значения и случаи актуального семного и семантического варьирования, наличие и взаимодействие прагматических микрокомпонентов, их динамику, проявляющуюся в современной коммуникации, а также стилистическую характеристику исследуемых единиц.

Мы решили проблему эмоционально-оценочных помет следующим образом: прагматический потенциал слова и его вариативность представлены пометами, которые приписываются не только отдельному значению слова, но и его оттенку.

Например, *клуша*.

1. О неуклюжей, часто полной, неповоротливой или неряшливо, дурно одетой женщине (неодобр.). *Просто при мне она чувствует себя вдвойне неряхой и к тому же нерасторопной клушей* (З. Мария. Любить тайно... Какая мука! // Даша. 2004); *Но этот приперся в ресторан, видимо, в компании собственной жены, толстой бесформенной клуши* (А. Троицкий. Удар из прошлого. 2000).

2. О глупой, тупой, несообразительной женщине (неодобр., презрит.). *Мери сидела клуша клушей, она была слишком глупа, чтобы что-нибудь придумать* (М. Спарк. Мисс Джин Броди в расцвете лет); *С первыми деньгами, которые – сразу по-крупному, сразу успешно – заработал доктор наук, занявшийся бизнесом, и с первыми глотками свежего воздуха, сменившего затхлую, хотя и привычно-уютную атмосферу нищеты, царившей в доме ученого Суханова, Вика мгновенно превратилась в скучную, неумную клушу, в русский вариант мамыши из мексиканского сериала* (А. Белозеров. Чайка. 2001).

3. О пассивной, нерешительной женщине, не желающей совершать активные действия, меняться или менять сложившуюся ситуацию (неодобр., осудит.). *Я сто раз тебе говорила, что Валерка твой как был бабником, так и остался. А ты клуша. Села дома и рыдаешь целыми днями* (М. Трауб. Замочная скважина. 2012); *И для меня все героини этого фильма что в конце, что в начале фильма – обычные советские*

клуши, которые по наивности думают, что счастье само упадет на них (коллективный форум «Москва слезам не верит». 2011).

Стилистическая помета также актуальна для эмоционально-оценочной лексики. У создателей разных лексикографических ресурсов есть два пути. Первый – ранжировать лексику как разговорную, разговорно-просторечную и просторечную, как традиционно принято в толковых словарях. Разграничить стилистические характеристики *просторечное* и *разговорное* чрезвычайно трудно, особенно с учетом динамических процессов в этой области словаря. Вторая возможность стилистической дифференциации лексических единиц связана с решениями Толкового словаря русской разговорной речи, в котором представлена разговорная лексика разной степени сниженности, грубости, фамильярности: «В зоне STYL используется выверенная система помет, характеризующих слово (или отдельное значение) в трех аспектах: эмоциональной окраски, социально-возрастной и хронологической отмеченности» [18]. В данном случае система помет опирается на традиционные словари, однако существенно расширяет сведения о коммуникативной ситуации и взаимодействии коммуникантов: сниженное, бранное, грубое, фамильярное, шутливое, ласковое общение.

Какие пометы и из чего выбираем мы для Базы данных прагматически маркированной лексики? Наш языковой материал диктует следующий диапазон стилистических значений: от грубо-просторечных (или грубо разговорных) до разговорных (фамильярно-разговорных, шутливо-разговорных, иронично-разговорных, насмешливо-разговорных, ласково-разговорных).

В Базе данных есть возможность дифференцировать стилистические пометы и соотнести их с эмоционально-оценочными (одна и та же эмоционально-оценочная характеристика реализует достаточно широкий спектр смыслов и, соответственно, разную функционально-стилистическую отнесенность).

Если есть исследовательский механизм выявления и описания эмотивно-оценочного компонента в лексическом значении слова, то ничего подобного нет в установлении стилистических различий, кроме интуитивного распределения лексики по группам *разговорное* и *просторечное* – по степени грубости, сниженности. Однако механизма измерения не существует.

Есть предложение-гипотеза Г.Н. Складневской: необходимо учитывать влияние на стилистическую окраску слова его семантики и ха-

рактера оценки (чем резче оценка, тем «ниже» слово на стилистической шкале) [17]. Сходные в структурном отношении слова могут оказаться в разных рубриках, например *шляпа* о человеке (разг. фам.), а *корова* о человеке (разг. сниж.). У самого автора, который пользуется этими критериями, оказывается много противоречий при анализе конкретного языкового материала.

Высказанное положение требует проверки на большом фактическом материале (например, в Базе данных).

Попытаемся соотнести стилистическую и эмоционально-оценочную информацию по разным источникам.

Если мы исходим из того, что семантические параметры эмоционально-оценочного слова определяют и функционально-стилистическую характеристику слова / значения, значит варьирование стилистического значения тоже должно быть отражено в словаре активного типа, следовательно, нужно очертить диапазон стилистических возможностей эмоционально-оценочного слова (см., например, лексему *трепач* в таблице).

Во всех словарях стоят единообразные пометы стилистического плана: от разг.-сниж. до грубо просторечной. При этом практически не указывается оценочная помета. Наш материал показывает, что оценочное содержание варьирует от неодобрительного до презрительного и бранного, т.е. стиль соотносится в целом с оценочной семантикой.

Сложнее дело обстоит в тех случаях, когда слово обладает сложной семной и семантической структурой. Когда слово имеет несколько значений, оценочная семантика которых диаметрально противоположна, тогда, очевидно, нужны две самостоятельные функционально-стилистические пометы.

В качестве примера рассмотрим фрагмент электронной базы данных – метафорическое значение энтонома *клоп*. Лексема *клоп* представлена во всех словарях. В метафорическом значении энтонома *клоп*, истолкованном и проиллюстрированном словарями почти одинаково (авторы БАС, МАС, ТСОШ используют толкование, пометы и иллюстративный материал, адекватно представленные в ТСУ), актуализированы эмотивно-оценочные и возрастные характеристики: **ребенок, малыш (разг. фам. шутл.)**. – Ему захотелось **приласкать** мальчика. «Поди-ка сюда, **клоп**», – сказал он. Чехов (ТСУ–1935); **Шутл. О маленьком ребенке**. (Беляеву) захотелось **приласкать**

мальчика. – Поди-ка сюда, **клоп!** – сказал он. Чех. Житейск. мелочь. – А ты-то **какой вырос!** – **обрадовался** Быков, **обнимая** Ваню. – Когда я с тобой расстался, ты совсем **клопом** был. Саян. Небо и земля (БАС); **Разг. шутл. О маленьком ребенке, малыше.** Ему захотелось **приласкать** мальчика. – Поди-ка сюда, **клоп!** – сказал он. Чехов, Житейская мелочь. – А ты-то **какой вырос!** – Когда я с тобой расстался, ты совсем **клопом** был. Саянов, Небо и земля (МАС); **Шутл. О маленьком ребенке, малыше.** Мальчик у нее **маленький, клоп** еще совсем (ТСОШ).

Словари солидарны в описании возрастного компонента, связанного с положительным отношением к объекту характеристики (шутливое): контексты описывают эмоционально-оценочное отношение говорящего как ласковое и радостное (*обрадовался, приласкать, обнимать*). Кроме того, иллюстративный материал уточняет, что характеристика относится к лицу мужского пола (мальчик). Данные толковых словарей подтверждаются и материалами Национального корпуса русского языка: *Вот помню Васяку Мизгиря, уже старик был, а я клоп совсем* (В. Личутин. Любостай. 1987); *...В батьку пошел... Такой, понимаешь, клоп, а соображает...* (С. Довлатов. Компромисс. 1981–1984); *В этот день Гошка шел по школьному двору, и какой-то клоп пролетел мимо него и очумело заорал: «Но пасаран!»* (М. Анчаров. Этот синий апрель. 1967).

Привлечение нового и более широкого текстового материала позволяет внести в лексикографическую интерпретацию энтомологической метафоры существенные дополнения и уточнения.

Во-первых, примеры из современных текстов не только подтверждают наличие упомянутого метафорического значения, но и свидетельствуют о развитии семантико-прагматической зоны слова: метафора *клоп* варьирует эмотивную оценку от ласковой и шутливой до фамильярной и презрительно-пренебрежительной.

Во-вторых, наиболее частотными в разных типах дискурсов, по данным Национального корпуса русского языка [19], являются сугубо отрицательные значения, характеризующие взрослого человека (мужчину) и его социальный статус: о ничтожном, презираемом человеке, стоящем на более низкой социальной позиции, по мнению собеседника (социальный компонент + гендерный компонент (о мужчинах) + негативная эмоциональная оценка). Ср.: – *Внучка моя! Тебе?* – *Фархадов задохнулся.* – *Ты же... клоп, тля. Жалкий клерчишка! Нищий.*

Сколько у тебя есть денег? (С. Данилюк. Бизнес-класс. 2003); *Я снова не ничтожество, не клоп, не пылинка – а автор картины, лучшей картины 343-го номера* (В. Славкин. Картина. 1982); *А рядом – Мишкевич. Ну тот... тот дорвался. Раздулся, как клоп, и торжествовал. У Мишкевича, при обычном нормальном мужском сложении и росте, не лицо, а какое-то крохотное недоличико. Ничтожность была выражена во всем облике этого человека не как отсутствие чего-либо, а как некое особое, присущее ему свойство – вроде шестого пальца или бородавки. Этакое дополнительное качество: ничтожность* (Л. Чуковская. Почерк. 1980–1994).

Приведенные контексты являются вполне типичными и регулярно встречаются в корпусе, демонстрируя развитие метафорической семантики энтономима.

Третий случай самый сложный, когда широкий спектр оценочных значений укладывается в одну, например негативную, область (например, от порицания до презрения и ненависти). Рассмотрим, например, лексему *балбес* в таблице.

Судя по словарям, слово располагается в негативной зоне от презрительного до бранного, что вполне соответствует пометам *разг.-сниж.* Если же учесть и другие употребления слова, то вряд ли можно говорить о сниженном характере лексемы: *какой-то балбес разбил окно; мои балбесы во дворе играют* и др. В этом случае речь не идет о презрительных или бранных коннотациях, здесь, скорее, представлены разговорно-порицательные и разговорно-шутливые употребления.

Выводы

Создание системы словарных помет является одним из сложных теоретических и практических вопросов лексикографии. Спектр лексикографических решений варьирует от условного разграничения устной, письменной и стилистической (экспрессивной) лексики до детальной дифференциации стилистической, семантической (эмоционально-оценочной), социально-возрастной, гендерной и другой информации.

В нашей Базе данных мы предполагаем параллельно использовать при описании эмоционально-оценочного слова и стилистические, и семантические пометы. Как нам представляется, эмоционально-оценочная семантика определяет стилистическую характеристику слова и, соответственно, в зависимости от эмоционально-оценочной

окраски самостоятельного значения или оттенка значения может меняться стилистическая характеристика слова.

Литература

1. *Толковый словарь русской разговорной речи* / под ред. Л.П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1: А–И. 775 с.

2. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21

3. Басалаева Е.Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 112–125. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09

4. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Сер. История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 11–21. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21

5. Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / отв. ред. В.М. Круглов. СПб. : Нестор-История, 2015. 442 с.

6. Складаревская Г.Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 84–97.

7. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М. : ОГИЗ, 1935–1940.

8. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988.

9. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. С.П. Обнорского. М. : Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А темп, 2006. 944 с.

12. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.

13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ: Астрель, 2006.

14. Емельянова О.Н. Бранная и вульгарная лексика в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 4 (34). С. 126–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brannaya-i-vulgarnaya-leksika-v-tolkovyh-slovyah-russkogo-yazyka> (дата обращения: 21.07.2020).

15. Емельянова О.Н. Эмоционально-экспрессивная характеристика лексики в толковых словарях современного русского языка // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. (доп. номер). С. 49–57.
16. Винокур Т.Г. Нужна ли нормативному толковому словарю помета «просторечное»? // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 133–145.
17. Складревская Г.Н. Новый академический словарь : проспект. СПб., 1994. 64 с.
18. Михайлова О.А., Купина Н.А. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с. // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2016. Т. 75, № 1. С. 63–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25809226> (дата обращения: 21.07.2020).
19. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 21.07.2020).

Stylistic Qualification of Colloquial Vocabulary in the Database of Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 5–22. DOI: 10.17223/22274200/20/1

Elena G. Basalaeva, Elena Yu. Bulygina, Tatiana A. Tripolskaya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lena.bas@mail.ru / bulyginalena2010@mail.ru / tatianatripolskaya@gmail.com

Keywords: lexicography, vocabulary labels, colloquial vocabulary, Database of Pragmatically Marked Vocabulary.

The article focuses on the issue of the stylistic ranking (clarification of the system of stylistic labels) and correlation of stylistic labels with emotional and evaluative ones in the electronic lexicographic resource Database of Pragmatically Marked Vocabulary. The resource pursues the goal of the most complete lexicographic portraiture of the lexical meaning that contains pragmatic semantics (ideological, gender, national-cultural and emotional-evaluative). The macrostructure of the Database, criteria for the formation of the glossary, ways of interpreting the pragmatic content are described in the works of the participants in the lexicographic project E.G. Basalaeva, E.Yu. Bulygina, T.A. Tripolskaya. The material of the research is emotional-evaluative vocabulary (*mrak*, *mychat'* (about human speech), *vkalyvat'*, *uzhas*, *balbes*, *nytik*, *myam-lya*, etc.) in need of special stylistic (colloquial, vernacular, rude, everyday, etc.) qualification. The authors relied on definitional, component and corpus analysis in the study. The study of the main explanatory dictionaries of the Russian language from the standpoint of the placement and correlation of stylistic and semantic labels allows obtaining the following information: 1) about lexicographic traditions relevant to the development of a new dictionary resource; 2) about possible dynamic processes in the field of stylistically marked vocabulary; 3) about the hybrid nature of stylistic and semantic labels: in some cases, stylistic labels (without emotional-evaluative ones) are designed to combine information about the sphere of use and emotional-evaluative semantics; and

sometimes semantic labels, for example, *contemptuous* or *abusive*, serves as an indicator of colloquial or vernacular use. One of the primary tasks in the lexicography of these lexemes is the development of a possibly consistent system of stylistic and semantic labels. In the Database of Pragmatically Marked Vocabulary, the authors propose to use semantic and stylistic labels in parallel in relation to each other. The created Database makes it possible to present a lexicographic portrait of a pragmatically marked word, the presence and interaction of pragmatic microcomponents, their dynamics manifested in modern communication. Thus, the article analyzes the systems of vocabulary labels. The stylistic and semantic (emotional-evaluative) labels have been correlated, considering the same and semantic variation of a pragmatically marked word; the algorithm for the lexicographing of emotional-evaluative semantics, which determines the stylistic characteristics of a word, has been developed.

References

1. Krysin, L.P. (ed.) (2014) *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi* [An explanatory dictionary of the Russian oral speech]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
2. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A Database of Pragmatically Marked Lexical Items of the Russian Language: The Content, Principles of Description, and Possibility of Using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06
3. Basalaeva, E. G. (2016) The Pragmatic Component and Ways of Its Semantization in the Electronic Database. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (34). pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
4. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2017) Dictionary of emotional-evaluative words in paradigm of active lexicography. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija. – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 16 (9). pp. 11–21. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21
5. Kruglov, V.M. et al. (2015) *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo jazyka* [Normative-stylistic labels in the explanatory academic dictionaries of the Russian language]. St. Petersburg: Nestor-Istorija.
6. Sklyarevskaya, G.N. (1989) *Yeshche raz o problemakh leksikograficheskoj stilistiki* [Once again about the problems of lexicographic stylistics]. *Voprosy jazykoznanija*. 3. pp. 84–97.
7. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
8. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
9. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern standard Russian: in 17 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. Ozhegov, S.I. (1952) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd. inostrannykh i natsional'nykh slovarey.
11. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: A temp.
12. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint
13. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 vols]. Moscow: AST: Astrel.
14. Emelyanova, O.N. (2015) Abusive and vulgar vocabulary in explanatory dictionaries of the Russian language. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva – Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V.P. Astafiev.* 4 (34). pp. 126–130. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/brannaya-i-vulgarnaya-leksika-v-tolkovyh-slovyah-russkogo-yazyka> (Accessed: 21.07.2020).
15. Emelyanova, O.N. (2009) An Emotionally Expressive Characteristic of the Vocabulary in the Explanatory Dictionaries of the Contemporary Russian Language. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* Supplement. 2. pp. 49–57. (In Russian).
16. Vinokur, T.G. (1988) Nuzhna li normativnomu tolkovomu slovaryu pometa “prostorechnoye”? [Does the normative explanatory dictionary need the label “vernacular”?]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovarnye kategorii* [Dictionary categories]. Moscow: Nauka. pp. 133–145.
17. Sklyarevskaya, G.N. (1994) *Novyy akademicheskyy slovar'. Prospekt* [New Academic Dictionary. Prospectus]. St. Petersburg: [s.n.].
18. Mikhailova, O.A., Kupina, N.A. (2016) An Explanatory Dictionary of the Russian Oral Speech, Issue 1: A-I [in Russian: A-H] / Gen. Ed. L.P. Krysin. M.: LRC, 2014. 776 p. [In Russian]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. literaturny i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.* 75 (1). pp. 63–67. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25809226> (Accessed: 21.07.2020). (In Russian).
19. *Russian National Corpus.* [Online] Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 21.07.2020). (In Russian).

УДК 81'282.2

DOI: 10.17223/22274200/20/2

Н.Б. Клименко

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОСТЕПНЫХ ГОВОРОВ

Представлены концепция и принципы построения регионального словаря дифференциального типа, создаваемого на материале лексики украинских восточностепных говоров Донетчины. Охарактеризованы тип и общая структура словаря, особенности словарных статей (толкование значений, грамматические характеристики, пометы, отражающие особенности функционирования слова в говоре, своеобразный иллюстративный материал), приведены примеры словарных статей, намечены перспективы использования словаря.

Ключевые слова: восточностепные украинские говоры, диалектный словарь, регионализм, локализм, вариант, синоним.

Одной из главных задач диалектной лексикологии является определение состава и особенностей семантической структуры лексики территориальных диалектов и дальнейшее их изучение в различных аспектах. Славянская диалектология уже достигла значительных успехов в этой области лингвистических исследований. Последние десятилетия ознаменовались выходом целого ряда лексикографических работ, отображающих богатство и многообразие диалектных лексических фондов разных славянских языков: русского [1–3], польского [4], белорусского [5], болгарского, сербского и др.

Украинские диалектологи еще работают над созданием единого диалектного Словаря украинских народных говоров. На протяжении XX в. появилось немало научных лексикографических трудов, содержащих украинскую диалектную лексику в основном старосельческих говоров [6–9]. Изучение состава и семантической структуры диалектной лексики украинских говоров позднего образования активизировалось только в конце XX – начале XXI в. Немалая заслуга в этом принадлежит группе украинских диалектологов, изучающих слобожанские говоры: Е.Д. Глуховцевой, В.В. Лесновой, И.А. Николаенко, А.А. Сагаровскому и др. Именно благодаря им мы сегодня имеем лексикографические работы, содержащие диалектную лексику слобожанского говора: Словарь восточнослобожанских украинских говоров [10], Диалектный словарь Центральной Слобожанщины (Харь-

ковщины) [11]. Как отмечают сами составители, эти диалектные словари являются только начальным этапом в создании многотомного словаря украинских слобожанских говоров и будут способствовать дальнейшей, более глубокой лексикографической обработке новосельческих украинских говоров Харьковщины и Луганщины.

Несмотря на очевидные успехи в области определения состава и семантики лексики новосельческих украинских говоров, актуальными остаются слова Н.И. Толстого о неравномерности исследования славянского диалектного континуума, что проявляется в слабой осведомленности о лексическом уровне отдельных диалектов [12. С. 3]. Высказанная мысль в полной мере относится к восточностепным украинским говорам Донетчины, которые до сих пор остаются наименее изученными и проработанными в лексикографическом плане.

Актуальность изучения восточностепных говоров Донетчины «определена прежде всего тем, что, находясь на пересечении нескольких диалектных массивов (приднепровские, слобожанские, донские говоры) и объединив в процессе своего образования особенности старосельческих диалектов, а также других говоров позднего образования, находясь под влиянием диалектных групп других языков, они не только остаются без системного описания, но и недостаточно изучены на всех структурных уровнях» [13. С. 6].

В конце XX – начале XXI в. были выполнены диссертационные исследования, посвященные анализу нескольких тематических групп лексики восточностепных говоров: Л.Д. Фроляк (флористическая лексика), Н.Б. Клименко (названия одежды), В.Ю. Дроботенко (обрядовая лексика), Н.П. Сиденко (географическая номенклатура), М.С. Кушмет (сельскохозяйственная лексика), Н.Г. Загнитко (названия пищи) и др. Обязательным компонентом упомянутых диссертаций является индекс исследуемой лексики с обозначением страниц, на которых подробно проанализированы значения диалектных слов. Уже сама фиксация диалектной лексики новосельческих украинских говоров Донецкой области способствует созданию эмпирической базы Словаря восточностепных украинских говоров. Однако практика конкретных исследований диалектной лексики накладывает ограничения на объем привлекаемого материала, сводя анализ системы к изучению ее фрагментов [14. С. 4]. Пока что ни сведения, имеющиеся в лингвистических исследованиях, упомянутых выше, ни материалы Атласа украинского языка [15] полностью не отражают лексический состав и специфику восточностепных украин-

ских говоров. Поэтому сегодня пока еще отсутствует полная лексикографическая фиксация украинских говоров Донетчины, что актуализирует работу над созданием Словаря восточностепных украинских говоров.

О значимости изучения говоров позднего заселения неоднократно говорилось в исследованиях славянских диалектологов. Ф.Т. Жилко отмечал, что «новосельческие говоры привлекают внимание исследователей не только своей историей возникновения, но и особенностями развития, своеобразной структурой, хотя до сих пор остаются едва ли не наименее исследованными среди других юго-восточных говоров» [16. С. 3]. Специфические особенности новосельческих диалектов, требующие тщательного анализа, выделяла и Л.И. Баранникова. Изучение процессов взаимодействия разных диалектных систем в говорах территорий позднего заселения «может помочь в восстановлении фактов далекого прошлого... предсказать большую или меньшую устойчивость тех или иных диалектных черт, наметить некоторые закономерности дальнейшего изменения диалектных систем» [17. С. 4].

Актуальность исследования словарного состава новосельческих диалектов возрастает с учетом временной трансформации территориальных говоров. «Диалекты в условиях интенсивной экономической, общественно-политической и культурной жизни, при невиданном подъеме культуры народных масс, в условиях осуществления всеобщего обучения все более уступают место литературному языку. Иначе говоря, происходит процесс разрушения старых диалектных систем, который в говорах территорий позднего заселения носит особенно интенсивный характер» [18. С. 4].

Кроме того, первоочередной задачей исследователей украинских говоров позднего образования является сохранение наиболее полной по объему информации о восточностепных говорах Донецкой области, пока они не претерпели глубинных структурных преобразований вследствие не только интенсивного междиалектного взаимодействия, но экстралингвистического фактора – военных действий, охвативших Донетчину с 2014 г.

Таким образом, лексикографическая фиксация фактического материала, который бы представлял диалектную лексику украинских восточностепных говоров, является **актуальной**, поскольку обуславливает системное изучение украинского диалектного языка.

Объектом настоящей статьи является диалектная лексика народного быта восточностепных украинских говоров. **Предмет** исследования –

лексикографическая фиксация данной лексики. **Цель** – освещение концепции и основных принципов построения Словаря восточнестепных украинских говоров.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: освещение критериев отбора эмпирического материала; разработка принципов построения Словаря; определение структуры Словаря и словарной статьи; описание специфики обозначения вариантов исследуемых диалектных наименований одежды; освещение семантической структуры анализируемых слов в говоре; отображение синонимии, полисемии и омонимии исследуемых лексических единиц; фиксация экспрессивных оттенков исследуемой диалектной лексики; написание пробных словарных статей.

Новизна работы состоит в объекте исследования: восточнестепные украинские говоры практически не изучены в лексикографическом аспекте. В 2006 г. вышел первый выпуск «Материалов к словарю восточнестепных украинских говоров» [19], который ознаменовал начало работы над созданием Словаря восточнестепных украинских говоров.

Материалом для статьи стали диалектные записи, осуществленные самим автором преимущественно экспедиционным, а также анкетным методом в селах Донецкой области на протяжении 1997–2013 гг. Всего обследованных населенных пунктов – 110, однако в статье будут представлены словарные статьи, фактический материал в которых паспортизируется только в части населенных пунктов. Кроме того, использован диалектный материал, собранный студентами филологического факультета Донецкого национального университета им. Василя Стуса.

Тип словаря и характер лексикографируемой лексики

Данный Словарь восточнестепных украинских говоров является региональным словарем дифференциального типа, потому что не охватывает всей лексики, употребляемой в исследуемых говорах, а представляет только традиционную диалектную лексику, которая не вошла в основной словарный состав украинского литературного языка. Такие слова отображают различные диалектные особенности украинских донецких говоров: лексические, семантические, стилистические, словообразовательные, грамматические, фонетические, акцентологические.

Следуя традициям лексикографической обработки диалектной лексики восточнестепных украинских говоров [18, 20], в состав сло-

варя включены слова, которые можно подразделить на несколько групп: 1) собственно диалектная лексика – слова, которые отсутствуют в современном украинском литературном языке (**байцѳрѳа** ‘нити, свисающие с края одежды’); 2) семантические диалектизмы, т.е. слова, в своем оформлении ничем не отличающиеся от слов литературного языка, но имеющие в говорах особые значения (**зав’ѳска** ‘фартук’); 3) этнографическая лексика – названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства данной местности, не имеющие параллелей в современном украинском литературном языке (**д’ѳл’ѳка** ‘самодельная юбка из рыболовецкой сетки’); 4) слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но в ином аффиксальном оформлении (**вал’ан’ц’ѳ** ‘валянки’); 5) слова, отличающиеся от общепринятых слов фонетической структурой (**кѳхта, кухвѳйка**).

Словарь охватывает также как *специфические слова*, употребляемые исключительно в восточностепных говорах, так и *диалектную лексику*, известную и другим украинским диалектам. Во избежание каких-либо терминологических разночтений первые будем считать *локализмами* – особенными местными словами, которые употребляются только в новосельческих говорах Донецкой области, являются спорадическими и, как правило, не картографируются: их размещают в комментариях к лингвистическим картам (*све’рѳл’ѳчка* ‘крапива’, *с’ѳрбанка* ‘редкий суп’ и др.). К *региональным словам*, или *регионализмам*, будем относить диалектные слова, ареалы которых охватывают территории различных групп говоров. Немало примеров регионализмов находим в диалектных словарях других украинских говоров. Например, наименование *ѳрѳѳанки* ‘штаны на меху’ употребляется как в восточностепных говорах (М-Кач, Темрюк, Коз, Ком Манг), так и в украинских говорах Нижнего Приднепровья *ѳрѳѳанки* ‘меховые штаны’ [8. Т. 2. С. 129]; всем восточностепным говорам известно диалектное слово *ѳе’бѳрка* ‘ведро’, активно употребляемое и в других говорах южно-восточного наречия. Например, восточно-слобожанское наименование *ѳе’бѳрка* (*ѳѳбѳрка, ѳѳбѳрка, ѳѳбѳрка*) ‘ведро’ [10. С. 219].

К регионализмам также будем относить русизмы, которых немало в украинских восточностепных и восточнослобожанских говорах, функционирующих на территории украинско-российского пограничья, и значительно меньше в других украинских говорах. Например: *сѳхар’*, *ѳр’ѳзне, плѳс’ѳн’*, *с’ѳл’ѳд’ѳка, с’т’ѳрат’*.

Структура словарной статьи

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке. Заголовки словарных статей поданы не в обычной орфографии, а с использованием упрощенной фонетической транскрипции. Например:

попе^арѣдник, -а, м.

Ударение указывается во всех словах, зафиксированных в современных восточностепных украинских говорах, кроме состоящих из одного слога. Два ударения поставлены на одном слове в случае, когда в исследуемых говорах зафиксированы варианты названий с разным ударением. Например:

рѳзпѳрка (рѳзп^а'ірка, рѳзпѳрка), -и, ж. Разрез спереди в мужских брюках.

После заглавного слова приведены его грамматические характеристики. Для имен существительных это окончание слова в родительном падеже, единственном числе, а также род существительного для наименований, употребляемых в единственном числе. Если слово функционирует только во множественном числе, на это указывает помета *мн.* Собирательные существительные обозначены пометой *собир.*

Принадлежность заглавного слова к прилагательному в Словаре видна по родовым окончаниям мужского, женского и среднего родов. Обязательно для прилагательных обозначены окончания слов в родительном падеже единственного числа.

Заглавные слова-глаголы представлены в Словаре в форме инфинитива; также указаны окончания форм 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа настоящего времени. Например, *заяжар'уват'*, *-їу*, *-їут'*. Безличные глаголы внесены с пометами, указывающими, что это именно безличная форма, и объясняющими вид глагола.

Слова, являющиеся иными частями речи, также помечены в Словаре. Например:

навїворот, нареч. Лицевой стороной внутрь, а изнаночной наружу (в большинстве восточностепных говоров).

у нас кажут' / *шо колї од'їгне^ачи шос'* навїворот / *то хтос'* по нѳс'ї тѳ^аб'ї дас'т' // (Новоукр).

В восточностепных говорах, как в типичных новосформированных, существуют многочисленные варианты в каждой тематической группе лексики. «Фонетические варианты слов – это различные видо-

изменения звуковой оболочки слова, не затрагивающие его морфологического состава. Они характеризуются полным тождеством значения и поэтому разрабатываются в одной словарной статье» [3. Вып. 1. С. 8]. Фонетические варианты включены в самом начале в заголовок словарной статьи и после заглавного слова наведены в круглых скобках. Например; *кухвáйка* (*кохвáйка, куфáйка*). При этом на первом месте чаще всего стоит наиболее употребляемое в исследуемых говорах слово. Такая неполная дифференциация фонетических вариантов обусловлена прежде всего тем, что в одном говоре (одного населенного пункта) могут быть использованы разные варианты.

Слова, одинаковые или весьма близкие по значению, но различающиеся аффиксами основы, рассмотрены в Словаре как словообразовательные варианты. Отсылка на такие слова размещена в конце словарной статьи и помечена стрелочкой (→).

Слова-синонимы, независимо от того, являются они дублетами (параллелизмами) или отличаются семантическими оттенками, коннотацией, перечислены в конце словарной статьи и помечены звездочкой (*). Например:

ваганú, -ив, мн. Продолговатое корыто из дерева (3 П, Красногор, Петр П).

ваган 'ív ужé ѝ не^нма́ н'í в ко́го / а йкио́ ѝе / то стоиáт' у кон'úин'í // (3 П).

***корúто**

***но́чви**

Поскольку функционирование значительного количества синонимических наименований является одной из важных особенностей новосельческих говоров, для полного понимания семантической структуры таких слов в Словаре разработаны отдельные словарные статьи.

Слова-омонимы снабжены цифровым указателем и разработаны в разных словарных статьях. Например:

ка́чка¹, -и, ж. Домашняя водоплавающая птица, ценная своим мясом, жиром и т.д.

ѝа качо́к не^н де^нржу́ / не^н л'убл'у́ / там мн'áса ма́ло / í вонí ме^н'í ѝак вон'áйт' // (С).

ка́чка², -и, ж. Процесс извлечения меда из ульев (Стмлн ВН).

ка́чка м'о́ду настуáйе п'ís'л'а вз'áтку / ви^нкладáйе^дм ме^д / ѝак центрoб'íжна сíла / м'едогóн со́ти кру́т'ат' // (Стмлн ВН).

После заглавного слова и соответствующих грамматических помет толкуется значение слова описательным способом. Значения диалектных слов, полностью совпадающие с соответствующими словами литературного языка, определяются посредством этих литературных слов (одного слова или группы синонимов). Диалектные слова, значения которых не совсем совпадают со значениями слов литературного языка или вовсе не имеют лексических соответствий в литературном языке, толкуются описательным способом. При необходимости синонимичный и описательный способы комбинируются.

Слово дается в словарной статье во всей полноте его диалектных значений, представленных в восточнестепных украинских говорах. Поэтому одна из характерных особенностей новосельческих говоров – развитие полисемии уже существующих наименований, безусловно, отображена в структуре Словаря. При пояснении многозначных слов на первом месте, как правило, расположено более употребляемое значение.

Толкование значения слова в большинстве случаев сопровождается иллюстративным материалом, который раскрывает значение слова в контексте и особенности его функционирования в говоре. Для редких исключений иллюстративный материал отсутствует, поскольку представляет собой минимальный контекст из одного или двух слов. Обширный иллюстративный материал, на наш взгляд, является отличительной чертой этого Словаря.

Паспортизация словарных материалов

После каждого примера, взятого из живой речи, указывается населенный пункт (сокращенное наименование села (поселка), района), в котором был записан иллюстративный материал.

Паспортизация фактического материала является обязательным компонентом каждой словарной статьи. Она представляет собой буквенное сокращение названий исследованных населенных пунктов, в которых записано словарное слово. Если слово распространено на всей территории Донецкой области, в скобках после пояснения его значения указано (во всех восточнестепных говорах) или (в большинстве восточнестепных говоров).

Ниже приведен фрагмент Словаря восточнестепных украинских говоров, представленный названиями одежды.

байц'ор'я, собир. Нитки, свисающие с края одежды.

*ск'іки^е іа іого^о носіла / тр'охі^е / а вон'о ж н'ікудішн'е / туді / с'уді / і
буде^е т'іл'іпац':а байц'ор'я // (С).*

***стр'об'я, стр'об'ки, тр'об'ки**

***об:ўв'ки**

***пац'ор'ки**

в'ані'к, -а, м. Верхняя часть женской рубашки от плечей до талии (без рукавов) (Шевч ВН, Хл В, Ант М, Андр ВН).

*в'аніки оц'е п'оки при'м'єрно / отут в'ір'із був / тут зас'т'іб'алі'с'а / оц'е в'аніки назі'в'алі'с'а / з'ім'ойу все вр'ємн'а носіли в'аніки / а л'ітом
р'ідко колі носіли / л'іхв'і'ки ти'єп'єр / а то'д'і в'ані'ки булі // (Андр
ВН).*

ви'нси'ра'да, -и, ж. Длинный плащ из непромокаемой ткани с широким капюшоном, рукавами или разрезами для рук (М-Кач, Коз).

у ви'нси'рад'і дошч' не^е страшні'й і ри'єбак'ам // (М-Кач).

гн'ідни'ки, -ів, мн. 1. Старая потрепанная одежда (С, Дм Ш, Ср П, Андр ВН).

*т'іл'кі^е д'оба м'ожна в такіх гн'ідниках ходіт' // вправл'ац':а /
г'арн'є^е та чіст'є^е ж'алко // (Дм Ш).*

***лахм'іт':а (лахм'от':а)**

***д'єн'т'ух**

2. Пренебрежительное название предметов обихода, одежды и т.п., принадлежащих кому-либо; пожитки (С, Мих П, Кат М, Ант М, Усп М, Серг П, Андр ВН).

заби'рай свої' гн'ідни'ки і йди туді / зв'ідк'іл'а при'йшов // (Серг П).

гр'азне, -ого, с. Грязная одежда (общее название) (во всех восточностепных говорах).

*ходіл'і прат' гр'азне на р'ічку Гр'іши'єнку / або на став'ок // (Гр П)
ус'є гр'азне ст'ірайу / колі вр'єм'я йє // (Нов Бойк).*

д'єн'т'ух, -а, м. То же, что и **гн'ідни'ки 1.** Старая потрепанная одежда (Кам).

*ну д'єн'т'ух к'ажут' / д'єн'т'ух / особ'є^н:о з ус'ого пон'іше^нного / ну
р'із'али ж' ўбранки ц'і ж' і ш:и'єв'али / а то'д'і т'калі з них дор'ож'ки // (Кам).*

***лахм'іт':а (лахм'от':а)**

***гн'ідни'ки**

зав'іска, -и, ж. Предмет преимущественно женской одежды, надеваемый поверх какой-либо одежды, оберегающий от загрязнения; фартук (Алекс В, ГО Бойк, Петр Ст, Бл Амв, Кл Амв, Воздв П).

*на пр'азні'к і'ак од'іне'ц':а д'івчи'єна / так л'овко бу'ло / к'охточка
б'іла / і'ўпка ч'орна чи к'расна / зав'іска б'іла / і'ак мак цв'іт'є / так
л'овко // (Алекс В).*

*хвартух

*попе^нредник, пе^нредни^чк

*при^нпунда

кухвэйка (кохвэйка), -и, ж. Стеганая ватная куртка, ватник (во всех восточностепных говорах).

у нас дес' у войну́ носіли / це те саме / шо ват'анка / т'іки ж ват'аки б'із рукав'ів // (Андр ВН) р'ан'ше чи^нпл'али і до плат':а вуз'ен'кий хл'асте^ч'ок / і до кухф'айки / вр'од'е красіво бул'о / не^н ши^нроке вон'о // (Арт Амв) до в'їїні ко'хвэйки не^н но^нсіли^н / но^нсіли^н сви^нто^чк'і / ко^нжушки ко^нр'отк'і // (Св В) кухвэйки началі носіт' дес' у сороко́вих год'ах / у к'ін'ц'і сороко́вих / п'іс'л'а в'їїни // (Новоукр).

лапс'орда́к (лапс'урда́к, лапс'орта́к, лапсарда́к, лапс'ерда́к), -а, м. 1. Ирон. название любой верхней одежды (Разд Бахм, Темрюк, Ком Манг, Черв Манг, ГО Бойк, Крснп Ст, Ол В, Елен В, Алекс В, Новотр В, Усп М, Кат М, Ант М, Хом НА, Красногор, ВП ВН, Шевч ВН, Андр ВН, Петр Ст, Гл Ст, Кум Ст, Бл Амв, Лис Амв, Вас Амв, Дм Ш, С, Ср П, Снц П, Серг П, Мих П, Роя).

це ж ми так ка́же^нм і на пал'то́ / і на шо х'оче^нш / йак см'їєм'ос'а вр'од'і / а вон'о ж оде^нж'їна ж та сама / цей лапс'урда́к// (Разд Бахм).

2. Старинный долгополый еврейский сюртук (М-Кач, Нов Бойк, Хл В, Св В, ВН, Нвптр ВН, Пл В, Нов Бойк).

лапс'орда́к / це оде́жа йе'вр'ей'ів / пе^нре^нва́жно в'єруй'ушчих / стар'ого в'їку / т'їна пал'та́// (Нов Бойк).

3. Потрепанная, старая одежда (ВН, С, Арт Амв, Гр Амв, Бл Амв, Кл Амв, Мих П).

*шо то за лапс'орда́к ви'с'їт' / ти б'його в с'їн'ах заліши^нла // (Мих П).
→лапс'ордач'ок*

лахмо́т':а (лахм'їт':а) , собир. То же, что и гн'їдни^чки 1. Старая потрепанная одежда (Св В, Алекс В, Новотр В, Ант М, Новоукр, С, Бл В, Мих П, Сп-Мих Ал).

шч'ос' стар'е назив'а́йут' у нас лажмо́т':ам / част'їше^н ка́жут' барахл'о // (Ант М).

*гн'їдни^чки

*д'єн'т'ух

пи^ншт'ани^чки, -ів, мн. Мужские нижние штаны с длинными штанинами.

н'є / у нас ка́жут' т'їшт'аники / а сп'одни^чки н'їхто не^н ка́же^н // (Св В).

*портк'ї

*сп'одни^чки

попе^нредник, -а, м. Предмет преимущественно женской одежды, надеваемый поверх какой-либо одежды, оберегающий от загрязнения; фартук (Новоукр, Гр Амв, Нов Яс, Перв Яс, Петр П, Серг П, Добр Д, Роя).

попе^редни^к / це простий хвартух / а то йе шч'е хвартух з нагрудни^ком // (Новоукр) пе^редник дбама нос'ут' / а ран'ше і нар'ажали^с'а // (Св В).

*зав'іска

*при^епінда

*хвартух

порткі, -ів, мн. 1. Мужские нижние штаны с длинными штанинами (ГО Бойк, Крснп Ст, Кат М, Бз НА, Шевч ВН, Гр Амв, Оп Яс, С, Серг Сл).

порткі ран'ше мужи^кі вс'і носіли / штані / а на сп'ід порткі // (Кат М).

*сподни^ки

*пи^ештани^ки

2. *Пренебр.* Любые мужские штаны (С, Мих П, Серг П).

при^ебе^рі от'і порткі / не^хай не^в вал'айуц':а // (С).

при^епінда, -и, ж. *Ирон.* Предмет преимущественно женской одежды, надеваемый поверх какой-либо одежды, оберегающий от загрязнения; фартук (Темрюк).

ми так с'м'ійали^с'а / при^епінда / на хвартух / йогó ж йак при^ети^найе^ш // (Темрюк).

*попе^редни^к, пе^редник

*зав'іска

*хвартух

сподни^ки, -ів, мн. Мужские нижние штаны с длинными штанинами (М-Кач, Темрюк, Коз, Крснп Ст, Хл В, Ком Манг, Св В, Алекс В, Усп М, Кат М, Ант М, Бз НА, Хом НА, Красногор, Алекс М, Шевч ВН, ВН, Андр ВН, Нвптр ВН).

р'ізниці н'ійакої / сподни^ки і кал'со́ни/ ка́зали стар'і л'уди / а трусі молод'о́ж но́се // (Ком Манг) вонó коли́ восе^нні́ чи л'і́том но́се чолов'і́к с'п'і́д'н'і́ штані́ / сподни^ки / то́ йі́х шійу́т' с' сі́ц':у / а в́же з'і́мо́йу з ба́йки шійу́т' // (Ант М).

→спод'н'і, с'п'ід'н'і

*порткі

*пи^ештани^ки

стр'опія, собир. Нитки, свисающие с края одежды (Кам, Зл В, Св В, ВП ВН, Андр ВН, Шевч ВН, Нвптр ВН, Дм Ш, Оп Яс, Ср П, Петр П, Мих П, Гр П, Воздв П, Зв Бахм, Св Бахм, Кир В, Разд Бахм, Неск ВН, Ник П, Яс).

крайá обмéту́ю / шчоб стр'опія не^в обстр'опувалос'а // (Кам).

→стр'опки, тр'опки

*об:івки

*байцорія

*пац'орки

сúкн'а, -і, ж. 1. Женская одежда, облегаящая фигуру от талии книзу, юбка (С, Мих П, Новоукр).

р'ідко колі́ плат'а назива́лиє сúкн'е́йу / сúкн'а / це ж^м сп'ідни́ц'а // (С).

***йўб'ка**

***сп'ідни́ц'а**

2. Цельная женская одежда, верхняя часть которой соответствует кофте, а нижняя – юбке; платье (Новоукр, Алекс В, Ник П, С).

***плат'а**

***плат'ачко**

троакáр (тройекáр, тройакáр), - а, м. 1. Женский костюм из трёх частей: юбки, жакета и жилета (Мих Ал, Пр Сл, Серг Сл).

троакáр / в'ін не в кáжного був / у мене був / такий / йак крáсний / чи ви^ешнєвий / онде / ди^евіс'а / п'іджáк остáвс'а / на в'ишáлц'і ви^есúт' // (Серг Сл).

2. Удлиненный женский осенний пиджак, который носили без верхней одежды (Манг, Крснп Ст, Мих П, Усп М, Павл М, Ант М, Бз НА, Шевч ВН, ВН, Андр ВН, Петр Ст, С, Вас Амв, Неск ВН, Роя, Перв Бойк).

троакáр / в'ін йак п'іджáк / дóвги^ей / роск'лошóн:ий бес п'ід^мк'лáд^мки / так шов із:áду / і два / по бокáх // (С) *тройекáри / це йак нап'івнáл'та із сукнá / з матéр'ий та^{кó}йї / з воротни^чкóм //* (Ант М).

хвáртух (фáртух), -а, м. Предмет преимущественно женской одежды, надеваемый поверх какой-либо одежды, оберегающий от загрязнения; фартук (во всех восточностепных говорах).

булі кухóн'і хвартухі й робóч'і / носіли ус'і на йўбку чи плат'а // (Бз НА) *о / ну хвáртух / так жи ш хвáртух / і є / т'іки ш тóже вс'áких ц'в'етóв / вс'áких йес'т' фартухи / і з нагрудни^чками / от шоб на грóди / а йес'т' хвáртух / т'іко до половіни / от / йес'т' так'і шо дл'а готóвки йісти там / той по дóмов'і / а йес'т' рáн'ше / ичас то не' нóс'ат' / рáн'ше ш булі празніч'н'і хвáртухи //* (Кам).

***попéредни^чк, пe^чредник**

***зав'іска**

***при^чпúнда**

Заклучение

Таким образом, в статье разработаны принципы построения регионального диалектного словаря с учетом уже существующих наработок в славянской диалектологии в целом и в украинской в частности. Исследование содержит пробные словарные статьи Словаря восточностепных украинских говоров, который демонстрирует достаточно бо-

гатую словарную базу украинских говоров позднего образования, расположенных на периферии украинского диалектного континуума. Представленный фрагмент Словаря является очередным этапом работы по лексикографической фиксации восточнестепных украинских говоров. Имеющийся сегодня обширный эмпирический диалектный материал нуждается в лексикографической проработке и вполне может быть представлен вначале в виде отдельных выпусков Материалов словаря восточнестепных украинских говоров, которые в будущем составят основу Словаря восточнестепных украинских говоров.

Дальнейшее исследование и более тщательное изложение принципов составления регионального Словаря восточнестепных украинских говоров будет возможным после извлечения, отбора, анализа большего количества лексического материала. В связи с этим предложенные принципы лексикографической фиксации восточнестепных украинских говоров могут быть расширены и уточнены.

Материалы создаваемого Словаря могут служить источником для этнолингвистического, дискурсивного, психоллингвистического, когнитивного и других аспектов исследования разговорной украинской речи восточнестепных говоров Донетчины и быть использованы при создании единого Словаря украинских народных говоров.

Условные сокращения

ирон. – иронично; *мн.* – множественное число; *нареч.* – наречие; *м.* – мужской род; *собир.* – собирательное; *жс.* – женский род; *пренебр.* – пренебрежительное; *с.* – средний род

Список сокращений исследованных населенных пунктов Донецкой области

Алекс В – Александринка Волновахского района **Алекс М** – Олександровка Марьинского района **Андр ВН** – Андреевка Великоновоселковского района **Ант М** – Антоновка Марьинского района **Арт Амв** – Артемовка Амвросиевского района **Бз НА** – Безыменное Новоазовского района **Бл Амв** – Благодатное Амвросиевского района **Бл В** – Благодатное Волновахского района **Вас Амв** – Васильевка Амвросиевского района **ВН** – Великая Новосёловка **Воздв П** – Воздвиженка Покровского района **ВП ВН** – Вольное Поле Великоновоселковского района **ГБ Ал** – Громова Балка Александровского района **Гл Ст** – Глинки Старобешевского района **ГО Бойк** – Греково-Александровка Бойковского района **Гр Амв** – Грабское Амвросиевского района **Гр П** – Гришино Покровского района **Дм Ш** – Дмитровка Шахтёрского района **Добр Д** – Доброполье Добропольского района **Елен В** – Еленовка Волновахского района **З П** – Зоряне Покровского района **Зв Бахм** – Звановка Бахмутского района **Зл В** – Злагоустовка Волновахского района **Ив Ал** – Иверское Александровского

района **Кам** – Каменка Добропольского района **Кат М** – Катериновка Марьинского района **Кир В** – Кириловка Волновахского района **Кл Бах**– Клёновка Амвросиевского района **Коз** – Козацкое Новоазовского района **Ком Манг** – Комышеватое Мангушского района **Красногор** – Красногоровка Марьинского района **Крснп Ст** – Краснополье Старобешевского района **Кум Ст** – Кумачёво Старобешевского района **Лис Амв** – Лисичье Амвросиевского района **Манг** – Мангуш **Мих Ал** – Михайловка Александровского района **Мих П** – Михайловка Покровского района **М-Кач** – М-Качкары Новоазовского района **Нвптр ВН** – Новопетрировка Великоновоселковского района **Неск ВН** – Нескучное Великоновоселковского района **Ник Горл** – Никитовка г. Горловки **Ник П** – Николаевка Покровского района **Нмих М** – Новомихайловка Марьинского района **Нов Бойк** – Новосёлка Бойковского района **Нов Яс** – Новосёлка Ясиноватского района **Новотр В** – Новотроицкое Волновахского района **Новоукр** – Новоукраинка Марьинского района **Ол В** – Ольгинка Волновахского района **Оп Яс** – Опытное Ясиноватского района **Павл М** – Павловка Марьинского района **Перв Бойк** – Первомайское Бойковского района **Перв Яс** – Первомайское Ясиноватского района **Петр П** – Петровка Покровского района **Петр Ст** – Петровское Старобешевского района **Пл В** – Платоновка г. Волновахи **Пр Сл** – Приволье Славянского района **Разд Бахм** – Раздольевка Бахмутского района **Роя** – Роя Марьинского района **РЯ Кост** – Русин Яр Константиновского района **С** – Селидово **Св Бахм** – Северск Бахмутского района **Св В** – Свободное Волновахского района **Серг П** – Сергеевка Покровского района **Серг Сл** – Сергеевка Славянского района **Серд Ш** – Сердитое Шахтёрского района **Снц П** – Солнцевка Покровского района **Сп-Мх Ал** – Спаско-Михайловка Александровского района **Ср П** – Срибное Покровского района **Стмлн ВН** – Старомлиновка Великоновоселковского района **Темрюк** – Темрюк Никольского района **Усп М** – Успенровка Марьинского района **Хл В** – Хлебодаровка Волновахского района **Хом НА** – Хомутово Новоазовского района **Черв Манг** – Червоное Мангушского района **Шевч ВН** – Шевченко Великоновоселковского района **Яр.Л** – Яровая Лиманского района **Яс** – Ясиноватая

Литература

1. *Словарь русских народных говоров*. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).
2. *Новгородский областной словарь* / изд. подг. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; авт.-сост. А.В. Клевцова, А.В. Никитин, Л.Я. Петрова, В.П. Строгова; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб. : Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
3. *Псковский областной словарь с историческими данными*. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–2017. Вып. 1–27 (издание продолжается).
4. *Михальчук О.* Діалектні словники у Польщі кінця ХХ – початку ХХІ ст. // *Лексикографічний бюлетень*. 2008. № 17. С. 23–30.
5. *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986. Т. 1–5.
6. *Лисенко П.С.* Словник польських говорів. Київ : Наук. думка, 1972. 260 с.
7. *Ониськевич М.Й.* Словник бойківських говірок : в 2 ч. Київ : Наук. думка, 1984. Ч. 1: А–Н. 495 с.; Ч. 2: О–Я. 517 с.

8. Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя : Вид-во ЗДУ, 1992. Т. 1–4.
9. Гуцільські говірки : короткий словник. Львів : Вид-во Ін-ту українознавства ім. І. Крип'якевича, 1997. 232 с.
10. Словник українських східнословобожанських говірок / К. Глуховцева, В. Леснова, І. Николаєнко, Т. Тернавська, В. Ужченко. Луганськ, 2002. 234 с.
11. Сагаровський А.А. Діалектний словник Центральної Слобожанщини (Харківщини). Харків : Харк. нац. ун-т. ім. В.Н. Каразіна, 2006. Т. 1. 300 с.
12. Толстой Н.И. Об изучении полесской лексики : предисл. ред. // Полесье. М. : Наука, 1968. С. 3–19.
13. Фроляк Л.Д. Українські східностепові говірки Донеччини. Дрогобич : Просвіт, 2013. 400 с.
14. Гриценко П.Ю. Моделювання системи діалектної лексики. Київ : Наук. думка, 1984. 227 с.
15. Атлас української мови : у 3 т. Київ, 2001. Т. 3, ч. 1: Слобожанщина, Донеччина і суміжні землі. 36 с., 144 карти.
16. Жилко Ф.Т. Про лінгвогеографічне дослідження новостворених говорів української мови // Праці XII Респ. діал. наради. Київ : Наук. думка, 1971. С. 3–13.
17. Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1977. Вып. 1. С. 3–23.
18. Лютикова В.Д. Социальная дифференциация лексики говора на территории позднего заселения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1984. 19 с.
19. Омельченко З.Л., Клименко Н.Б. Матеріали до словника східностепових українських говірок. Донецьк : Вид-во ДонНУ, 2006. 114 с.
20. Клименко Н.Б. Фрагмент словника діалектної лексики східностепових українських говірок // Linguistic Studies: international collection of scientific papers. Kyiv-Vinnitsia : DonNU, 2015. Vol. 30. P. 78–83.

The Experience of Lexicographic Recording of Ukrainian Eastern Steppe Dialects
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 23–39. DOI: 10.17223/22274200/20/2

Nataliya B. Klymenko, Donetsk National Technical University (Pokrovsk, Ukraine).
E-mail: klymenko2010@gmail.com

Keywords: Eastern Steppe Ukrainian dialects, dialect dictionary, regionalism, localism, variant, synonym.

The aim of the article is to highlight the concept and basic principles of compiling a dictionary of Eastern Steppe Ukrainian dialects. The aim implies reaching the following objectives: substantiating the criteria for selecting the empirical material; developing the dictionary compilation principles; defining the structure of the dictionary and the dictionary entry; describing the specific designation of variants of the dialect names of clothing; covering the semantic structure of the analysed dialect words; representing

synonymy, polysemy and homonymy of the studied lexical units; recording expressive shades of the analysed dialect vocabulary; writing trial dictionary entries. The material for the article includes dialect recordings made by the author, mainly by the expeditionary method, in Donetsk Oblast settlements during 1997–2013. To track the degree of word spread in the studied dialects, the materials collected by students of the Philological Faculty of Vasyl Stus Donetsk National University have been used. The research methodology is based on the theoretical foundations of dialectology, lexicology and lexicography. To achieve the aim, general and specific scientific methods have been used: analysis and synthesis; descriptive and analytical method for collecting, inventorying, systematising dialectal lexical units, as well as for interpreting linguistic facts; the comparative method has been used to determine the peculiarities of the analysed dialectal vocabulary; the technique of modelling dialect vocabulary has been applied to construct dictionary entries. The article presents the concept and principles of compiling the regional dictionary of Eastern Steppe Ukrainian dialects, taking into account the existing developments in Slavic dialectology, describes the criteria for selecting the empirical material, characterises the dictionary type and its general structure, as well as features of dictionary entries (interpretation of meanings, grammatical characteristics, labels reflecting the peculiarities of the word functioning in the dialect, the originality of the illustrative material). The study contains trial dictionary entries which demonstrate the specifics of the vocabulary of the new-settlement Ukrainian dialects of Donetsk Oblast. Further research and thorough presentation of the principles of compiling the regional dictionary of Eastern Steppe Ukrainian dialects will be possible after extracting, selecting and analysing more lexical material. In this regard, the proposed principles of lexicographic recording of Eastern Steppe Ukrainian dialects can be expanded and refined.

References

1. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
2. Klevtsova, A.V. & Petrova, L.Ya. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka.
3. Larin, B.A. et al. (1967–2017) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Vols 1–27. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Mikhal'chuk, O. (2008) Dialektni slovniki u Pol'shchi kintsya XX – pochatku XXI st. [Dialect dictionaries in Polesia in the late 20th – early 21st centuries]. *Leksikografichniy byuletyn*. 17. pp. 23–30.
5. Matskevich, Yu.F. (ed.) (1979–1986) *Slovník belaruskikh gavorak pavochno-zakhodnyay Belarusi i yae pagranichcha* [Dictionary of Belarusian dialects of north-western Belarus and its border]. Vols 1–5. Minsk: Navuka i tekhnika.
6. Lisenko, P.S. (1972) *Slovník polis'kikh govoriv* [Dictionary of Polesia dialects]. Kyiv: Nauk. dumka.
7. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykivs'kikh govirok: v 2 ch.* [Dictionary of Boyko dialects: in 2 parts]. Kyiv: Nauk. dumka.

8. Chabanenko, V.A. (1992) *Slovník govirok Nizhn'oi Naddniproshchiny* [Dictionary of dialects of the Lower Dnieper region]. Vols 1–4. Zaporizhia: Zaporizhia National University.

9. Zakrev'ska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki: korotkiy slovník* [Hutsul dialects: a short dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

10. Glukhovtseva, K. et al. (2002) *Slovník ukrains'kikh skhidnoslobozhans'kikh govirok* [Dictionary of Ukrainian East Slobozhanshchina dialects]. Luhansk: University of Luhansk.

11. Sagarovs'kiy, A.A. (2006) *Dialektniy slovník Tsentral'noi Slobozhanshchiny (Kharkivshchiny)* [Dialect vocabulary of the Central Slobozhanshchina (Kharkivshchina)]. Vol. 1. Kharkiv: Kharkiv National University.

12. Tolstoy, N.I. (1968) Ob izuchenii poleskoy leksiki: predisl. red. [On the study of Polesia vocabulary: editor's preface]. In: Martynov, V.V. & Tolstoy, N.I. (eds) *Poles'e* [Polesia]. Moscow: Nauka. pp. 3–19.

13. Frolyak, L.D. (2013) *Ukrains'ki skhidnostepovi govirki Donechchiny* [Ukrainian Eastern Steppe dialects of Donetsk Oblast]. Drogoibich: Prosvit.

14. Gritsenko, P.Yu. (1984) *Modelyuvannya sistemi dialektnoi leksiki* [Modeling of the system of dialect vocabulary]. Kyiv: Nauk. dumka.

15. Matviyas, I.G. (ed.) (2001) *Atlas ukrains'koi movi: u 3 t.* [Atlas of the Ukrainian language: in 3 vols]. Vol. 3 (1). Kyiv: Nauk. dumka.

16. Zhilko, F.T. (1971) Pro lingvogeografichne doslidzhennya novostvorenikh govoriv ukrains'koi movi [On the linguogeographical study of newly created dialects of the Ukrainian language]. In: *Pratsi XII Resp. dial. naradi* [Proceedings of the XII Republican Dialectal Congress]. Kyiv: Nauk. dumka. pp. 3–13.

17. Barannikova, L.I. (1977) K probleme klassifikatsii govovor territoriy pozdnego zaseleniya [On the problem of classification of dialects of late settlement territories]. In: *Govory territoriy pozdnego zaseleniya* [Dialects of late settlement territories]. Vol. 1. Saratov: Saratov State University. pp. 3–23.

18. Lyutikova, V.D. (1984) *Sotsial'naya differentsiatsiya leksiki govora na territorii pozdnego zaseleniya* [Social differentiation of dialect vocabulary in the territory of late settlement]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

19. Omel'chenko, Z.L. & Klimenko, N.B. (2006) *Materiali do slovníka skhidnostepovikh ukrains'kikh govirok* [Materials for the dictionary of Eastern Steppe Ukrainian dialects]. Donetsk: Donetsk National University.

20. Klimenko, N.B. (2015) Fragment slovníka dialektnoy leksiki skhidnostepovikh ukrains'kikh govirok [Fragment of the dictionary of dialect vocabulary of Eastern Steppe Ukrainian dialects]. *Linguistic Studies: International Collection of Scientific Papers*. 30. pp. 78–83.

УДК 81'28 (03)

DOI: 10.17223/22274200/20/3

М.Д. Королькова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ ПРИСУРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ТЕМАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ, СОСТАВ И СТРУКТУРА

Рассматриваются вопросы представления ремесленной лексики Присурского Поволжья в диалектном тематическом словаре. Обосновывается необходимость подобного словарного источника. Дается описание устройства словаря, структуры словарной статьи, основ применяемой в словаре тематической классификации ремесленной лексики и принципов подачи иллюстраций. Главной задачей составления настоящего словаря является необходимость описать этот материал и представить его для широкой аудитории.

Ключевые слова: Присурское Поволжье, ремесленная лексика, диалекты, тематический словарь, идеографический словарь.

Вступление

В силу объективных исторических причин все, что связано с традиционным бытом русской деревни, от диалектной речи до кустарных промыслов, уходит в прошлое. В этих условиях перед широким кругом ученых – филологов, лингвистов, этнографов, специалистов по истории материальной культуры – встает задача детальной фиксации всех аспектов исчезающей культурной традиции. Данная статья принадлежит области, пограничной между лингвистикой (диалектологией) и историей материальной культуры: в ней на материале диалектов Присурского Поволжья мы рассмотрим способы словарного представления диалектной терминологической системы нескольких ремесел и проблемы, возникающие в процессе этой работы.

Присурское Поволжье. Регион и диалектная зона

Территория Присурского Поволжья составляет центральную и западную части Среднего Поволжья и охватывает населенные пункты, расположенные в Белинском, Бессоновском, Вадинском, Городищенском, Иссинском, Кузнецком, Мокшанском, Пензенском и Шемы-

шейском районах Пензенской области и в Засвияжском, Карсунском, Майнском, Николаевском, Новоспасском, Радищевском, Сенгилеевском, Сурском, Тереньгульском и Ульяновском районах Ульяновской области. В прошлом все указанные районы относились к Пензенской и Симбирской губерниям.

Территория Поволжья начинала осваиваться с середины XVI в. На это в значительной степени повлияли походы русских в Поволжье, завершившиеся в 1552 г. взятием Казани и падением Казанского ханства. Русское население формировалось за счет «выходцев с территорий, расположенных к западу и северо-западу от Суры» [1. С. 6].

История формирования говоров Присурского Поволжья достаточно сложна, что отражает историю Пензенской и Ульяновской областей. Поволжские говоры – говоры позднего образования, сформировавшиеся в результате взаимодействия говоров различных групп переселенцев, благодаря чему и сложилось их своеобразие. Одной из первых проблему классификации говоров позднего заселения обозначила Л.И. Баранникова. В статье 1975 г. она формулирует основные особенности говоров позднего формирования на разных территориях, в том числе и в Поволжье: «Заселение этих территорий проходило в разное время и разными путями, переселенцы были выходцами из разных районов и в разных местах оказывались далеко не в одинаковых условиях» [2. С. 22]. Однозначно присутствует «ряд общих закономерностей в образовании и развитии этих говоров» [Там же].

Точно определить происхождение и историю говора каждого села не представляется возможным из-за перечисленных Л.И. Баранниковой проблем [Там же. С. 22–24]. У Пензенской и Ульяновской областей разная история: например, прохождение Засечной черты по современной Ульяновской области значительно повлияло на расселение жителей, на особенности появления сел и городов, а на формирование Пензенской области повлияло устройство пограничных крепостей. Восстания и борьба с ними послужили причиной для основания некоторых населенных пунктов на обследуемой территории.

После падения Казани страна расширяется в степную сторону, начинается строительство оборонительных линий, укрепленных пунктов на территории будущей Пензенской губернии (Верхний и Нижний Ломов, Керенск, Саранск и др.) и постройка города-крепости Пенза, что положило начало административному оформлению края. Административно-территориальное деление этой местности имеет сложную

историю, так как статус края и его границы многократно менялись. В XVII в. он занимал Темниковский уезд, а с основанием других городов – также земли Керенского, Ломовского, Саранского, Инсарского и Пензенского уездов. В 1708 г. губернские города Пенза и Мокшан отошли к Казанской губернии, Верхний и Нижний Ломов, Наровчат, Саранск, Керенск и другие – к Азовской (Воронежской) губернии. Пензенскую губернию неоднократно формировали и упраздняли в течение XVIII–XIX вв. В 1937 г. эта территория вместе с Пензой вошла в состав Тамбовской области. 4 февраля 1939 г. была образована Пензенская область.

Все обследованные села основаны в период с середины до конца XVII в., практически в каждом из них есть храм (кроме татарских сел), построенный в XVIII в., отреставрированный в XIX, а в XX в. закрытый и использовавшийся как склад или клуб. Многие села Ульяновской области были основаны в качестве укреплений на Засечной черте, проходившей в районе р. Волги, например, с. Тагай Майнского района, Прислониха (Богоявленское) или Белозерье Карсунского района и др.

Большинство сел, в которых были найдены и опрошены информанты-ремесленники, являются русскоязычными, хотя во многих из них проживают и люди других национальностей (мордва, татары, чуваша, цыгане, белорусы). Все информанты по самоидентификации и родному языку русские, но некоторые из них проживают в мордовских или татарских селах. К татарским селам относятся Усть-Уза Шемьшейского района и Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области, в них представлен мишарский диалект татарского языка, к мордовским – Старое Демкино Шемьшейского района (эрзя), Кижеватово Бессоновского района (мокша) Пензенской области и Ясашная Ташла Тереньгульского района Ульяновской области.

Для уточнения распространенности основных типов говоров на территории Присурского Поволжья нельзя не обратиться к диалектологической карте, охватывающей обследуемую территорию практически целиком, – «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе», выпущенному в 1915 г. и дополненному в 1927 г. [3]. При создании Диалектологической карты 1965 г. для изучения выбрана только центральная территория, где были установлены группировки коренных говоров русского языка [4], куда попадает лишь западный край Пензенской области, а территория Поволжья полностью не рас-

смачивается. Исходя из материалов карты 1915 г., основными подтипами говоров, распространенных на территории Пензенской области с запада на восток являются:

- группа В южновеликорусских говоров (говоры с сильным яканьем);
- восточная группа средневеликорусских говоров;
- Владимирско-Поволжская группа, говоры которой выделяются на обеих диалектологических картах русского языка, составленных в 1915 и 1965 гг., под одним и тем же названием и приблизительно в одинаковых границах. Но в отличие от карты 1965 г., на которой Владимирско-Поволжская группа входит в состав среднерусских переходных говоров, на карте 1915 г. она включена в состав северновеликорусского наречия, дополнительно включая говоры у города Ярославля и территории говоров позднего формирования в восточном и юго-восточном направлениях вниз по Волге и в сторону Урала [3].

Говоры Ульяновской области исследованы не так подробно, как говоры Пензенской, но их исследования продолжают, появляются посвященные им работы: Д.И. Алексеева [5], В.Ф. Барашкова [1, 6], А.М. Бескровного [7], Я.В. Мызниковой [8, 9] и др.

Говоры Пензенской и Ульяновской областей, согласно мнению современных исследователей, при наличии частных диалектных различий относятся к среднерусским. В них представлены одни и те же тенденции формирования и развития, что позволяет рассматривать их как совокупность. Лексические особенности показывают различия, но эти различия проявляются непоследовательно.

Исследование ремесленной лексики

За более чем сто лет были исследованы самые разные области русской ремесленной и промысловой лексики, например терминология выращивания и обработки волокна, прядения и ткачества: лексика коноплеводства в орловских говорах [10], лексика крестьянского текстильного производства говоров Кемеровской и Орловской областей [11], лексика обработки льна, прядения и ткачества вершининского говора Томской области [12], лексика льноводства, прядения и ткачества в говорах Костромской области [13], терминологические названия количества льна и волокна в говорах Сокольского района Ивановской области [14], терминология прядения и ткачества в верховьях

Десны и верховьях Оки [15], льно-прядильно-ткацкая терминология говоров алтайских старообрядцев [16], лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах [17], терминология ткачества и домашнего печения [18], полесская терминология ткачества [19], лексика современного текстильного производства [20], лексика ткацкого льняного производства в русском языке XVII в. [21], традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» [22], лексика плотнического ремесла в русских говорах Кемеровской и Орловской областей [11] и псковских плотников [23], лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел, лозоплетения говоров Нижегородской области [24] и др.

Лингвогеографический анализ. Целью лингвогеографического анализа ремесленной лексики является фиксация территориального распространения отдельных лексических единиц и обнаружение противопоставленных различий в наименовании предметов, явлений или процессов, задействованных в ремесле, т.е. ареалов распространения определенных наименований на исследуемой территории. Подобный анализ уже осуществлялся на материале ремесленной лексики исконных русских говоров для обнаружения противопоставления южнорусских наименований севернорусским. В одной из посвященных этому вопросу работ [22] из 240 слов, вошедших в словарь лексики традиционного ткачества говоров района «Богословщина» Рязанской области как севернорусские термины, противопоставленные южнорусским, были квалифицированы лишь четыре пары собственно лексических единиц и три словообразовательные и морфологические пары. В другой работе, посвященной лексике ткачества, с южнорусскими говорами сравнивалась лексика с. Вершинина Томского района Томской области, и результаты сопоставления показали, что из 56 терминов обработки льна и ткачества, подлежащих сопоставлению, общими оказались 35 [26. С. 53].

Лингвогеографический анализ ремесленной лексики русских говоров Присурского Поволжья показал, по словам Т.С. Коготковой, что «...в уже проведенных исследованиях отмечается интердиалектный характер многих ремесленно-производственных терминологий. Это междиалектное закрепление целого ряда местных терминов (и даже терминологий) определяется прежде всего общностью и единством самих предметов материальной культуры, часто восходящих к глубокой древности» [27. С. 31]. Сравнение ремесленной лексики говоров,

расположенных на территориях раннего и позднего заселения, позволит получить новую информацию о ремесленной лексике русских говоров и как о самостоятельной совокупности, и как о части говоров этих территорий.

Сбор и обработка материала. Часть Среднего Поволжья выбрана в качестве территории обследования в связи с исторически сложившимся здесь богатством кустарного производства и, следовательно, сохранностью специальной лексики [28. С. 299].

В 2012–2013 гг., во время экспедиций в Пензенскую область, был обнаружен большой потенциал для исследования ремесленной лексики на этой территории. В экспедициях 2013–2015 гг. была зафиксирована большая часть материала, вошедшего в данную работу. Основное экспедиционное исследование было проведено летом 2015 г. на территории Присурского Поволжья. Автор посетила более 100 сел, расположенных как вдоль трактов Пенза–Сызрань, Сызрань–Ульяновск, Ульяновск–Саранск, Саранск–Пенза, так и в глубине территории¹. Запись велась на диктофон Ritmix RR-980 тип РСМ без специального микрофона. Было записано 35 часов аудиозаписи в 30 населенных пунктах от 50 информантов.

Каждый информант сам являлся ремесленником или ближайшим родственником ремесленника (преимущественно дети ремесленников, помогавшие им заниматься ремеслом). Все информанты родились в тех же населенных пунктах, где были опрошены, или в радиусе 20 км от места проживания. Например, некоторые пожилые информантки когда-то переехали, выйдя замуж за жителей соседней деревни. Информанты, не родившиеся на территории исследования, не записывались в целях сохранения чистоты материала.

¹ Для Пензенской области: *Поим* (Белинский район), *Кижеватово* и *Чемодановка* (Бессоновский район), *Куриловка* (Вадинский район), *Архангельское* и *Средняя Елюзань* (Городищенский район), *Бекетовка* и *Уварово* (Иссинский район), *Махалино* (*Новый Кряж*), *Сюзюм* (*Рождественское*) и *Ульяновка* (Кузнецкий район), *Рамзай* и *Царевцино* (Мокшанский район), *Богословка* (Пензенский район), *Старое Дёмкино* и *Усть-Уза* (Шемышейский район).

В Ульяновской области обследованы: *Арское* (Засвияжский район), *Белозерье*, *Большая Кандарать*, *Прислониха*, *Усть-Урень* (Карсунский район), *Подлесное*, *Тагай* (Майнский район), *Канадей* (Николаевский район), *Новоспасское* (Новоспасский район), *Калиновка* (Радищевский район), *Каменный Брод* (Сенгилеевский район), *Ясашина Ташла* (Тереньгульский район), *Поникий Ключ* (Ульяновский район).

Общее количество записанных рассказов – 42, из них 22 посвящено валяльному делу, 11 – плотническому и столярному делу, 9 – обработке волокна, прядению и ткачеству.

Для успешного проведения экспедиционного исследования автором предварительно были составлены программы собирания сведений для словаря ремесленной лексики, содержащие дефиниции по тематическим группам лексики. Для каждой лексической группы составлялась отдельная программа, учитывающая как прошлый диалектологический опыт, так и специфику исследуемого материала. Классификация ремесленной лексики, применяемая в нашей работе, с одной стороны, базируется на принципах обобщения, а с другой – представляет собой попытку охватить все особенности употребления указанной лексики. При создании программ нами были использованы собранные ранее материалы, пособия по соответствующим ремеслам и Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ). В исследовании задействованы наиболее хорошо сохранившиеся группы лексики; при этом из программ собирания сведений были использованы лишь три: (1) по лексике валяльного дела, (2) по лексике плотнического и столярного дела, (3) по лексике обработки волокна, прядения и ткачества, – на основании представленной лексики соответствующих ремесел. Программа собирания сведений по лексике валяльного дела содержит 70 вопросов, по лексике плотнического и столярного дела – 110 вопросов, по лексике обработки волокна, прядения и ткачества – 71 вопрос. Составление программ позволило собирать материал системно, что дает возможность дифференцировать и сопоставлять лексические единицы в пределах каждой дефиниции.

Составление диалектного тематического словаря

Предпосылки создания материалов к словарю ремесленной лексики. Ремесленная лексика русских говоров является сложным объектом для лексикографического описания, требующим решения целого ряда проблем теоретического и практического характера.

Во-первых, однозначно не определен статус ремесленной лексики: в нее входят общенародные и местные лексические единицы, а также некодифицированная профессиональная лексика. Это предполагает, что словарь, в который эта лексика войдет, также будет обладать осо-

бым статусом: являясь диалектным словарем, не будет при этом ни полным, ни дифференциальным.

Во-вторых, специальная лексика не всегда служит для описания общеизвестных реалий, т.е. если наименования предметов, создаваемых ремесленником, известны большинству носителей говора, то наименования соответствующих процессов или инструментов, необходимых для создания таких изделий, часто известны только ремесленникам.

В итоге возникает третья проблема для лексикографа, заключающаяся в том, что многие технологии и их наименования нуждаются в дополнительном энциклопедическом толковании, которое не всегда возможно предоставить при расположении словарных единиц строго в алфавитном порядке, не увеличив бессмысленно объем словаря.

Наиболее репрезентативной формой для отражения всего многообразия ремесленной лексики традиционно является тематический идеографический словарь.

Тематический словарь лексики разных ремесел предполагает первичное разделение лексики на тематические группы соответственно ремеслам, для описания которых она служит. Внутри тематических групп также необходима организация материала: тематическая группа может быть организована в алфавитном порядке, но на этом уровне проблема необходимости энциклопедического толкования остается.

Решением для подобного словаря, по мнению автора, является ономасиологический принцип организации. Этот принцип лежит в основе словарей особого типа – идеографических.

Ономасиология представляет собой «аспект изучения семантики, когда исходным является некоторое понятие, идея или намерение, а предметом анализа – пути и средства ее выражения» [25. С. 19]. Идеографические словари – это словари, организованные по тематическому принципу на основе смысловой близости единиц [29. С. 6]. В Новое время одним из первых об этом заговорил Р. Декарт, выступив с идеей всемирного философского языка, в основе которого должна лежать классификация всех объектов человеческого мышления [30].

Среди лингвистических задач, которые решают идеографические словари, такой словарь самим фактом размещения рядом родственных по смыслу слов дает возможность прогнозировать различные синтаксические и семантические изменения (например, изменение управления глаголов по аналогии и др.). Также важным для нашего исследования является то, что «расположение слов по группам, свя-

занным смысловыми узлами, позволит в определенной степени решить проблему составления словаря синонимов и антонимов» [29. С. 9].

Другой проблемой, возникающей при выявлении и описании ремесленной лексики, является вопрос о ее системности, важный уже при сборе материала. Например, Картотека словаря русских народных говоров (КСРНГ) содержит большое количество материалов диалектной терминологии самых разных ремесел. Из собранной автором ремесленной лексики многие слова представлены в КСРНГ. Но присутствует и некоторое количество слов, которые не попали в Словарь русских народных говоров, как и в большинство других диалектных словарей, что связано в первую очередь с недостаточной системностью в фиксации диалектной ремесленной лексики. Составляя программу для собирания сведений по конкретному ремеслу, необходимо разобраться в процессах производства изделия до мельчайших деталей, чтобы при сборе материала иметь возможность построить беседу с информантом в том русле, которое будет необходимо.

Таким образом, главной задачей составления настоящего словаря является необходимость описать собранный материал и представить его для широкой аудитории.

Состав словника. В соответствии с программами собирания сведений из полученных от информантов интервью была извлечена лексика, описывающая процесс работы. Вопрос о том, входит ли то или иное употребленное ремесленником наименование в терминологию соответствующего ремесла, решается следующим образом: если ремесленник в рассказе употребляет ту или иную самостоятельную лексическую единицу, служащую для наименования предмета или процесса, относящегося к ремеслу, в особенности если она повторяется несколько раз, то такая единица включается в словник. Если лексическая единица вызывает сомнения, ее статус уточняется у информанта путем повторного вопроса, и после этого принимается решение. Таким образом, лексические единицы выделяются на основании их необходимости при описании того или иного ремесла самим ремесленником – носителем того или иного говора. Глаголы, имеющие обе формы – и совершенного, и несовершенного вида, даются в несовершенном виде. В случае наличия у глагола только формы несовершенного вида, это сопровождается пометой «несов.».

Всего в лексику трех ремесел вошло 854 самостоятельных лексических единицы (слова и словосочетания): из них 312 относится к лек-

сике валяльного дела, 381 – к лексике плотницкого и столярного дела, 161 – к лексике обработки волокна, прядения и ткачества.

Устройство словаря. Нумерация. Расположение лексики в словаре осуществляется по тематическим группам: «Лексика валяльного дела», «Лексика плотнического и столярного дела» и «Лексика обработки волокна, прядения и ткачества». Каждая тематическая группа предваряется описанием техники самого ремесла, поскольку включение энциклопедических данных необходимо для точного описания в дальнейшем самой ремесленной лексики. При этом учитывается общая последовательность специфических для каждого ремесла операций (отбор и обработка материала, этапы изготовления конкретных изделий).

Тематическая классификация ремесленной лексики. Выделение тематических групп представляет собой классификацию лексических единиц с опорой на деление самих явлений и предметов окружающей действительности по их соотносительности с друг с другом. Каждая группа формируется как система подгрупп, выделяемых на основе принципов организации того или иного вида ремесленной деятельности. В пределах каждой тематической группы материал был разделен на семь подгрупп в соответствии с общими элементами в значении:

- деятель;
- общее название деятельности;
- конкретные действия, совершаемые при создании изделия;
- изделие;
- части изделия;
- материал;
- инструменты и подручные материалы, необходимые для создания изделия.

Данная классификация наиболее близка к классификациям А.В. Маринина [24], Ю.П. Чумаковой [22], М.А. Агаповой и И.В. Зиминной [31], И.Л. Чижовой [32], но очевидны и специфические отличия, диктуемые особенностями исследуемого материала.

Разделение лексики на семь указанных подгрупп в настоящем словаре довольно условно и требует комментариев, но такая дифференциация наилучшим образом отражает особенности материала. Названия действий разделены на общие названия деятельности – слова, обозначающие весь процесс создания изделия в целом, и названия

конкретных действий, которые производит ремесленник в процессе создания изделия.

Если лексика, которая могла бы сформировать соответствующую подгруппу, отсутствует, то описываются имеющиеся.

Таким образом, внутри каждой тематической группы материал разделен на подгруппы в соответствии с разработанной классификацией ремесленной лексики. Тематические подгруппы подразделяются на более мелкие разделы, в которых содержатся описывающие конкретные понятия. Этому условию подчинена разбивка полевого материала на параграфы, к которым отсылает представленный в словаре «Алфавитный указатель ремесленной терминологии Присурского Поволжья».

Некоторые единицы включались в соответствующие подгруппы условно, так как лексика с определенными значениями была не во всех подгруппах. Так, если для занятия ремеслом существует специальное помещение, слова, его называющие, относились к подгруппе «Инструменты и подручные материалы», например в лексике валяльного дела:

Помещение для валяния. В качестве помещения для валяния валяльщики Присурского Поволжья часто использовали баню. Но в ряде обследованных населенных пунктов для выполнения этой работы существовало специальное помещение, называвшееся по-разному.

1.7.89. Валя́лка. ПЕНЗ: Бессон.: Чемодановка, Кузнецк.: Махалино, Сюзюм, Ульяновка, Рамзай; УЛЬЯН: Майн.: Подлесное, Новосп.: Новоспасское.

♦ *вот эта вот валя́лка // да / да / как раз рабóчий день // настилáть три часá // ... мы вот / валя́лка / валя́лка // у меня там пéчка рúская // вот / и фсе калóтки фсе тáма / и вот стíрка спецáльна / ну вóт / пайдём / я тебе пакажу́ // (Чемодановка); но ужé бес палатнá / этá ужé / этá ужé в валя́лке // ну / этá назывáлась гру́хать // ещé / вот этá вот / вот эту рабóту / гру́хать назывáлась // (Махалино); наутра я фстаю́ / тудá-судá / захожу́ / щáс у меня гарáш там / валя́лку-тá я сламáл // (Сюзюм); ну дá / пажáлуста / мóжна валя́лка / я тóже / вот ёсли каму́ абъяснял / то фсегдá гаварíл / он в валя́лке / валя́лка // (Ульяновка); рáньше / пайдú в валя́лку / паёду в валя́лку // (Новоспасское); валя́лка щитáй / валя́лка // валя́лка*

щита́й / там спеца́льная / а то до́ма же па́р идёт / там спеца́льная была // па́том я в ба́не ста́ла // (Подлесное); ну да́ / пажа́луста / мо́жна валя́лка / я то́же / вот е́сли каму́ абья́снял / то фсегда́ гава́рил / он в валя́лке / валя́лка // я так гава́рю / а он в рабо́чей в рабо́чей // ну / мы же пра́стые крестья́не / што́ нам // (Рамзай).

1.7.90. Станова́я. ПЕНЗ: Белин.: Поим.

♦ *станова́я была́ / сти́рна // (Поим).*

1.7.91. Сти́рна (Сти́рная). ПЕНЗ: Белин.: Поим.

♦ *а па́том я уха́жу в сти́рну к дваюро́дному бра́ту / сти́рать // ... па́том берёш её фсю́ и несёш в сти́рну / где горя́чая вада́ / гра́дусаф девяно́ста // и вот иё там в сти́рне даво́диш вот до тако́ва вот // ... и вот ево́ в сти́рной три часа́ дуба́сиш / а вот кало́тки / на ни́х пра́вить // (Поим).*

Способы работы и положения изделия условно включаются в подгруппу «Конкретные действия»:

Положение заготовки валенка на задней части голенища, носок валенка загнут вверх.

1.3.26. На куку́шку. ПЕНЗ: Кузнецк.: Махалино.

♦ *парабо́таши / перевернёш на э́ту сто́рану // вот та́к парабо́тал / он уже́ уплатни́лся // ... апя́ть ево́ сва́рачиваши / на куку́шку / я вот забы́л / как называ́ца // ну ка́к мы сва́рачивали // (Махалино).*

1.3.27. Пряма́я косы́нка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм.

♦ *вот та́к вот ево́ скла́дываши / вот э́ту вот галяни́цу / вот э́ту вот пад но́с // и / валя́иш уже́ рука́ми вот та́к / старя́ишся вот э́тат рубёц вот э́тат вот / и тут като́рыи / растяну́ть // э́та пряма́я косы́нка называ́ца // (Сюзюм).*

Положение валенка на задней части голенища, но с повернутым вправо или влево носком.

1.3.28. Пра́вая косы́нка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм.

♦ *есть пра́вая косы́нка / есть ле́вая косы́нка / а есть пряма́я косы́нка // кароче́ / вот э́тат кане́ц галяни́ца пат но́сикам здесь // права́лял ево́ / у тебя́ получа́ица вот така́я загато́фка / вручну́ю сва́ляная // (Сюзюм).*

1.3.29. Ле́вая косы́нка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм.

♦ *есть пра́вая косы́нка / есть ле́вая косы́нка / а есть пряма́я косы́нка // кароче́ / вот э́тат кане́ц галяни́ца пат но́сикам здесь // права́лял ево́ / у тебя́ получа́ица вот така́я загато́фка / вручну́ю сва́ляная // (Сюзюм).*

Наименования инструментов объединяются в одну подгруппу с наименованиями подручных материалов, не являющихся специальными приспособлениями для конкретных действий: например, в лексике плотнического дела:

Временная подпорка для неустойчивых деталей сруба. Одним из часто используемых приспособлений для работы является доска или брусок, которые применяются для поддержки стропил в процессе их установки и закрепления, для поддержки стен при строительстве «в столбы» или «в замётник» и при других работах с неустойчивыми деталями. Эта временная подпорка может или целиком прибиваться к неустойчивой детали, или одним концом опираться или быть прикреплённой к устойчивой поверхности, а другим поддерживать неустойчивую деталь.

2.7.70. Откóсина. УЛЬЯН: Сенгил.: Каменный Брод.

♦ *вот в эту стрáпилу забивáиш // гваздём / и патстрáпельник так примёрна // ну аткóсину и анá нукуда не пáдаит //* (Каменный Брод).

2.7.71. Отгя́жка. УЛЬЯН: Карсун.: Белозерье.

♦ *в óщем вот атя́шка / вот // атя́шка / анá сюда выхóдит // у нас стáвица стрáпила вот тák //* (Белозерье).

2.7.72. Расши́вина. ПЕНЗ: Белин.: Поим, Кузнецк.: Ульяновка; УЛЬЯН: Карсун.: Усть-Урень, Сенгил.: Каменный Брод.

♦ *мы в замётник абв́яску зделали / прапази́ли фсе́ / он атарва́л раиши́вины / там раиши́ва́ют / штоп // мы смóтрим с Кура́нскэй гары́ / упáл у Васи́лия сарáй / прихóдим / ты што Васи́лий / ты бы раиши́л слéгими / а патóm атрывáл бы решётник //* (Поим); *раиши́вина / эта кагда́ стрáпилу вот пастáвиш / и што́бы анá не пáдала / стáвиш знáчит там двухметрóвую дбску / ну мóжет пabóльше есть //* (Ульяновка); *эта расши́вина назывáица / как вам абв́яснить вот расши́вина / кагда́ вот стрáпи́лы стáвиш / вот стрáпи́лы стáвиш / да? анí ш на этим / шканту́ не мóгут держáца / тут-та зарезáют // тут палави́на / и у фтарóва палави́на / шиивáют // а фсе́ равнó он стая́ть не бóдет / вот приши́ва́ют даше́чку и́ли слéгу / ну тóненькую слéшку //* (Усть-Урень); *раиши́вина эта што́бы стрáпила не пáдала // вот я примёрна пастáвил вот на эту вот / на патстрáпельник эту стрáпилу // анá матáица / я её сиил её вот тák вот //* (Каменный Брод).

2.7.73. Расши́вка. ПЕНЗ: Пенз.: Богословка.

♦ *кагда́ стáвиш / расши́фку дéлаиш / вот // кагда́ ужé абрешётиш / анí не упадут нукуда́ / кагда́ решётникам // а кагда́ их /*

страпи́лы / то́лька паста́виши / к стра́пилам ре́йку там / и вот к э́тому бревну́ / к ве́рхнему // расши́фку де́лаши вот та́к вот / и ани́ уже́ никуда́ не дева́юца // (Богословка).

2.7.74. Раско́сина. ПЕНЗ: Мокш.: Царевщино.

♦ *ани́ / пака́ абрешётки нет / вот как раско́сину паста́виши / прибьёи даце́чку // итóбы ана́ пака́ на уравни́ю её паста́вил / итóбы ана́ / а па́том э́та са́мае // и две раско́сины аста́юца на фсе́ вре́мя // (Царевщино).*

Каждая лексическая единица, помещенная в словарь, имеет свой номер, в котором зашифровано, к какой тематической группе и тематической подгруппе относится слово или словосочетание. Благодаря нумерации читатель словаря сможет обратиться от алфавитного списка к толкованию соответствующей единицы. Номер состоит из трех чисел, из которых первое обозначает тематическую группу, второе – тематическую подгруппу, а третье – порядковый номер внутри тематической подгруппы согласно последовательности описания реалий в рассказе ремесленника-диалектоносителя.

Структура словарной статьи. Словарная статья включает в себя термин, перед которым находится его номер согласно описанному выше принципу. В скобках после слова приводится или вариант полужирным шрифтом:

2.3.55. Кося́чить (Окося́чивать). ПЕНЗ: Белин.: Поим, Кузнецк.: Сюзюм, Ульяновка; УЛЪЯН: Карсун.: Белозерье.

♦ *забри́фки / э́та вон о́кна фста́вляю́т / кася́чут / кагда́ вот та́к вот прале́т бу́дит // (Поим); ну / снача́ла кася́чут / де́лают касяки́ / в кася́ках де́лают пазы́ // (Сюзюм); карни́з / ве́рх / па́кроши / па́том сла́зиши вни́с / кся́ки за́гота́вливаи́ / акася́чиваи́ / а ра́мы уже́ сталя́ра де́лали // (Ульяновка); а по́сле уже́ фсе́ кагда́ э́та фсе́ сабира́щица // касяки́ / акася́чиваи́ / там уже́ да // там уже́ // (Белозерье),*

или типичная сочетаемость термина простым шрифтом:

2.3.30. Снима́ть (бревно́). ПЕНЗ: Городищ.: Средняя Елюзань, Кузнецк.: Ульяновка.

♦ *мы ей че́ртим / там / снizú и немно́шка вот та́к / как кары́то / снима́ем бревно́ // (Средняя Елюзань); для чево́ / вот дли́нну вида́ла я тебе́ пака́зывал / фа́льц как снима́ют // (Ульяновка).*

Синонимы даются под отдельными номерами, но с одним толкованием над ними. После слова даются географические пометы, включающие в себя сокращенное наименование области, района и насе-

ленного пункта, где было зафиксировано слово. Затем следует иллюстративный материал с указанием в конце каждой цитаты на место его фиксации. Грамматические пометы используются факультативно, в тех случаях, когда это необходимо:

Верхняя часть валенка.

1.5.1. Голенище. Ср. и ж.р. Повсем.

♦ *заватскіи / падъём и галеніице / талицина вот какая / фсе ноги изатрѣш // ... вот настилаши из этой шерсти вот таку / галеніице патоньше / галюфка патолце // (Поим); засунули / и вот теперь / деревяным малатком / ана деревяная же / штобы не разбить / вбивают клин // вот эта расширяца / галеніице расширяца // (Усть-Уза); а патом штобы вот и галеніице ана вместе / аднавремена сужалась / уменьшалась / галеніице аддельна валяли // (Куриловка); юлка // а патом сюда галеніице валять / каток // (Чемодановка); нет / знаиш / я фспомнила / с учётам таво / што галеніице / здесь может быть патоньше / а вот сама лапа / там вот патолце // вот паэтому он видима и дабавлял / я помню // (Архангельское); вот тут вот фсе толстае / толстае / а где галеніице / тоньше // ... и тоже / здесь вот тонка дажно / где галеніице / а здесь толце-толце-толце // ... а галеніице тудя вот заварачивают / пад нос // (Махалино); вот так вот ево складываиш / вот эту вот галеніицу / вот эту вот галеніицу пад нос // ... кароче / вот этот канец галеніица пад носиком здесь // (Сюзюм); тудя ближе вот к верху галеніице он называл / как сейчас помню / там патоньше значит / он немношка патоньше // ... у них икры были бальшии / ани прасили ево / пажалуста / зделай галеніице вот / пашире // (Ульяновка); а патом штоп форма галеніице пашире была / берѣш вот эту вот (показывает) / берѣш вот эту вот вот так вот / набиваиш // ... галеніице аддельна // а патом после / этот / катания / мы их сабираем // (Новоспаское); галеніице-та вот тут вот // вот тут наверна ана щитаца // ... толце зделана ана / галюфка / ана называлась / толце зделана / чем галеніице // (Канадей); а сверху галеніице / тут вот // (Арское); штобы галеніице не ухадило / штоп вытягивать // ... на конус / ана тоненька / галеніице-та / вот эта места-та вот // (Большая Кандарать); да / галеніице патоньше будет / и сюда-сюда патоньше / патоньше будет / и пятка штоп побольше / штобы патолце была // ... прутками вот так направляиш на галеніице / вот штобы ровнае была ана / глаткый был // (Подлесное).*

Слова в скобках. В тех случаях, когда у термина – заголовочного слова, выраженного бесприставочным глаголом, есть приставочный дериват с тем же значением, эти производные даются в скобках при заголовке:

1.3.16. Катáть (Выкáтывать, Закáтывать, Накáтывать, Раскáтывать, Скáтывать, Укáтывать)...

Такой же способ оформления применяется, если заголовочное слово выражено более употребительным приставочным глаголом и у него есть бесприставочное производящее слово, которое является менее употребительным:

1.3.34. Наколáчивать (Колотítь, Расколáчивать)...

В скобках жирным шрифтом указываются уменьшительные формы слова:

1.7.46. Головá (Голо́вка)...

Фиксируются варианты слов, например:

1.3.40. Гру́хать (Гро́хать);

1.4.11. Калóши (Галóши);

1.7.18. Просты́ня (Прóстынь);

1.7.88. Пёмза (Пёнза).

Фиксация приставочных глаголов и уменьшительных форм слова, в частности различия в роде или числе, необходима для учета употребительности тех или других слов, в особенности когда зафиксирована только приставочная (см.: **1.3.34. Наколáчивать**) или только уменьшительная форма, а также для возможной фиксации значения приставок и суффиксов.

В «Алфавитном указателе ремесленной лексики» вариантам и приставочным глаголам присваивается тот же номер, что и слову, при котором они указаны, т.е. все омонимичные приставочные глаголы будут иметь один и тот же номер в списке.

Иллюстрации. Каждый термин сопровождается иллюстративным материалом, записанным в упрощенной орфографии. Богатый иллюстративный материал служит не только для толкования каждой конкретной лексемы, но и для демонстрации своеобразия речи ремесленников и специфики жанра ремесленного рассказа. Кроме того, упрощенная орфография передает некоторые особенности говора: аканье, стяженные формы глаголов 3-го лица единственного числа, упрощение групп согласных и другие.

Так как все приводимые контексты являются расшифровками записи звучащей речи, автор не берет на себя смелость делить ее на предложе-

ния, отмечаются только паузы, которые делает сам говорящий. В качестве разделителя речевого потока используется знак «косая черта» (слеш). Долгая пауза, отмечаемая в орфографической записи точкой в конце повествовательного предложения, передается знаком «//», а более короткая, отмечаемая запятой, – знаком «/». Когда из рассказа одного ремесленника приводится несколько контекстов с одним и тем же словом в одном и том же значении, контексты разделяются многоточиями:

♦ *вот тут я рабóтаю / катáю вот шёрсть / а патóм я ухажу́ в стíрну к двоярóднему бра́ту / стира́ть // ... шёрсть штоп харóшая бы́ла / ат шёрсти фсё завíсит / шерсть / и правáляны / ани́ далжны́ быть правáляны как палóжина / прастíраны / а ёсли ани́ не прастíраны / так ани́ дóлга наси́ца ни бóдут // фсё ат шёрсти завíсит // (Поим); ну / ésta в арте́ли так рабóтали / а дóма-та / сам катáиши / и сáм стира́иши // ... ésta стира́ть назывáлась // ... вот на ней вáленак вот ésta вот тák вот стира́иши / по ésta вот / он ищэ здíца садíца платнёе / платнёе / ремни́ца / как ремень дéлаица // ... и начинáиши апсти́рывать ево́ / ésta назывáица стира́ть на рубчáтке // ... и кагда́ апсти́раиши на рубчáтке фсё / начинáя с пятки / нóс / падьём / галени́це / фсё апсти́раиши // (Махалино); и ани́ стира́ют в грязнай вадé // ... в грязнай вадé стира́ют пачему́ / ну грязь / ана́ фóрму дёржит / как крахмáл примёрна // (Сюзюм); и начинáл ево́ / вот тóже вот тák вот катáть / и он пастепенна садíлся садíлся садíлся / ну / и до какова-та апределённава размёра он знáчит здéсь вот / астанавíлся на ésta // ... патóм / ну он склáдывал / а патóм ухади́л вот он в рабóчую / тáм он их ужэ давади́л да умá / стира́л // (Ульяновка); там ёсть апера́ция патсти́рывают / и ёсть апера́ция аканчáтельна стира́ют // ... да / сначáла катáим / патóм тóлька на стíрку // ... другая́ там тóлька стира́ит / но там ужэ / ésta ужэ маши́на там сечáс стира́ит // ...если бы вы́ севóдня с утра́ вы бы́ли бы / вот вы́ бы увидели / ана́ как рáс севóдня вóсемь пáр же́ница стира́ла // ... сначáла в бóчке пастира́ит / мёньше ста́новяца / а патóм на станóк // (Новоспасское).*

Многоточия используются только как разделитель не связанных между собой высказываний. Если в цитаты включаются вопросы собирателя, они даются обычным шрифтом в стандартной орфографии. Знак *Н используется в тех местах, где не удалось распознать речь информанта. Знак вопроса и знак восклицания приравниваются к фразовым разделителям.

Ударения ставятся в каждом слове, имеющем более одного слога, а в случае просодически связанных групп – на ударных слогах: *вот так вот //*

Толкование для каждого слова находится вне словарной статьи, там же даются уточнения к оттенкам значения:

Инструмент для придания формы валенку. Он используется перед надеванием изделия на колодку. Придание валенку соответствующей формы и размера во время мокрого валяния происходит в два этапа, на каждом из которых используются специальные инструменты. Сначала валенок формируют с помощью деревянных брусков округлой формы, один из которых по форме и размеру ближе к ступне, а другой – к голени. В дальнейшем валенок надевается, а порой набивается на колодку и постепенно принимает форму готового изделия.

Существуют бруски, используемые для первичного придания формы голенищу валенка (1.7.36–1.7.38.), и бруски, при помощи которых первично формируется нижняя часть валенка (1.7.39–1.7.44.).

1.7.36. Вьюшка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм.

♦ *и тут / вьюшка // перет калоткай ещё вьюшка // ... ну вьюшка называ́м / две вьюшки / вот адна́ в лапу / вот сюда́ / в насок / другая́ в галяни́це / ана́ малёнько вот так на ко́нус идёт // вот такая́ / кругля́к такой / желáтельна́ ли́павый / патаму́ ита дубо́вый тяжёлый //* (Сюзюм).

1.7.37. Каток. ПЕНЗ: Вадин.: Куриловка, ПЕНЗ: Бессон.: Чемодановка, УЛЬЯН: Карсун.: Большая Кандарать.

♦ *валя́иш галяни́це / фставля́иш туда́ деревя́нный каток // ...а патом каток есть спеца́льный / галяни́цу валя́ть / каток деревя́нный и перека́тник / като́рый валя́ит // ... и сюда́ фставля́иш в галяни́це каток / перека́тник / а сюда́ ю́лка называ́ица //* (Чемодановка); *ну каток / вот на катке́ вот эту́ вот валя́иш / вот эту́ вот / а здесь / ю́лка / на ю́лку / а здесь каток // каток / яво́ рубча́ткой / валько́м / валёк называ́ица / яво́ валько́м яво́ вот так вот строга́иш / быва́ла вот валько́м / каток-та //* (Большая Кандарать).

1.7.38. Катюлька. ПЕНЗ: Белин.: Поим.

♦ *патом / кагда́ вы́катут фсе́ / и аттуда́ фсе́ вы́таскивают фсе́ / мешки́ / фсе́ тря́пки / фсе́ // и / гля́ть / ва́ленки // ... да / раз апхо́т зде́лал / пе́рвый приё́м зде́лал ты́ / катáл её́ / на катю́лку там зде́лаиш / там фо́рмы / катю́лька там такая́ / фтаро́й апхо́т зде́лал / да́льше катáиш иё́ //* (Поим).

1.7.39. Болва́нка. УЛЬЯН: Карсун.: Прислониха.

♦ ну *э́та бы́ла / э́та чу́шка бы́ла / э́та не / не ю́лка ничево́ / э́та чу́шка абыкнаве́нная / а́на вот / балва́нка вот така́я вот // вот така́я вот / к ни́зу / а к ве́рху вот така́я вот // вот э́та вот чу́шка / вот э́та балва́нка // (Прислониха).*

1.7.40. Вью́шка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Сюзюм.

♦ ну *вью́шка называ́м / две вью́шки / вот а́дна в ла́пу / вот сю́да / в насо́к / дру́гая в галени́це / а́на ма́ленька вот та́к на ко́нус иде́т // вот така́я / кру́гляк тако́й / желате́льна ли́павый / па́тому што ду́бо́вый тяжё́лый // э́ту вью́шку выки́дываиш / э́ту вью́шку да канца́ / то е́сть да пя́тки а́на дахо́дит // и вот э́тим ва́льком у́же галени́цу / галени́цу // па́том вот на э́той вью́шке / кру́глая-та като́рая в галени́це-та фста́влена / да // (Сюзюм).*

1.7.41. Дуби́на. ПЕНЗ: Вадин.: Куриловка.

♦ *а па́том / што́бы вот насо́к паби́ть / то́же дере́вянный вот тако́й / ну / па-на́шему сказа́ть / дуби́на // (Куриловка).*

1.7.42. Чу́рка. УЛЬЯН: Новосп.: Новоспасское.

♦ *чу́рки тако́и по разме́рам вот тако́и кру́глыи / адева́ют ево́ // (Новоспасское).*

1.7.43. Чу́шка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Махалино, УЛЬЯН: Карсун.: Прислониха.

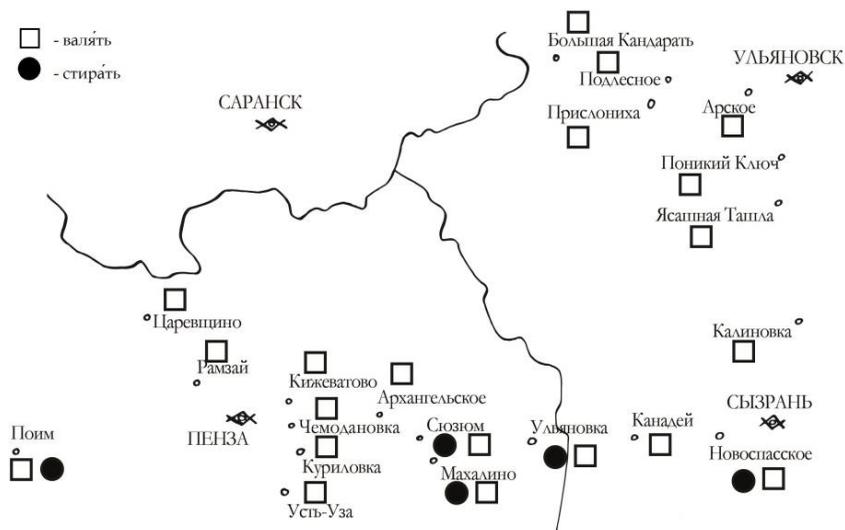
♦ *ну / там мно́га инструме́нта / чу́шки называ́лись // вот кагда́ рабо́таиши / ва́ внутрь фста́вляиши чу́шку // Э́то в голени́це или туда стави́тся? – в но́с / и в пя́тку // в галени́це нет / не фста́вляли // така́я вот кру́глая / нападо́бие // ... да / чу́шка // ва́ленок-та фарма́рива́лся пахо́ду // ... а на кало́тку / вот кагда́ парабо́таиши на прудо́к / вот э́ту пафта́риши / па́том пе́рвый рас на чу́шку // чу́шка у ме́ня не аста́лась / мо́жет где и е́сть // (Махалино); ну / э́та бы́ла / э́та чу́шка бы́ла / э́та не / не ю́лка ничево́ / э́та чу́шка абыкнаве́нная / а́на вот / балва́нка вот така́я вот // (Прислониха).*

1.7.44. Ю́лка. ПЕНЗ: Бессон.: Чемодановка, УЛЬЯН: Майн.: Подлесное, УЛЬЯН: Карсун.: Большая Кандарать.

♦ *ю́лка / на като́рай ва́лящица / называ́щица ю́лка // вот её фста́виши / дере́вянная ю́лка // ... да / ю́лка / им ката́иш / и вот э́тим перека́тникам // ... и сю́да фста́вляиши в галени́це като́к / перека́тник / а сю́да ю́лка называ́щица // (Чемодановка); ну ю́лки да-да-да / вот ю́лка специа́льная // их адева́ют / их адева́ют и ката́ют э́тим // кагда́ ва́ляиши // да-да-да́ / вот така́я / э́та ю́лка / ю́лка называ́ют // (Подлесное).*

ное); ну *какии* / *юлка* / *сперва́* на *юлку валяиш* // *вот* / *сперва́* *абва́ливаиш* / *патом* на *юлку надяваиш* // *юлка така́я* / *длинна* *ана́* *вот така́я* / *длинна* / ну *как* / *по размеру* / *по размеру* // на *юлке* / на *юлку* / *патом каток* / на *катке* // (Большая Кандарать).

Дополнительные материалы, включенные в словарь. Карты и рисунки. Для некоторых лексем, помещенных в словаре, выделяются определенные ареалы распространения на обследованной территории; к статьям на такие слова прилагаются схематичные лингвистические карты, отражающие ареалы слова или ряда синонимичных слов. Карты иллюстрируют распространение ряда лексических единиц, например, некоторых наименований для действия ‘валяние с водой’ (карта 1).

Карта 1. Наименование для действия ‘валяние с водой’

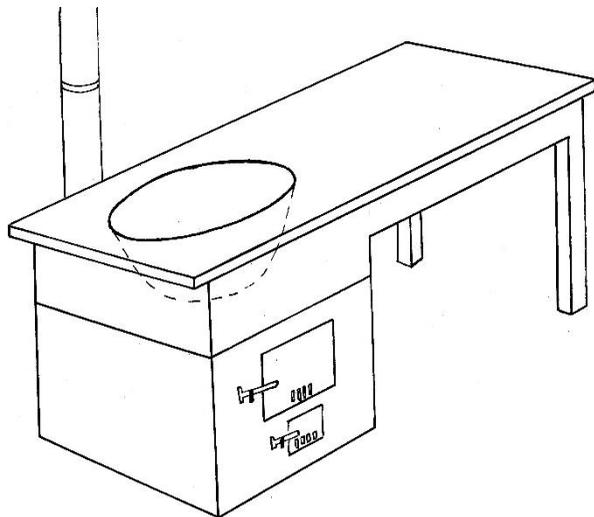
Ряд лексических единиц сопровождается рисунками и схемами, которые включаются в толкование:

Стол для валяния. Для валяния валенок необходим стол или любая другая крепкая и устойчивая к горячей воде поверхность. Во многих населенных пунктах, где есть валяльщики, стол для валяния не имеет специального названия и называется просто *стол* или *верстак*. Некоторые валяльщики используют для создания валенок специальный самодельный стол со встроенным котлом и печкой под ним, где

котел обеспечивает постоянное поступление пара при этапе «мокрого валяния»; для него есть три следующих названия.

1.7.27. Котёл. ПЕНЗ: Белин.: Поим.

♦ *вытáскиваи их аттúда ўтрам / нáда их уплати́ть ещѐ немнóга / носá патóлице / уплати́л / и тут у тебѧ катѐл ужѐ гарит / и начи- нáиши сабирáть / катѐл затати́л // (Поим).*

1.7.28. Полóк. ПЕНЗ: Белин.: Поим, Бессон.: Чемодановка.

♦ *гарячая вадá / стíрна бы́ла на кúхне у нáс / зделана бы́ла пѐчечка такáя // тут палóк / тут вот тák / и с той старанѧ / тут дырка // тóпица / там горячая вадá / вот он начинáит катáть-катáть э́тат сапóк / он уменьша́ица // (Поим).*

1.7.29. Стíрка. ПЕНЗ: Кузнецк.: Махалино.

♦ *вот есть специа́льна стíрка у меня́ / там валя́лка / специа́льная ко́мната / где валя́ют // (Махалино).*

Заклучение

Мы надеемся, что в статье удалось показать основные приемы, принятые нами при составлении диалектного тематического словаря ремесленной лексики, и обосновать выбор именно этих, а не других способов описания. Нам кажется очевидной нужда в составлении диа-

лектных словарей подобного типа, поэтому мы приветствуем любую конструктивную лексикографическую дискуссию по данной теме.

Литература

1. *Барашков В.Ф.* Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск : Изд-во УГПИ, 1977. 80 с.
2. *Баранникова Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31.
3. *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Н.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М. : Синодальная тип., 1915. 140 с.
4. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М. : Промсвещение, 1970. 198 с.
5. *Алексеев Д.И.* Говор с. Архангельского Чердаклинского района Ульяновской области : дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953. 359 с.
6. *Барашков В.Ф.* Ульяновское Поволжье: языки, говоры, ономастика. Ульяновск : ИПК ПРО, 1999. 68 с.
7. *Бескровный А.М.* К истории образования местных диалектов Ульяновской области // Ученые записки Ульяновского педагогического института. 1956. Вып. 8. С. 353–378.
8. *Мызникова Я.В.* Наименования пищи в говорах Ульяновской области (по материалам экспедиций по Программе ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров : (материалы и исследования) : 2015. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 413–422.
9. *Мызникова Я.В.* Имперфективные глаголы с чередованием корневого гласного в левобережных говорах Ульяновской области // Севернорусские говоры 2016. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 127–135.
10. *Алёшина Л.М.* Лексика коноплеводства в орловских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 24 с.
11. *Баланчик Н.А.* Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла: на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1992. 12 с.
12. *Блинова О.И.* Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинина Томского района Томской обл. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1962. 381 с.
13. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие. Ярославль : Инфопресс, 1992. 81 с.
14. *Крылов А.Н.* Терминологические названия количества льна и волокна в говорах Сокольского р-на (Ивановская область) // Ученые записки Ивановского педагогического института. 1970. Т. 84. С. 16–24.
15. *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М. : Этнограф. отд-ние О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1927. Ч. 1. 166 с.

16. *Маерова К.В.* Диалектная терминологическая лексика (на материале льно-прядильно-ткацкой терминологии говоров алтайских старообрядцев) // Актуальные проблемы русской диалектологии : тез. докл. Междунар. конф. 23–25 октября 2006 г. М. : ИРЯ РАН, 2006. С. 122–124.

17. *Михайлова Л.П.* Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 24 с.

18. *Невежин А.П.* Особенности говора деревни Большого Ефимова (терминология ткачества, домашнего печенья и др. // Диалектологический сборник. Волгоград : ВГПИ им. В.М. Молотова, 1941. С. 21–26.

19. *Павлова М.Р.* Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 18 с.

20. *Петрунина В.М.* Омонимы в лексике современного текстильного производства // Лексика русского языка. Рязань : РГПИ, 1979. С. 16–20.

21. *Порфиренко Н.А.* Лексика ткацкого льняного производства в русском языке XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 20 с.

22. *Чумакова Ю.П.* Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) // Рязанский этнографический вестник. Рязань : Рязан. обл. науч.-метод. центр народного творчества, 1995. 228 с.

23. *Кондратьева В.П.* О профессиональной лексике псковских плотников // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1969. Т. 324. С. 303–317.

24. *Маринин А.В.* Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2011. 25 с.

25. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.

26. *Блинова О.И.* Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Лингвистический сборник. Томск, 1964. Т. 174. С. 48–58.

27. *Коготкова Т.С.* Национальные истоки русской терминологии. М. : Наука, 1991. 120 с.

28. *Королькова М.Д.* К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики // Лексический атлас русских народных говоров : (материалы и исследования) : 2015. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 298–307.

29. *Морковкин В.В.* Идеографические словари. М. : МГУ, 1970. 71 с.

30. *Descartes R.* Oeuvres de Descartes. 1. Correspondance a\г. 1622. fevr 1638. Paris : ed. Leopold Cerf, 1897. P. 76–82.

31. *Агапова М.А., Зимина И.В.* Лексика ложкарного и посудотокарного промыслов на территории Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров : (материалы и исследования) : 2000. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2003. С. 128–130.

32. *Чижова И.Л.* Лексика художественных промыслов Среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический и номинативный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Representation of the Handicraft Vocabulary of the Sura Volga Region in a Thematic Dictionary: Prerequisites for Creation, Composition and Structure

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 40–65. DOI: 10.17223/22274200/20/3

Mariia D. Korolkova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: skifane@gmail.com

Keywords: Sura Volga region, handicraft vocabulary, dialects, thematic dictionary, ideographic dictionary.

In the article, the author discusses the ways of grouping and representing the handicraft vocabulary items of the Sura Volga region dialects in a thematic dictionary organized by the onomasiological principle. First of all, the author localizes the dialects in question and gives a brief description of their emergence paralleled with the history of the territory where they are present nowadays, that is of modern Penza and Ulyanovsk Oblasts, which were colonized by Russian-speaking settlers only a couple of centuries ago. The author concludes that these secondary idioms belong mostly to the Middle Russian group of dialects and share a lot of common features, which allows regarding them as a certain continuum liable to description as a whole. The author justifies the necessity of a dictionary containing the dialectal handicraft vocabulary of the Sura Volga region and claims that an accurate depiction of a certain thematic group of dialectal lexical items, such as handicraft terms, demands specific principles of organisation. These principles widely contradict the traditional alphabetic arrangement: for example, a coherent description of a bunch of words denoting related items (e.g. craftsman, his working place and result of work), or drawing of areal maps typically used in linguistic geography. Having analyzed the terms related to felting, carpentry and weaving, the author develops a special method of representing the relevant material both via linguistic data, such as phonetic variants, syntactic distribution and morphological peculiarities of each item, and encyclopaedic information on how each handicraft action or instrument contributes to the result and what this final result is for each type of the handicrafts under consideration. Thus, the author has chosen to divide the words related to each handicraft into seven subgroups such as ‘actor’, ‘instrument’, ‘result’, and so on, which shows the whole picture of what handicraft activities are like and why they need the terms they actually have. If one wants to look for a certain word, not a notion, an alphabetic index at the end of the book can be addressed, where each word is provided with the information on how it can be found in the main text of the dictionary. Finally, the author describes the principles of illustrative material selection. In general, the author hopes her project can prove useful for the description of Russian dialectal handicraft vocabulary.

References

1. Barashkov, V.F. (1977) *Russkie govory Ul'yanovskoy oblasti* [Russian dialects of Ulyanovsk Oblast]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical Institute.
2. Barannikova, L.I. (1975) *Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii* [Dialects of lately colonized territories and the problem of classifying them]. *Voprosy yazykoznaviya*. 2. pp. 22–31.

3. Durnovo, N.N., Sokolov, N.N. & Ushakov, N.N. (1915) *Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope* [An experimental dialectological map of the Russian language in Europe]. Moscow: Sinodal'naya tip.

4. Zakharova, K.F. & Orlova, V.G. (1970) *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie.

5. Alekseev, D.I. (1953) *Govor s. Arkhangel'skogo Cherdaklinskogo rayona Ul'yanovskoy oblasti* [The dialect spoken in Arkhangelskoe village, Cherdaklinsky District, Ul'yanovsk Oblast]. Philology Cand. Diss. Kuybyshev.

6. Barashkov, V.F. (1999) *Ul'yanovskoe Povolzh'e: yazyki, govory, onomastika* [Ulyanovsk Volga region: its languages, dialects and onomastics]. Ulyanovsk: IPK PRO.

7. Beskrovnyy, A.M. (1956) K istorii obrazovaniya mestnykh dialektov Ul'yanovskoy oblasti [On the formation history of the local dialects in Ulyanovsk Oblast]. *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo pedagogicheskogo instituta*. 8. pp. 353–378.

8. Myznikova, Ya.V. (2015) Naimenovaniya pishchi v govorakh Ul'yanovskoy oblasti (po materialam ekspeditsiy po Programme LARNG) [Words denoting food in the dialects of Ulyanovsk Oblast (based on the recordings of the expedition under the Lexical Atlas of Russian Dialects Program)]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: (materialy i issledovaniya): 2015* [Lexical Atlas of Russian dialects (Materials and investigations): 2015]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 413–422.

9. Myznikova, Ya.V. (2016) Imperfektivnye glagoly s cheredovaniem kornevogo glasного v levoberezhnykh govorakh Ul'yanovskoy oblasti [Imperfective verbs with stem vowel alternations in the left-bank dialects of Ulyanovsk Oblast]. In: Gerd, A.S. & Puritskaya, E.V. (eds) *Severnорusskie govory 2016* [Northern Russian dialects: 2016]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 127–135.

10. Aleshina, L.M. (2002) *Leksika konoplevodstva v orlovskikh govorakh* [Vocabulary of hemp growing in Oryol dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Oryol.

11. Balanchik, N.A. (1992) *Leksika krest'yanskogo tekstil'nogo proizvodstva i plotnicheskogo remesla: na materiale russkikh govorov Kemerovskoy i Orlovskoy oblastey* [Vocabulary of peasant textile production and carpentry: Based on the Russian dialects of Kemerovo and Oryol Oblasts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Oryol.

12. Blinova, O.I. (1962) *Proizvodstvenno-promyslovaya leksika starozhil'cheskogo govora s. Vershinina Tomskogo rayona Tomskoy obl.* [Production and trade vocabulary of old-timer dialect of Vershinino village of Tomsk Oblast]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

13. Gromov, A.V. (1992) *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe: ucheb. posobie* [Dictionary. Vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River: textbook]. Yaroslavl: Infopress.

14. Krylov, A.N. (1970) Terminologicheskie nazvaniya kolichestva l'na i volokna v govorakh Sokol'skogo r-na (Ivanovskaya oblast') [Terminological names of the amount of flax and fiber in the dialects of Sokolsky District (Ivanovo Oblast)]. *Uchenye zapiski Ivanovskogo pedagogicheskogo instituta*. 84. pp. 16–24.

15. Lebedeva, N.I. (1927) *Narodnyy byt v verkhov'yakh Desny i verkhov'yakh Oki* [Folk life in the upper Desna and the upper Oka]. Pt. 1. Moscow: Etnograf. otd-nie O-va lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii.

16. Maerova, K.V. (2006) [Dialect terminological vocabulary (based on the flax-spinning-weaving terminology of the dialects of the Altai Old Believers)]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Abstracts of International Conference. 23–25 October 2006. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 122–124. (In Russian).

17. Mikhaylova, L.P. (1970) *Leksika l'noobrabotki, pryadeniya i tkachestva v novgorodskikh govorakh* [Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in Novgorod dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.

18. Nevezhin, A.P. (1941) *Osobennosti govora derevni Bol'shogo Efmimova (terminologiya tkachestva, domashnego pechen'ya i dr.)* [Features of the dialect of Bolshoe Efmimovo village (terminology of weaving, home baking, etc.)]. In: *Dialektologicheskii sbornik* [Dialectological collection]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical Institute. pp. 21–26.

19. Pavlova, M.R. (1990) *Polesskaya terminologiya tkachestva na obshchelaslavianskom fone* [Polesia terminology of weaving against a common Slavic background]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

20. Petrunina, V.M. (1979) *Omonimy v leksike sovremennogo tekstil'nogo proizvodstva* [Homonyms in the vocabulary of modern textile production]. In: Bondalevov, V.D. (ed.) *Leksika russkogo yazyka* [Vocabulary of the Russian language]. Ryazan: Ryazan State Pedagogical Institute. pp. 16–20.

21. Porfirenko, N.A. (1987) *Leksika tkatskogo l'nyanogo proizvodstva v russkom yazyke XVII veka* [Vocabulary of weaving linen production in the Russian language of the 17th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

22. Chumakova, Yu.P. (1995) *Leksika traditsionnogo tkachestva v govorakh rayona Bogoslovshchina Ryazansko y oblasti (semanticheskaya, dialektologicheskaya i etimologicheskaya kharakteristika)* [Vocabulary of traditional weaving in the dialects of Bogoslovshchina District of Ryazan Oblast (semantic, dialectological and etymological characteristics)]. In: *Ryazanskiy etnograficheskii vestnik* [Ryazan ethnographic bulletin]. Ryazan: Ryazan. obl. nauch.-metod. tsentr narodnogo tvorchestva.

23. Kondrat'eva, V.P. (1969) *O professional'noy leksike pskovskikh plotnikov* [On the professional vocabulary of Pskov carpenters]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena*. 324. pp. 303–317.

24. Marinin, A.V. (2011) *Leksika promyslov i remesel v govorakh Vadskogo rayona Nizhegorodskoy oblasti* [Vocabulary of trades and crafts in the dialects of Vadsky District of Nizhny Novgorod Oblast]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arzamas.

25. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.

26. Blinova, O.I. (1964) *Leksika obrabotki l'na, pryadeniya i tkachestva v starozhil'cheskikh govorakh sredney chasti basseyna r. Obi* [Vocabulary of flax processing, spinning and weaving in the old-timers' dialects of the middle part of the Ob river basin]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva*. 174. pp. 48–58.

27. Kogotkova, T.S. (1991) *Natsional'nye istoki russkoy terminologii* [National origins of Russian terminology]. Moscow: Nauka.

28. Korol'kova, M.D. (2015) K probleme analiza dialektnoy remeslennoy leksiki [On the problem of the analysis of dialectal craft vocabulary]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: (materialy i issledovaniya): 2015* [Lexical Atlas of Russian dialects (Materials and investigations): 2015]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 298–307.

29. Morkovkin, V.V. (1970) *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow: Moscow State University.

30. Descartes, R. (1897) *Oeuvres de Descartes*. 1. Correspondance a\g. 1622. fevr 1638. Paris: ed. Leopold Cerf. pp. 76–82.

31. Agapova, M.A. & Zimina, I.V. (2003) Leksika lozhkarnogo i posudotokarnogo promyslov na territorii Nizhegorodskoy oblasti [Vocabulary of spoon- and dish-making crafts on the territory of Nizhny Novgorod Oblast]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: (materialy i issledovaniya): 2000* [Lexical Atlas of Russian dialects (Materials and investigations): 2000]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 128–130.

32. Chizhova, I.L. (2005) *Leksika khudozhestvennykh promyslov Srednego Urala: strukturno-semanticheskiy, leksikograficheskiy i nominativnyy aspekty* [Vocabulary of the arts and crafts of the Middle Urals: structural-semantic, lexicographic and nominative aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.17223/22274200/20/4

Т.Г. Никитина, Е.И. Роголёва

СОВРЕМЕННАЯ УЧЕБНАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ БУМАЖНОГО СЛОВАРЯ¹

Представлена авторская концепция реализации принципа интерактивности в учебном фразеологическом словаре книгопечатного формата, что соответствует современному пользовательскому запросу. На примере серии фразеологических словарей, включающей занимательный этимологический словарь, словарь-практикум, сюжетный словарь в рассказах и игровой словарь-квест, показаны техники индуцирования интерактивности: диалогизация лексикографического текста, его гипертекстовое структурирование и игровые манипуляции.

Ключевые слова: фразеология, учебная фразеография, интерактивный словарь, словарная статья, гипертекстовая макроструктура словаря.

Введение

За последние 2–3 десятилетия лексикография стала сферой активного внедрения компьютерных технологий. Разработчики и пользователи электронных словарей отмечают такие их преимущества над традиционными бумажными лексикографическими источниками, как объем словника (базы данных) и возможности его оперативного пополнения, скорость навигации, интеграцию словаря с программами обработки текста, наличие функции прослушивания и другие мультимедийные элементы [1–3]. Среди преимуществ традиционных бумажных словарей упоминаются отсутствие технических проблем доступа и функционирования, большее соответствие требованиям здоровьесбережения [Там же]. Если целесообразность использования электронных словарей в переводческой практике вполне очевидна, то их эффективность как обучающего средства, по данным анкетирования [2], вызывает сомнение даже у самих обучающихся: во время работы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете).

с электронным словарем «психологические процессы практически не принимают активного участия», тогда как обращение к бумажному словарю – хороший способ запоминания слов [2]. Этому способствует эксплицитность макроструктуры бумажного словаря: алфавитное или тематическое расположение материала позволяет читателю одновременно с информацией о слове получить представление о его «родственных» связях с расположенными рядом однокоренными словами или о тематической близости с другими лексическими единицами. Не ограничено форматом экрана и ознакомление с объемной семантической структурой многозначного слова (уровень микроструктуры словаря). Пользователь бумажного словарного издания имеет возможность компактного восприятия таких полисемантов во всех нюансах и взаимосвязях их лексико-семантических вариантов и параметров лексикографического описания.

Для учебной лексикографической репрезентации фразеологизма с его эмотивно-оценочной семантикой, специфической образной структурой, насыщенным этнокультурным фоном и современными структурно-семантическими трансформациями не менее важно представить весь объем лингвистической и лингвокультурологической информации о заголовочной единице во взаимосвязи параметров объемного текста словарной статьи. Решая эту лексикографическую задачу в бумажном формате, сотрудники Экспериментальной словарной лаборатории Псковского университета реализуют инновационную концепцию интерактивной учебной репрезентации фразеологии, учитывая особенности памяти и восприятия, сложившиеся в результате изменения фенотипа человека у «детей новой постиндустриальной культуры» [4], ориентированных на экранные источники получения информации, игровой аспект и интерактивность этого процесса.

Цель данной статьи – представить авторскую концепцию интерактивного фразеографического текста в бумажном формате [5], реализованную в серии учебных словарей, адресованных современному школьнику.

Фразеология в учебном словаре: отечественный опыт и векторы инноваций

Современные концепции учебной фразеографии открывают перспективы инновационной словарной репрезентации языковых свойств и этнокультурного потенциала фразеологизма. Актуальность таких ис-

следований определяется необходимостью обновления теоретической базы учебной лексикографии с учетом новых достижений лингвистики и современных социокультурных условий функционирования языка.

В этом плане лингвометодический потенциал отечественной фразеографии отчетливо просматривается в общей картине словарного описания фразеологии.

Задачи научно обоснованной учебной репрезентации фразеологизма, которые начинают обсуждать преподаватели зарубежных вузов [6. С. 372–373, 378–381; 7; 8], успешно решаются в исследованиях российских лексикографов, определяющих требования к современным учебным словарям [9, 10], в том числе к фразеографическим источникам для школьников [5, 11, 12], студентов-иностранцев [13–15] и русскоязычных пользователей, изучающих иностранные языки [16–18]. Показательно, что в американских и европейских типологиях лингвистических словарей [19–21] учебные фразеографические источники не находят отражения, тогда как в отечественных типологических построениях они занимают соответствующую классификационную позицию [22–24].

При наличии в Европе и США богатых традиций англо-, франко-, немецкоязычных академической фразеографии [25–28] и опыта параметризации фразеологизмов в национальных корпусах [29, 30] лингводидактическая ориентация фразеографических источников на учащихся различных уровней и профилей здесь не разработана в такой степени, как в отечественной лексикографической практике. Более 40 учебных русскоязычных фразеологических словарей, изданных за последние три десятилетия (они анализируются в монографии [5]), адресованы учащимся средней школы [31–33], иностранцам различных этапов обучения [34, 35], а в начале XXI в. этот лингвометодический фонд пополнили концепция детской фразеографии и ее воплощение в серии словарей для младших школьников [5, 36–38]. Идея конструирования учебного фразеологического словаря как интерактивного, в том числе игрового гипертекста, реализованная в этой серии словарей, нашла воплощение и в других направлениях учебной фразеографии.

На рубеже XX и XXI в. фразеологическое направление складывается в рамках лингвокультурологии (работы В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, М.Л. Ковшовой и др.). В силу культурной маркированности объекта описания фразеологические словари вклю-

чаются в классификацию словарей лингвокультурологического типа [39. С. 244–246]. Статья первого собственно лингвокультурологического (лингвострановедческого) учебного словаря «Русские фразеологизмы» [40] помимо традиционной семантизации и примеров употребления оборота в художественном тексте включает историко-этимологический комментарий, раскрывающий культурные коннотации фраземы. Значительно увеличить лингвокультурологическую ценность словарей этого типа позволило использование технологии интерактивного построения лексикографического гипертекста, как, например, в проекте «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» [41], где словарные статьи складываются в серию взаимосвязанных сюжетных и научно-популярных рассказов о разных регионах страны, с которыми так или иначе связано происхождение фразеологизмов, а их функционирование иностранные студенты, которым адресован словарь, также активно осваивают на фоне региональных реалий.

В режиме активного взаимодействия с составителями словаря и персонажами сюжетно организованных словарных статей осваивают происхождение и функционирование русской фразеологии и пользователи двуязычных коммуникативно ориентированных словарей серии «Фразеологизмы в нашей речи» [42, 43]. Здесь инновационный «фразеографический интерактив» распространяется и на такие исследовательские области, как межъязыковое и межкультурное сопоставление, представленные занимательными заданиями, которые включены в разные параметрические зоны словарной статьи и предполагают обратную связь.

Ниже будет представлена разработанная в рамках данной интерактивной фразеографической концепции система приемов параметризации материала в учебных фразеологических словарях разных жанровых разновидностей как новая форма словарной репрезентации фразеологизма, обеспечивающая научную достоверность, доступность и полноту представления процессов фразеоморфоза и функционально-семантических свойств фразеологизмов, а также их активизацию в речи пользователя словаря.

Этимологический фразеологический словарь для школьников как приглашение к сотрудничеству

Реализуя нашу фразеографическую концепцию, мы руководствуемся принципами антропоцентрической лексикографии, позволяющими «настроить» параметры словаря (авторская установка, макро- и

микрокомпозиция) на параметры адресата, в данном случае – ребенка 7–13 лет. Именно в этой связи нами уделяется большое внимание разработке такого системообразующего лексикографического параметра, как авторская установка на интерактивность словаря, что обусловлено учетом особенностей фенотипа современного ребенка.

При этом интерактивность книгопечатного учебного словарного проекта обеспечивается диалогизацией фразеографического текста, где гармонизирующий диалог авторов с ребенком-читателем строится за счет специальных диалогообразующих приемов «автор–адресат». Одним из таких приемов в наших словарях является присутствие двух авторов, ведущих диалог друг с другом и с ребенком-адресатом, что делает словарный текст более интерактивным:

<...> Угощайся, пожалуйста. Мы проголодались, пока тебя в этой словарной статье дожидались. Вот решили коврижек купить и чайку попить. Очень вкусно. Раньше коврижки назывались «медовым хлебом». Это старинное русское лакомство <...> (фрагмент из словарной статьи «Ни за какие коврижки») [44. С. 99].

<...> Где же ты? Мы тебя ждём-ждём, а тебя всё нет... Вот оно что! Вы с мамой долго простояли в очереди за справкой в поликлинике. А потом вам сказали, что справку выдадут завтра или послезавтра, а может быть, на следующей неделе. Столько времени зря потратили! Но ты не расстраивайся, а посмотри-ка еще раз на заголовок этой словарной статьи <...> (фрагмент из словарной статьи «Откладывать в долгий ящик») [Там же. С. 103].

Диалогообразующие приемы варьируют в зависимости от жанра созданных нами «аспектных» учебных фразеологических словарей: занимательный этимологический словарь, словарь-практикум, сюжетный словарь в веселых рассказах и игровой словарь-квест.

Реализуя такую фразеографическую разножанровость, мы руководствуемся положением В.В. Морковкина, согласно которому учебным словарем, специально предназначенным для оказания помощи в изучении языка, является лексикографическое произведение любого жанра и объема [45. С. 8], а также необходимостью формирования у младших школьников жанрового восприятия текста и роли фразеологизма в этом тексте, чему способствует реализация принципа интерактивности при конструировании словарной статьи.

Текст толково-этимологического фразеологического словаря [36] строится в жанре занимательных научно-популярных историй. Диалогообразующие приемы их построения включают адресата-ребенка

в качестве нашего научного партнера, соавтора в увлекательное исследование происхождения фразеологизма. Это позволяет на основе специально разработанных моделей этимологизации раскрыть механизм образования конкретного фразеологизма как знака языка и культуры и обеспечить осмысление младшим школьником становления не только фразеологического значения, но и его этнокультурного фона.

Так, оказываясь в далеком прошлом Руси, авторы-рассказчики и читатель-ребенок из поездки по столбовой дороге в село Коломенское узнают историю происхождения фразеологизма *коломенская верста*, в процессе приготовления каши на деревенской свадьбе знакомятся с историко-этимологической версией фразеологизма *заваривать кашу*, вместе с братьями-коробейниками продают товар на старинной русской ярмарке и осваивают этимологическую версию фразеологизма *с три короба*.

Многие интерактивные словарные тексты, этимологические фразеологические единицы, конструируются с учетом современных культурных реалий. К примеру, в словарной статье «Подковать блоху» адресат словаря вместе с авторами отправляется в Санкт-Петербургский музей «Русский Левша», в статье «Тише воды ниже травы» со спецсамолета фотографирует реку Волгу, едет на экскурсию в Пушкиногорский музейный комплекс «Бугрово» (статья «Вить веревки») и т.п.

Наряду с различными диалогообразующими приемами гармонизации фразеографического текста, реализующими категории субъектности и адресованности, технологическое обеспечение интерактивности книгопечатного словаря осуществляется и за счет специальных игровых сюжетно-композиционных приемов конструирования словарной статьи, воплощающих игровое начало этимологической парафразы в русле заявленного жанра словаря.

Например, в статье «Семь пятниц на неделе» по ходу чтения текста адресат-ребенок «развязывает» узелки на клубке ниток, причем данный прием выбран неслучайно и связан с компонентом фразеологизма *пятница* как днем поминовения языческой богини воды, покровительницы материнства и женских рукоделий – Мокоши, которую позже, в период двоеверия, сменяет «бабья заступница» Параскева Пятница.

*<...> Непростая история происхождения фразеологизма **семь пятниц на неделе** запутана как клубок с нитками. Давай начнём её распутывать <...> [36. С. 75].*

Данной игровой процедурой завершается каждый очередной шаг этимологического исследования:

<...> Один узелок развязали. Давай попробуем ещё один распутать <...> [36. С. 76]. <...> Вот и этот узелок нам поддался. Осталось последний осилить <...> [Там же. С. 77]. <...> Ну что же, нам с тобой удалось распутать и этот фразеологический клубок. А сегодня случайно не пятница? А то с клубками и нитками ничего делать нельзя – Параскева Пятница накажет! Надеемся, ты понимаешь, что сейчас это просто шутка... А наш клубочек покотился за Параскевой Пятницей дальше, в словарную статью «После дождичка в четверг». <...> [Там же].

Отсылка к словарной статье «После дождичка в четверг», где с помощью клубка будет реализовываться уже другая сюжетно-игровая модель этимологизации фразеологизма, является примером одного из фразеографических приемов гипертекстового структурирования словарного текста, что также обеспечивает занимательность и интерактивность словаря в «бумажном» формате, в частности дает возможность создать индивидуальный маршрут для знакомства маленького читателя с русской фразеологией и русской культурой.

Осмыслению механизма фразеомообразования в толково-этимологическом словаре способствуют и занимательные игровые сопутствующие задания с ответом, которые следуют после вывода о развитии фразеологического значения, как, например, в словарной статье «Играть в кошки-мышки»:

<...> ↗ А теперь должна быть загадка. Но сначала будет ответ.
Игра в кошки-мышки продолжается:

 ИЗВЕЩАЮЩИЙ О ПОЖАРЕ, НО НЕ ОТВЕЧАЮЩИЙ НА ВОПРОСЫ

🔒 А теперь, как того требуют правила игры, мышка становится кошкой. Найди слово, которое ей в этом поможет: замени одну букву в слове мышка, а затем одну в получившемся слове.

МЫШКА → → КОШКА <...> [Там же. С. 29].

Фразеологический словарь-практикум: педагогическое взаимодействие в лексикографическом формате

Нюансы реализации техник индуцирования интерактивности фразеографического текста (диалогизация, гипертекстовое структурирование и игровые манипуляции) зависят от жанра сконструированного словарного проекта.

Так, фразеографический проект в жанре словаря-практикума для детей 8–12 лет создан нами с целью раскрытия коммуникативно-

прагматического потенциала фразеологизма и обеспечения его освоения адресатом-ребенком в процессе восприятия и продуцирования речи.

Кроме таких диалогообразующих приемов, как обращенность к читателю, персонификация автора, постановка маленького читателя в позицию соавтора, активного исследователя, в собственно тренирующей части словарной статьи есть специальная рубрика, с помощью которой организуется обратная связь с авторами по электронной почте как форма дистантного педагогического взаимодействия с адресатом-ребенком.

<...> → Как ты думаешь, почему детям иногда удается вить верёвки из родителей? Почему родители им это позволяют?

→ Подумай, случилось ли тебе вить верёвки из родителей? Расскажи, чем это закончилось. Наш адрес ты помнишь (dety-frazeologiya@ya.ru) и знаешь, что твои материалы мы можем включить в наш следующий словарь. Но если ты что-то хочешь рассказать нам по секрету, то, конечно, мы не будем разглашать твои тайны и ответим тебе лично <...> (фрагмент из словарной статьи «Вить веревки») [37. С. 12].

Прием обратной связи с авторами по электронной почте в словаре-практикуме всегда поддерживается другим диалогообразующим приемом – «совмещения внутреннего и внешнего адресата». Так, в «Речевой рубрике» словарной статьи «Дрожать как осино́вый лист» «фиктивному участнику описываемой сцены» (адресату-персонажу) предлагается прочитать и пересказать маленьким трусишкам отрывок из «Сказки про храброго Зайца-длинные уши, косые глаза, короткий хвост» Д.Н. Мамина-Сибиряка, используя фразеологизм *дро́жать (трястись) как осино́вый лист*.

Реальный же читатель, воображаемо присутствуя при этом действии, получает и реальное задание:

<...> → А какие ещё книжки ты посоветовал бы прочитать трусишке? Напиши нам: dety-frazeologiya@ya.ru <...> [Там же. С. 19].

Данный фрагмент также иллюстрирует гипертекстовое структурирование словарной статьи на уровне отсылок к текстам художественной литературы, русского фольклора, а в других случаях – к тем или иным разделам учебных предметов начальной школы (русский язык, окружающий мир, математика) с целью извлечения необходимой информации.

В плане межпредметной интеграции особенно показательна рубрика «Фразеологический наблюдательный пункт», в которой культурно-познавательный аспект репрезентации материала реализуется в текстах-иллюстрациях с заданиями рецептивного характера, знакомящими младшего школьника с культурой и историей России, открывающими интересные факты из жизни животных и растений, воспитывающими нравственные качества и т.д.

Например, в словарной статье «Как в воду канул» предлагаются тексты, где некоторые животные рекламируют свое умение маскироваться в среде обитания. Ребенку предлагается найти и подчеркнуть фразеологизм, чтобы убедиться, что животные неслучайно его употребляют.

Приведем фрагмент текста про морского конька:

<...> – Все морские коньки могут пропадать, изменяя свою окраску, маскируясь под цвет морской растительности. Но совершенства в искусстве маскировки достиг я, австралийский конёк-тряпичник. Когда мои выросты кожи на теле колеблются в воде, меня почти невозможно отличить от веточки саргассовой водоросли. В Саргассовом море они образуют настоящие заросли! Попробуй-ка теперь найти меня! Как будто в воду канул! <...> [37. С. 26].

Что касается игровой стратегии данного словаря-практикума, то она заключается в его приближении к интерактивной компьютерной игре. В каждой словарной статье адресат-ребенок должен пройти несколько уровней-рубрик освоения фразеологизма и зафиксировать свой результат: «ВСЕ ЗАДАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫ: ✍ _____».

Следует отметить, что при конструировании словарной статьи мы учитывали лингвистические и психологические факторы, взаимодействие которых отразилось в сопряжении параметрических зон словарной статьи, представленных традиционными и специальными рубриками, с этапами психологического процесса усвоения фразеологизма.

Фразеологический детектив как инновационный жанр учебной фразеографии

Игровая фразеографическая стратегия избирается нами в зависимости от жанрового своеобразия каждого словарного проекта. Одной из глобальных игровых манипуляций является конструирование учебного фразеологического словаря как текста с единым сюжетом, например в жанре юмористического детектива, представляющего живое функционирование фразеологизмов и их этимологию.

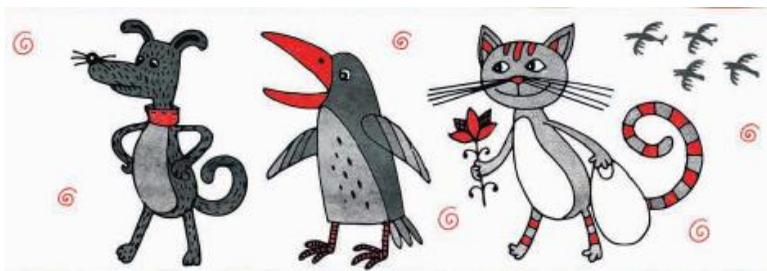
Приведем фрагмент словарной статьи «Считать ворон», в которой персонажи словаря «Сами с усами» [38] – сотрудники детективно-фразеологического агентства ГАКОС – служебно-разыскной пес Гафик и кот-исследователь Кокос, навещая в больнице шофера агентства попугая Кочана – студента-заочника следственно-фразеологической школы, успешно провели «расследование» истории происхождения фразеологизма¹:

<...> В этой словарной статье тебя ждет новое «дело», над которым поработали сотрудники детективно-фразеологического агентства «ГАКОС». Только заглянем мы не в офис, а в больницу, куда попал попугай Кочан, шофер агентства.

Он сильно ударился головой о лобовое стекло своего автомобиля. Сейчас у него в палате подружка ворона и коллеги по работе – пес Гафик и кот Кокос. Они пришли проведать друга.

¹ Рисунки худ. Е. Панфиловой.

Попугай Кочан: *Кот, еще кот, еще кот. А теперь вороны полетели. Одна, вторая, третья...*

Кот-исследователь Кокос: *Кочан, вы как-то странно котов и ворон считаете. Мы здесь каждый в одном экземпляре представлены!*

Попугай Кочан: *Да у меня голова кружится, вот и кажется, что вас очень много! Ничего не поделаешь, последствия удара...*

Служебно-расыскной пес Гафик: *А ведь Вы, Кочан, уже не первый раз в закрытые ворота у нашего офисного здания на большой скорости врзаетесь!*

Попугай Кочан: *Так я ж объяснял: ворота серые, выглядят, как продолжение асфальта. Вот я и еду себе спокойно.*

Ворона: *Нет, попугайчик! Это все потому, что ты любишь за рулем болтать по телефону со своим другом попугаем Педро!*

Кот Кокос: *Да-да, за разговорами Вы перестаете следить за дорогой, отвлекаетесь, становитесь невнимательным. Сколько раз мы Вас предупреждали: не считайте ворон за рулем, Кочан!*

Попугай Кочан: *Да не было там никаких ворон!*

Пес Гафик: *В данном случае это не имеет значения. По отношению к Вам коллега Кокос употребил выражение **считать ворон** не в математическом смысле, а во фразеологическом!*

Попугай Кочан: ***Считать ворон** – это новый фразеологизм? Тогда расскажите мне скорее историю его происхождения. А то я*

в этой палате умираю от тоски без новых фразеологических исследований.

Пес Гафик: Мы это как раз и собираемся сейчас сделать. Вот и ворону с собой взяли в качестве наглядного пособия.

Ворона: Кар! Почему я? Люди и сами себя часто воронами называют. Вот вчера после футбольного матча я слышала, как болельщики говорили: «Наши-то, вороны, опять на последней минуте гол пропустили!»!

Кот Кокос: Вот-вот, вороной обычно называют невнимательного, рассеянного человека, ротозея, разиню (**разиня** стоит **разинув** рот, как ворона с широко раскрытым клювом).

Ворона: Да при чем тут раскрытый клюв? Может, это ворона просто широко улыбается? ☺

Кот Кокос: Может, и так. Но ясно, что при добром отношении к этой птице ее имя не стали бы использовать так пренебрежительно.

Ворона: Спорить не буду! Насильно мил не будешь! Ну, не полюбил меня народ и даже сложил такие обидные пословицы: вороне соколом не бывать, пуганая ворона и куста боится.

Попугай Кочан: Да ладно, не расстраивайся. Зато ты в наш фразеологизм попала! И ещё я знаю, что ты очень умная.

Пес Гафик: Действительно, вороны по своему интеллекту значительно опережают других птиц. В этом их можно сравнить только с человекообразной обезьяной шимпанзе.

Кот Кокос: Ну, Вы уж как скажете, Гафик! Хотя и много у вороны ума, и память, говорят, отличная, а все равно про невнимательного и рассеянного человека люди говорят: «Он считает ворон»!

Пес Гафик: И поэтому нам придется согласиться с тем, что фразеологизм **считать ворон** – «быть невнимательным, рассеянным» возник от переносного значения слова **ворона** – «невнимательный, рассеянный человек, разиня».

Попугай Кочан: Ну, все, убедили! Больше нигде и никогда **считать ворон** не буду. И за рулем – никаких разговоров! <...> [38. С. 156–158].

К своим «расследованиям» сотрудники агентства привлекают специалистов из самых разных сфер, с которыми связано происхождение фразеологизмов, доступные ребенку литературные и исторические источники (гиперссылки), просят помощи у читателя, советуются с ним (приемы диалогизации текста). А каждое новое расследование, представленное в форме словарной статьи, традиционно (как и в других словарях представляемой серии) начинается справочным разделом, в котором даются исходная форма фразеологизма, его значение и эмотивно-оценочные характеристики:

СЧИТАТЬ ВОРОН

Быть невнимательным, рассеянным.

Говорится с неодобрением.

Фразеологический словарь-квест: интеракция с первой страницы

Авторская установка на реализацию интерактивности воплощается и на уровне макрокомпозиционных лексикографических параметров. Как известно, одним из обязательных компонентов макроструктуры словаря является предисловие. В нашей концепции метатекстовое предисловие в учебном фразеологическом словаре каждой из жанровых разновидностей имеет интерактивный характер и задает читателю установку на интеракцию. Представим это положение на примере предисловия к новому подготовленному для печати словарному проекту в жанре квеста.

Прежде всего в диалоговом формате авторы разъясняют адресату-ребенку назначение данного компонента макроструктуры словаря:

<...> Предисловие научит тебя пользоваться нашим новым фразеологическим словарем. И не простым словарем, а словарем-квестом: с ним тебе предстоит разгадать множество фразеологических загадок и выполнить разнообразные увлекательные задания <...>.

Категория диалогичности в интерактивном предисловии реализуется в сложном согласовании голосов персонажей-рассказчиков друг с другом, с авторами-рассказчиками и адресатом-ребенком.

Ему предлагается роль участника квеста (ты станешь нашим партнером, активным участником приключенческого познавательно-игрового проекта «Русская фразеология»). Виртуальное знакомство авторов с реальным адресатом включает их самопрезентацию (*Мы, авторы фразеологических словарей «Ума палата» и «Сами с усами», очень рады нашей новой встрече*), ребенку же предлагается вписать свое имя в специальную строку в знак согласия стать участником фразеологического квеста: *<...> Итак, квест вот-вот начнется. Первое задание, которое тебе нужно выполнить, – это зарегистрироваться в качестве участника. Для этого впиши во всем тексте Предисловия около значка ✎ свое имя. Получилось? Тогда идем дальше! <...>.*

Одним из приемов гипертекстового структурирования словаря-квеста является отсылка к прежним фразеографическим проектам Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии, в частно-

сти «Сами с усами»: <...> А раскрывать происхождение этих и других фразеологизмов придётся тебе, ✎ _____, и нашим рассказчикам – экспертам, знатокам фразеологии. С ними ты знаком по книгам «Ума палата» и «Сами с усами». Только, пока мы с тобой не виделись, с нашими героями произошли большие перемены. Мастер Профи открыл курсы профессиональной переподготовки, на которые записались почти все наши знакомые эксперты. Историк Раскопкин стал специалистом по фразеологизмам, связанным с крестьянским бытом, сейчас он – экскурсовод в небольшом музее старинной утвари в Пушкиногорье, что в Псковской области. Дописывает очередную книгу об этом удивительном крае, который связан с именем Александра Сергеевича Пушкина. Здесь было его родовое поместье, здесь жила его няня Арина Родионовна, здесь он написал много стихотворений и других произведений.

Вот туда-то мы с тобой, ✎ _____, и отправимся, чтобы вместе с нашими героями поучаствовать в увлекательном фразеологическом квесте <...>.

Игровые сюжетно-композиционные приемы конструирования данного фразеографического проекта подбираются в соответствии с жанровыми особенностями квеста: <...> В нашем познавательно-игровом словаре 15 словарных статей – это и есть этапы квеста, которые мы будем проходить вместе с нашими героями-рассказчиками. На каждом этапе нужно пройти несколько уровней. Из них и складывается словарная статья <...>.

Далее в предисловии адресат-ребенок знакомится с обязательным элементом квеста – легендой, которая в общих чертах отражается и в названии проекта «Дело в шляпе: познавательно-игровой фразеологический словарь с приключениями».

Согласно легенде, прежние и новые фразеологические рассказчики (историк Раскопкин, мастер Профи, братья Сгущенкины, инженер Сантиметренко, ветеринар Витаминкин, детективы кот Кокос и пес Гафик, ворона Кея, заяц Сеня и др.) собираются в Пушкинских горах по приглашению еще одного – таинственного – персонажа (им оказывается тень Пушкина) и участвуют в жеребьевке: вытащив жребий из шляпы, они должны выяснить историю происхождения доставшегося им фразеологизма. Реконструкция этимологии фразеологизма – это основное задание, которое поэтапно должен выполнять читатель совместно с персонажами-рассказчиками для продвижения по сюжету.

Есть еще и культурологически ориентированное задание, которое заключается в сборе и освоении информации о головных уборах разных времен и народов и также вводится в предисловии:

<...> Инженер Сантиметренко стал известным дизайнером одежды. Недавно он летал в Париж на показ коллекции старинных и современных головных уборов, который сопровождал историями о фразеологизмах, связанных с одеждой и, конечно, со шляпами. Получил первый приз на конкурсе модельеров-фразеологов. Но вот беда – на обратном пути при перевозке багаж был поврежден, и все шляпы, которые Сантиметренко собирал много лет, разлетелись по страницам словаря. Одна из них (она называется боливар) очутилась здесь (рисунок боливара) <...>.

<...> К своему другу Раскопину в Пушкинские Горы дизайнер Сантиметренко приехал поделиться несчастьем.

– Не переживай, найдутся твои шляпы. Читатели помогут. Чувствую я, что неспроста все это.

– Выходит, не зря я свои шляпы растерял, раз нам предстоит участвовать во фразеологическом квесте «Дело в шляпе»? – хитро сказал Сантиметренко, регистрируясь для участия в квесте.

А ты, , уже прямо сейчас можешь начинать выполнять одно из заданий нашего квеста – собирать шляпы и другие головные уборы, которые рассыпались по словарю. На них тебе будет

указывать значок . Вот, например: Я – боливар , а чем от меня отличается мурильо ? А в заключительной рубрике словаря «Шапки и шляпки разных времен и народов» на страницах 155–165 ты найдешь описание каждого из этих головных уборов и отметишь пропажу .

К следующему элементу квеста, представленному в предисловии и, в свою очередь, являющемуся также приемом гипертекстового структурирования словаря, относятся навигаторы-сюрпризы (*при прохождении этапов нашего интеллектуально-фразеологического квеста тебя ждут сюрпризы*). Кроме «Фразеологических стеклышек», «разбросанных» по тексту словаря (*когда ты соберешь 7 букв-стеклышек, наш словарь скажет тебе что-то важное!*), навигация осуществляется и с помощью игрового кубика в конце статьи (по количеству точек на видимых гранях кубика, с которыми в некоторых случаях нужно предварительно произвести определенные арифметические действия) адресат-ребенок узнает, к какой статье он должен перейти, найдя ее по соответствующему номеру в оглавлении. Логичным

мотивирующим завершением предисловия является приглашение к чтению:

Итак, раз, два, три, бросаем кубик!

Один! Открывай первую словарную статью. Ты случайно не знаешь, как она называется? *А кто знает? Пушкин?* Это и есть наш первый фразеологизм.

Счастливого пути! Авторы.

Заключение

Таким образом, представленная в статье фразеографическая концепция и ее практическое воплощение в словарях для школьников 1–6-х классов доказывают, что на современном этапе развития учебной фразеографии возможным и целесообразным является конструирование учебного фразеологического словаря как интерактивного, в том числе игрового гипертекста, что соответствует пользовательскому запросу ребенка в условиях постиндустриального информационного общества.

Техники индуцирования интерактивности фразеографического текста (диалогизация, гипертекстовое структурирование и игровые манипуляции) реализуются в каждой из жанровых разновидностей разработанных нами учебных фразеологических словарей: занимательном этимологическом словаре, коммуникативно ориентированном словаре-практикуме, сюжетно организованном словаре в веселых рассказах и игровом словаре-квесте.

Приемы диалогизации фразеографического текста (лексико-синтаксические и композиционные) обеспечивают включение адресата-ребенка в исследование происхождения фразеологизма, совместное с персонажами сюжетных словарных статей и авторами-составителями, мотивируют школьника к выполнению познавательных творческих заданий и осуществлению реальной обратной связи с составителями словаря в формате e-mail-коммуникации. Гипертекстуальность как неотъемлемое свойство интерактивного словаря, также стимулирующее познавательную активность читателя, реализуется в бумажном формате за счет отсылок к различным внешним источникам инфор-

мации, перекрестных ссылок в словарных статьях, использования навигаторов-сюрпризов. Игровые технологии конструирования лексикографического текста используются на всех уровнях репрезентации фразеологизма – от включения его игровых трансформаций, характерных для современной речи, в диалоги персонажей до развертывания поисково-этимологической игры на всем информационно-познавательном пространстве словаря-квеста.

Словари, разработанные в соответствии с представленной выше инновационной фразеографической концепцией, привлекут внимание читателя формой подачи материала, которая обеспечит доступность, но в то же время и полноту репрезентации образной структуры, оценочной семантики и особенностей современного функционирования фразеологизмов, их связи с историей страны и культурой народа.

Литература

1. Чумарина Г.П. Сравнительная характеристика электронных и бумажных словарей в функциональном аспекте // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 265–270.

2. Попутникова Л.А., Журавлева Н.Н. Бумажные словари : забыть нельзя использовать // Образовательная деятельность вуза в современных условиях : материалы междунар. науч.-метод. Конф. (Кааваево, 25–26 мая 2017 г.). Кострома : Костромская гос. с.-х. акад., 2017. С. 35.

3. Вихорева М.В., Мотина Т.М. Преимущества и недостатки бумажных и электронных словарей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3. С. 88–91.

4. Руденко С.А. Учиться понимать друг друга // Учительская газета. 2008. № 35. URL: <http://www.ug.ru/archive/25737> (дата обращения: 10.02.2020).

5. Роголёва Е.И. Современная учебная фразеография : теория и практика. Псков : ЛОГОС Плюс, 2014. 344 с.

6. Nuccorini S. Towards an 'ideal' Dictionary of English Collocations // A Practical Guide to Lexicography / ed. by P. Sterckenburg. Amsterdam : John Benjamin, 2003. P. 366–387.

7. Nuccorini S. Italian EFL learners' collocational errors and English collocations dictionaries: a case study // Studi italiani di linguistica teorica e applicata. 2013. № 2 (XLII). С. 223–245.

8. Polguère A., Sikora D. Modèle lexicographique de croissance du vocabulaire fondé sur un processus aléatoire, mais systématique // Enseigner le lexique, Recherches en didactique du français 5 / eds. by C. Garcia-Debanç, C. Masseron, C. Ronveaux. Namur : Presses Universitaires de Namur, 2013. С. 35–63.

9. Козырев В.А., Черняк В.Д. Учебные словари в современном лексикографическом пространстве // Коммуникация в поликодовом пространстве : лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты : материалы междунар.

науч. конф. (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.). СПб. : С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2015. С. 112–114.

10. *Загоровская О.В.* О методологических основах подготовки современных учебных словарей русского языка для билингвов // *Общая и учебная лексикография в условиях билингвизма : Теория. Методы исследования. Технологии : материалы нац. науч. конф. (Грозный, 23–25 октября 2019 г.)*. Грозный : Чеченский гос. пед. ун-т, 2019. С. 182–190.

11. *Андропова Е.В.* Об учебном словаре русской фразеологии для школьников // *Известия Научно-координационного центра по профилю «Филология»*. Вып. VII. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2009. С. 201–203.

12. *Петренко Е.Е.* Реализация компетентностного подхода в лексикографической концепции учебного фразеологического словаря // *Инновационное образование и экономика*. 2016. № 22. С. 38–43.

13. *Баско Н.В.* Культурологическая информация в учебном фразеологическом словаре для иностранцев // *Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 23 октября 2017 г.)*. Краснодар : Кубанский гос. технолог. ун-т, 2017. С. 22–29.

14. *Писарская Т.Р., Якименко Н.Е.* Отражение аксиологического параметра фразеологических единиц (паремий, сравнений, перифраз) в учебных словарях для иностранцев // *Новые горизонты русистики*. 2019. № 7. С. 158–163.

15. *Никитина Т.Г., Жуманиязов М.А.* Лексика и фразеология в двуязычном сопоставительном словаре // *Научный диалог*. 2019. № 12. С. 70–83.

16. *Бушуй Т.А.* Основы современной теории контрастивной фразеологии // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 29. С. 47–52.

17. *Ботавина Е.Б.* К вопросу о модернизации учебных словарей и практикумов (на материале современного немецкого языка) // *Проблемы экономики, организации и управления в России и мире : материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. (Прага, Чехия, 11 октября 2018 г.)*. Прага : World Press s.r.o., 2018. С. 30–32.

18. *Сафиуллина Г.Р.* Сравнительная лексикография: практика составления русско-татарско-англо-испанского иллюстративного словаря для детей // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 6. С. 149–155.

19. *Cowie A.P.* *Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / ed. by A.P. Cowie*. Oxford : Clarendon Press, 1998. P. 209–226.

20. *Hartmann R.R.K., James G.* *Dictionary of lexicography*. London ; New York : Routledge, 2002. 176 p.

21. *Swanepoel P.* *Dictionary Typologies: Pragmatic Approach // A Practical Guide to Lexicography / ed. by P. Sterckenburg*. Amsterdam : John Benjamin, 2003. P. 44–69.

22. *Гончарова В.В.* Классификации / типологии современных словарей : справ. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2018. 62 с.

23. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарная разработка русской фразеологии // *Studia Slavica Savariensia*. 1994. № 2. С. 107–146.

24. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Фразеография в современном лексикографическом пространстве // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф., Тула : Тульский гос. ун-т, 2018. С. 434–439.

25. *Cambridge Idioms Dictionary.* Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 505 p.

26. *Oxford Dictionary of English Idioms / ed. by J. Ayto.* Oxford : Oxford University Press, 2009. 416 p.

27. *Dictionnaire Robert des Expressions et Locutions / ed. by A. Rey.* Paris : Dictionnaires Le Robert, 2006. 500 p.

28. *Dobrovól'skij D.* Phraseologie im Wörterbuch // *Zeitschrift für angewandte Linguistik.* 2013. Bd. 58, № 1. S. 41–74.

29. *Grzybek P., Jesenšek V.* Phraseology in Dictionaries and Corpora. Introductory Remarks // *Phraseologie im Wörterbuch und Korpus = Phraseology in dictionaries and corpora / V. Jesenšek, P. Grzybek (eds).* Maribor : Univerza v Mariboru, 2014. P. 19–26.

30. *Вершинина М.И.* Идиомы в словарной части современной одноязычной энциклопедии «Business: The Ultimate Resource» // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2014. Т. 16, № 2–3. С. 647–653.

31. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 2013. 574 с.

32. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. М. : Дрофа, 2007. 384 с.

33. *Краснянский В.В., Розенталь Д.Э.* Фразеологический словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2017. 416 с.

34. *Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э.* Русская фразеология. М. : Рус. яз., 1990. 306 с.

35. *Баско Н.В.* Фразеологизмы в русской речи : словарь-справочник. М. : Флинта, 2009. 272 с.

36. *Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г.* Фразеологический словарь : занимательные этимологические истории для детей. М. : ВАКО, 2019. 96 с.

37. *Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г.* Фразеологический практикум. 3–4 классы. М. : ВАКО, 2012. 96 с.

38. *Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г.* Сами с усами : веселый фразеологический словарь. М. : Изд. Дом Мещерякова, 2020. 192 с.

39. *Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е.* Лингвокультурология. Теория и практика. СПб. : МИРС, 2009. 291 с.

40. *Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. М. : Рус. яз., 1990. 220 с.

41. *Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г.* Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками. М. : Рус. яз. Курсы, 2019. 136 с.

42. *Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И., Бурешиова Б., Рыковска М.* Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках : учеб. пособие. Praha : Fraus, 2013. 272 с.

43. *Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И., Желибтер Т., Пёшо М.-П.* Фразеологизмы в нашей речи : учебный словарь с комментариями на французском языке : учеб. пособие. Псков : ЛОГОС Плюс, 2015. 200 с.

44. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Ума палата : детский фразеологический словарь. М. : Изд. Дом Мещерякова, 2017. 160 с.

45. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 1990. 72 с.

Modern Educational Phraseography: Innovative Parameters of a Paper Dictionary
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 67–90. DOI: 10.17223/22274200/20/4

Tatiana G. Nikitina, Elena I. Rogaleva, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2007@yandex.ru / cambala2010@list.ru

Keywords: phraseology, educational phraseography, interactive dictionary, dictionary entry, hypertext macrostructure of dictionary.

The article aims to solve the problem of inducing interactivity in the text of a printed educational phraseological dictionary. The relevance of the problem is justified by the user request of today's school students and confirmed by psychologists' conclusions about the features of children's memory and perception in the postindustrial information society. The features of innovative interactive dictionaries prepared by the Pskov Laboratory of Educational Lexicography are shown against the background of the achievements of Russian and foreign educational phraseography. The authors present to students the linguistic properties of idioms and their cultural background identified by the methods of historical-etymological, functional-semantic and linguocultural analysis in a series of interactive phraseological dictionaries, including: an entertaining etymological dictionary, a dictionary-workshop, a plot phraseological dictionary, and a game dictionary-quest. This variety of phraseographic genres is explained by the need to form a genre perception of the text and the role of phraseology in this text, which is also facilitated by the implementation of the principle of interactivity in the construction of dictionary entries. The text interactivity in educational phraseological dictionaries of all these genres is achieved through techniques of dialogization of a lexicographic text, its hypertext structuring and game manipulation. Methods of dialogization of a phraseographic text (lexical-syntactic and compositional) ensure the inclusion of the child-recipient in the study of the origin of phraseology together with the characters of plot dictionary entries and their authors, motivate the student to perform cognitive creative tasks and give real feedback with the authors of the dictionary in the format of e-mail communication. Hypertextuality as an integral property of an interactive dictionary, which also stimulates the reader's cognitive activity, is implemented in the paper format of the dictionary by referring to various external sources of information, cross-references in dictionary entries, and the use of surprise navigators. Game technologies of a lexicographic text construction are used at all levels of phraseological units' representation – from including phraseological game transformations in the characters' dialogues, which is typical of modern speech, to structuring the entire information and cognitive field of the dictionary as a search and etymological game-quest. Thus, the feasibility of developing innovative educational dictionaries in accordance with the concept of their interactivity is proved: this will ensure the availability of the material and, at the same time, the completeness and academic

reliability of the representation of phraseological units as units of language and facts of Russian culture.

References

1. Chumarina, G.R. (2009) Comparative characteristics of electronic and paper dictionaries in the functional aspect. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 2009. 4. pp. 265–270. (In Russian).
2. Poputnikova, L.A. & Zhuravleva, N.N. (2017) [Paper dictionaries: forget can not be used] *Obrazovatel'naya deyatel'nost' vuzov v sovremennykh usloviyakh* [Educational activities of the University in modern conditions]. Proceedings of the International Conference. Karavaevo. 25–26 May 2017. Kostroma: Kostroma State Agricultural Academy. p. 35. (In Russian).
3. Vikhoreva, M.V. & Motin, T.M. (2019) Advantages and disadvantages of paper and electronic dictionaries. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3. pp. 88–91. (In Russian).
4. Rudenko, S.A. (2008) Uchit'sya ponimat' drug druga [Learn to understand each other]. *Uchitel'skaya gazeta*. 35. [Online] Available from: <http://www.ug.ru/archive/25737> (Accessed: 10.02.2020).
5. Rogaleva, E.I. (2014). *Sovremennaya uchebnaya frazeografiya: teoriya i praktika* [Modern educational phraseography: theory and practice]. Pskov: Logos Plus.
6. Nuccorini, S. (2003) Towards an 'ideal' Dictionary of English Collocations. In: Sterckenburg, P. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam: John Benjamin. pp. 366–387.
7. Nuccorini, S. (2013) Italian EFL learners' collocational errors and English collocations dictionaries: a case study. *Studi italiani di linguistica teorica e applicata*. 2 (XLII). pp. 223–245.
8. Polguère, A. & Sikora, D. (2013) Modèle lexicographique de croissance du vocabulaire fondé sur un processus aléatoire, mais systématique. In: Garcia-Debanc, C., Masseron, C. & Ronveaux, C. (eds) *Enseigner le lexique*. Recherches en didactique du français 5. Namur: Presses Universitaires de Namur. pp. 35–63.
9. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2015) [Educational dictionaries in the modern lexicographic space]. *Kommunikatsiya v polikodovom prostranstve: lingvokul'turologicheskie, didakticheskie, tsennostnye aspekty*. [Communication in the polycode space: linguoculturological, didactic, and value aspects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 13–15 May 2015. Saint Petersburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University. pp. 112–114. (In Russian).
10. Zagorovskaya, O.V. (2019) [Methodological bases of training of modern educational dictionaries of the Russian language for bilinguals]. *Obshchaya i uchebnaya leksikografiya v usloviyakh bilingvizma: Teoriya. Metody issledovaniya. Tekhnologii* [General and educational lexicography in the context of bilingualism: Theory. Method of research. Technologies]. Conference Proceedings. Grozny. 23–25 October 2019. Grozny: Chechen State Pedagogical University. pp. 182–190. (In Russian).
11. Andronova, E.V. (2009) Ob uchebnom slovare russkoy frazeologii dlya shkol'nikov [About the educational dictionary of Russian phraseology for schoolchil-

dren]. *Izvestiya Nauchno-kordinatsionnogo tsentra po profilyu "Filologiya"*. VII. pp. 201–203.

12. Petrenko, E.E. (2016) Implementation of the competence approach in the lexicographic concept of the educational phraseological dictionary. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika – Innovative education and Economics*. 22. pp. 38–43. (In Russian).

13. Basko, N.V. (2017) [Cultural information in the educational phraseological dictionary for foreigners]. *Filologicheskie i sotsiokul'turnye voprosy nauki i obrazovaniya* [Philological and socio-cultural issues of science and education]. Proceedings of the II International Conference. Krasnodar. 23 October 2017. Krasnodar: Kuban State Technological University. pp. 22–29. (In Russian).

14. Pisarskaya, T.R. & Yakimenko, N.E. (2019) Reflection of the axiological parameter of phraseological units (paremias, comparisons, periphrases) in educational dictionaries for foreigners. *Novye gorizonty rusistiki*. 7. pp. 158–163. (In Russian).

15. Nikitina T.G. & Zhumaniyazov M.A. (2019) Lexicon and phraseology in a bilingual comparative dictionary. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 12. pp. 70–83. (In Russian).

16. Bushuy, T.A. (2010) Foundations of the modern theory of contrastive phraseography. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 29. pp. 47–52. (In Russian).

17. Botavina, E.B. (2018) [On modernizing educational dictionaries and workshops (based on the material of the modern German language)]. *Problemy ekonomiki, organizatsii i upravleniya v Rossii i mire* [Problems of Economics, organization and management in Russia and the world]. Proceedings of the XVIII International Conference. Prague, Czech Republic. 11 October 2018. Prague: World Press s.r.o. pp. 30–32. (In Russian).

18. Safiullina, G.R. (2018) Comparative lexicography: the practice of compiling a Russian-Tatar-English-Spanish illustrative dictionary for children. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*. 26. pp. 149–155. (In Russian).

19. Cowie, A.P. (1998) Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons. In: Cowie, A.P. (ed.) *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. Oxford: Clarendon Press. pp. 209–226.

20. Hartmann, R.R.K. & James, G. (2002) *Dictionary of lexicography*. London; New York: Routledge.

21. Swanepoel, P. (2003) Dictionary Typologies: Pragmatic Approach. In: Sterckenburg, P. (ed.) *A Practical Guide to Lexicography*. Amsterdam: John Benjamin. pp. 44–69.

22. Goncharova, V.V. (2018) *Klassifikatsii / tipologii sovremennykh slovarey: spravochnoe posobie* [Classification/typology of modern dictionaries: reference guide]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics.

23. Mokienco, V.M. & Nikitina, T.G. (1994) Slovarnaya razrabotka russkoy frazeologii [Dictionary development of Russian phraseology]. *Studia Slavica Savariensia*, 2. pp. 107–146.

24. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2018) [Phraseography in the modern lexicographic space]. *Poliparadigmал'nye konteksty frazeologii v XXI veke* [Multiparadigm contexts of phraseology in the twenty-first century]. Proceedings of the International Conference. Tula: Tula State University. pp. 434–439. (In Russian).

25. Cambridge University Press. (2010) *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.

26. Ayto, J. (ed.) (2009) *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

27. Rey, A. (ed.) (2006) *Dictionnaire Robert des Expressions et Locutions*. Paris: Dictionnaires Le Robert.

28. Dobrovол'skiy, D. (2013) Phraseologie im Wörterbuch. *Zeitschrift für angewandte Linguistik*. 58 (1). pp. 41–74.

29. Grzybek, P. & Jesenšek, V. (2014) Phraseology in Dictionaries and Corpora. Introductory Remarks. In: Jesenšek, V. & Grzybek, P. (eds) *Phraseologie im Wörterbuch und Korpus = Phraseology in dictionaries and corpora*. Maribor: Univerza v Mariboru. pp. 19–26.

30. Vershinina, M.I. (2014) Idioms in the Dictionary Section of the Modern Unilingual Encyclopedia “Business: The Ultimate Resource”. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16 (2–3). pp. 647–653. (In Russian).

31. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (2013) *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [School phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie.

32. Shansky, N.M., Zimin, V.I. & Filippov, A.V. (2007) *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [School phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Drofa.

33. Krasnyansky, V.V. & Rozental', D.E. (2017) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Mir i obrazovanie.

34. Kokhtev, N.N. & Rozental', D.E. (1990) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Basko, N.V. (2009) *Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'-spravochnik* [Idioms in the Russian language: dictionary]. Moscow: Flinta.

36. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2019) *Frazeologicheskiy slovar': Zanimatel'nye etimologicheskie istorii dlya detey* [Phraseological dictionary: Entertaining etymological stories for children]. Moscow: VAKO.

37. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2012) *Frazeologicheskiy praktikum. 3-4 klassy* [Phraseological practice. Grades 3–4]. Moscow: VAKO.

38. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2020) *Sami s usami. Veselyy frazeologicheskiy slovar'* [We were not born yesterday. A fun phraseological dictionary]. Moscow: Izd. Dom Meshcheryakova.

39. Zinovieva, E.I. & Yurkov, E.E. (2009) *Lingvokul'turologiya. Teoriya i praktika* [Linguoculturology. Theory and practice]. Saint Petersburg: MIRS.

40. Felitsyna, V.P. & Mokienko, V.M. (1990) *Russkie frazeologizmy: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian phraseological units: linguocultural dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

41. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2019) *Puteshestvuem po Rossii s russkimi posloviitsami i pogovorkami* [Traveling in Russia with Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

42. Nikitina, T.G., Rogaleva, E.I., Bureshova B. & Rykowska, M. (2013) *Uchebnyy slovar' russkoy frazeologii na russkom i cheshskom yazykakh (uchebnoe posobie)* [Dictionary of Russian phraseology in Russian and Czech (study guide)]. Prague: Fraus.

43. Nikitina, T.G. et al. (2015) *Frazeologizmy v nashey rechi. Uchebnyy slovar' s kommentariyami na frantsuzskom yazyke (uchebnoe posobie)* [Phraseological units in our speech. Educational dictionary with commentaries in French (tutorial)]. Pskov: Logos Plyus.

44. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2017) *Uma palata: detskiy frazeologicheskiy slovar'* [A lot of wisdom. Children's phraseological dictionary]. Moscow: Izd. Dom Meshcheryakova.

45. Morkovkin, V.V. (1990) *Osnovy teorii uchebnoy leksikografii* [Fundamentals of the theory of educational lexicography]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

УДК 81'27

DOI: 10.17223/22274200/20/5

З.И. Резанова

ФРАГМЕНТ РАЗМЕТКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОРПУСЕ RuTuViC. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА ИЛИ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ?

Представлено решение одной из проблем специальной лингвистической разметки в корпусе RuTuViC – корпусе русской речи русско-тюркских билингов, связанной с маркированием отклонений от речевого стандарта на лексическом уровне. Предлагаются решения, основывающиеся на разграничении лексем, полностью освоенных системой русского литературного языка, и единиц, имеющих статус заимствований из других подсистем национального языка и других языков. В последнем случае выделяются языковые и контекстные признаки, противопоставляющие лексическое заимствование и переключение кодов.

Ключевые слова: корпус текстов, лексическое заимствование, переключение кодов, шорско-русский билингвизм, тюркско-русский билингвизм, аннотирование, отклонение от речевого стандарта.

Введение. Постановка проблемы

В статье представлено обоснование одного из типов лингвистического аннотирования в корпусе устной речи тюркско-русских билингов (RuTuViC) – разметки отклонений от речевого стандарта (ОРС) в русской речи билингов, возникающих как нарушение норм словоупотребления в стандартной русской литературной речи под влиянием иносистемных единиц и их отношений. При этом рассматриваются случаи проникновения норм словоупотреблений других форм русского языка и других языков, прежде всего материнских языков билингов. Рассмотрение межъязыковых и внутриязыковых межсистемных влияний в качестве вариантов единых интерферентных процессов опирается на существующую в литературе традицию, с одной стороны [1–3], с другой – на выявленное авторами проекта взаимодействие данных процессов в синхронной и диахронной динамике языков. Так, включенная в литературную речь единица из лексической системы диалекта может появиться в ней под иноязычным влиянием (ср., например, наблюдения в [4. С. 206–207]). В статье разграничиваются лексиче-

ские заимствования разных типов, являющиеся результатом межъязыковой интерференции и явления переключения кодов, характеризуются типичные позиции использования лексических заимствований и переключения кодов – коммуникативные условия реализации данного типа включений в спонтанную речь респондентов.

Отметим значительную степень актуальности данной проблематики в исследовании билингвальных речевых практик. При том, что существенные различия между данными типами включений в речи билингвов никем не оспариваются, исследователями отмечается наличие пограничных, переходных явлений, однозначная интерпретация которых практически невозможна [5]. Это случаи типа *Всё, мы с ним на лошадь садимся, он меня: «Всё, **қызым**, поехали, дочь моя, поехали»* (М.А., в., 2)¹, относительно которых в литературе представлены различные решения: одни исследователи интерпретируют один тот же тип словоупотреблений как вид заимствований, определяя их как «заимствования для данного случая», например S. Poplack [7], другие – как вид переключения кодов, называя их переключением кодов инсертационного типа (P. Muysken) [8] или «встроенным словом» (C. MyersScotton) [9].

Данный теоретический разнобой, находящий терминологическое отражение при выполнении эмпирически направленных исследований, в частности при решении задачи не выборочной характеристики материала, но его сплошного маркирования (в том числе при создании корпусов текстов) обуславливает необходимость выработки критериев разграничения явлений в данной переходной зоне. В статье характеризуются переходные типы от лексических заимствований к полностью освоенным литературным языком лексемам, которые в корпусе не маркируются специальными тегами, с одной стороны,

¹ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации имени респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В статье контекст сопровождается инициальным идентификатором; фиксируются возраст на время записи, отнесенность к группе (социолингвистическая характеристика групп 1, 2, 3, выделяемых при описании корпуса, представлена в [6], образование (н. – начальное, с. – среднее, в. – высшее, нв. – неполное высшее).

с другой – переход от лексического заимствования (тег маркирования Lex) к переключению кодов (CodeSw). Наша позиция при решении проблемы соотносится с существующими в лингвистике теоретическими подходами и с общими установками авторского коллектива при создании корпуса RuTuViC.

Отметим также, что актуальность проблемы использования лексических заимствований и переключения кодов в речи билингов подтверждается и широтой круга обсуждаемых в настоящее время частных проблем: типы лексических заимствований и переключения кодов, типы включений в грамматические структуры принимающего языка, социальные и коммуникативные условия, способствующие их активации, влияния типологических характеристик вступающих во взаимодействие в языковом сознании билингва языковых пар и т.д. [10, 11]. При этом в сферу внимания при обсуждении данных аспектов билингвальных речевых практик привлекался и материал языков малочисленных народов с другими типами морфологических структур второго контактного языка. Однако, как правило, в этих работах внимание привлекается к вариантам включения русскоязычных фрагментов в устную речь на родном языке (см., напр.: [12]). Отметим, что в настоящее время активизируется «переворачивание» языковой пары при решении данной проблемы, исследуется включение фрагментов кода родного языка в речи на втором, функционально доминирующем русском языке.

В исследованиях билингвизма накоплен также значительный материал, подтверждающий влияние на процессы заимствования и переключения кода типа билингвизма (ранний vs поздний, естественный vs искусственный и др.). Вместе с тем John M. Lipski в статье 2014 г. отмечает, что в настоящее время «существует мало доступной информации о каком-либо типе языкового смешения среди тех, кто не использует язык семейного наследия часто (и даже, возможно, не говорит на нем много лет) и кто не контактирует с носителями родного языка» (перевод наш. – *З.Р.*) [13. С. 25]. В создаваемом корпусе представлен анализ речевых практик билингов данного типа, что, по нашему времени, будет не только способствовать включению актуального эмпирического материала в исследовательскую парадигму, но и позволит сделать доказательные выводы о характере влияния данного фактора на появление заимствований из материнских языков и переключений кодов в речи билингов.

В литературе отмечается также значимость исследований социальных коммуникативных практик, стимулирующих появление исследуемых включений [13]. Мы проследим в первую очередь влияние коммуникативных практик на появление лексических заимствований и переключений кода, охарактеризовав ограничения материала корпуса определенными типами речи, речевых жанров и тематики общения.

Объект и материал исследования: лингвистический корпус устной русской речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC

Структура корпуса и теоретические основания принимаемых решений авторами корпуса RuTuBiC были представлены в [14], однако считаем необходимым кратко охарактеризовать те общие особенности корпуса, которые связаны с обсуждением поставленной в статье проблемы.

Создаваемый корпус принадлежит к типу так называемых корпусов носителей языка [15], т.е. фиксирует речь на втором, осваиваемом русском языке. Корпус включает три подкорпуса, представляющих материалы русской речи носителей шорско-русского, татарско-русского и хакасского-русского билингвизма.

Особенность речи носителей языка, фиксируемой в корпусе, определяется следующими основными факторами: во-первых, своеобразием проявляющегося в ней типа билингвизма – ранний естественный билингвизм с безусловным функциональным доминированием русского языка. Материнские языки с функциональной точки зрения характеризуются как языки семейного наследия (херитажные языки) (о термине см.: [16]), уровень владения которыми вариативен. Отметим также значимую характеристику языковых пар, вступающих во взаимодействие – это типологически различные языки: флективный русский язык и агглютинативные тюркские, имеющие значительные различия как в составе грамматических классов слов, так и в системных связях грамматических категорий и в составе внутрикатегориальных оппозиций. Во-вторых, в речи наших информантов проявляются характерные черты разных форм регионального варианта русского языка – литературной, просторечной, диалектной.

Корпус является бимодальным – включает синхронизированные записи устного общения интервьюеров с информантами и их транскрипты. В шорско-русском подкорпусе нашими информантами были

носители шорского языка как родного от 32 до 81 года, имеющие образование от начального до высшего, в том числе филологическое со специализацией в области шорского языка и литературы, жители г. Шерегеш и Таштагол, пос. Большая Суета. Записи проводились в экспедициях 2017–2019 гг. Следует отметить ограничения материала, определяемые условиями его сбора – это записи бесед с информантами, следствием чего является доминирование (но не исключительная представленность) диалогического типа речи и его жанров: интервью, разговора, беседы, которые могут перетекать в монологические жанры рассказа, истории.

В большинстве записей начало общения представлено формализованными и полуформализованными интервью¹, что обуславливает значительную степень тематической общности записей: языковой и социальный (связанный с речевыми практиками) опыт, семья, культура, социальное окружение, природа, события / случаи в жизни. В качестве своеобразной макротемы, к которой возвращаются коммуниканты при переключении тем, – шорская культура, шорский язык.

Корпус RuTuViC является лингвистически размеченным корпусом. Метаразметка корпуса включает данные о тексте: о типе речи (диалог–монолог–полилог), дискурса (институциональный–персональный), жанра (интервью, разговор, беседа, рассказ, история), теме текста.

Лингвистическое аннотирование включает морфологическую разметку на основе MyStem и разметку отклонений от речевого стандарта (ОРС), что составляет основную особенность создаваемого корпуса². Первоначально введение такого типа разметки связывалось с постановкой исследовательской задачи выявления интерферентных влияний материнских языков билингвов на речевые практики на русском языке. Однако, как показал первичный анализ материала, сдвиги в речи могут быть обусловлены различными факторами, разноплановыми влияниями языковой среды говорящих. Приняв в качестве «условной нормы» письменную речь, соответствующую нормам литературного языка, авторы фиксируют в корпусе отклонения, вызванные спонтанным характером устной неподготовленной коммуникации: самоперебивание, смысловую неполноту высказывания, слова-паразиты и т.п.;

¹ Интервью проводилось на основе Социолингвистической анкеты О.А. Казакевич [17] и анкеты языкового опыта билингва [18].

² Основной объем разметки ОРС наряду с автором статьи проведен И.Г. Темниковой, Е.Б. Степаненко, А.С. Буб, Н. Жильцовой.

ОРС, обусловленные влиянием диалектов, просторечия, жаргона / сленга. То есть наряду с проявлениями межъязыковой интерференции фиксируются проявления внутриязыковой межсистемной интерференции – элементы просторечия, диалектов, жаргонов, арго, индивидуально-авторские образования. ОРС фиксируются на всех уровнях языка – в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, дискурсе¹.

Маркеры отклонений от речевого стандарта на лексическом уровне русского языка в RuTuBic

Далее охарактеризуем решения, принимаемые при маркировании ОРС лексического типа. Общим основанием является отсутствие лексемы в системе русского литературного языка; заключение об этом выносится на основе данных толковых словарей: отсутствие фиксации в словарях или включение лексемы в словарь с пометами функциональной ограниченности, принадлежности к другим системам (рег., диал., обл., прост., жарг., сленг и т.д.) и фиксация в соответствующих словарях. Тег Lex используется в основном варианте и с конкретизациями: LexId, LexSem, LexSemAgr.

Тег LexId маркирует идиоматические выражения, не зафиксированные в словарях литературной речи, вариантные формы общерусских единиц: *Сноха мне говорит: Ты мне посади, мне, **от моей руки не растут** (Н.Н., с., 2), ...потому что, ну, это такое **храмное блюдо** (Г.Ф., нв.,1), Он с испугу уже не знал, что делать, с испугу закричал, ну, **благим криком** (Г.П., с., 3).*

Тег LexSem маркирует использование общерусского слова в ином значении: ***Кропить** – это значит, это... как бы... или молоком там брызгаешь, ну, как бы, из ложечки... Ну, арачкой уже пореже, ну, а так вот, в основном, молоком (М.А., в., 2); Ну, мы думаем, ладно, **подкатим** (обратимся с просьбой) к Владимиру Николаевичу молоком (М.А., в, 2); Недавно у вас.... ударились вы правой стороной головы? ...Ну, или лбом ударились, или вот этой стороной, но все равно осталась.... небольшой **натёс** (травма) (И.А., нв., 2).*

Тег LexSemAgr маркирует нарушение норм лексико-семантического согласования: *Мы, во-первых, должны были и **сценки** на своём языке **говорить**, и песни свои (З.И., с., 2); Они оттуда и на вертолётё...,*

¹ Обоснование такого подхода, связанное с расширением возможности в исследовательских практиках, см.: [4].

раньше там в аэро... эропорт был, это, в Спасске, и на это... на вертолётах приезжали (М.Н., н., 3); *Я Вас на картиночку сниму...* (М.А., в., 2).

Маркирование единицы тегом Lex обозначает иносистемный характер лексической единицы. Проиллюстрируем положение конкретными примерами. *Вообще аристократка, то есть если у неё там в стайке* (хлеву) *будет как-то грязно...* (Г.Ф., нв., 1). Лексема *стаяка* в значении «постройка для домашнего скота, хлев» представлена непоследовательно в словарях литературного языка, если отмечается, как в словаре Т.Ф. Ефремовой, то с пометой «местн.» [19], отмечена в «Словаре русских народных говоров» [20]. Фразеологизм *ни фига*, представленный в контексте *Хотя ни фига это не помогло, вот...* (Г.Ф., нв., 1), маркируется в словарях в разных значениях с пометами «разг.-сниж.», «прост.». Лексема *капец* (*Ну, потому что, если забодает, и всё, и капец мне пришёл* (Г.Ф., нв., 1)) отмечена в «Словаре русского арго» в значении «конец, провал» [21]. Лексема *оказался* в следующем контексте (*Вот он сам говорил то, что вот... ока... ока... оказался, короче* (Э.Н., в., 1)) не отмечена в словарях, интерпретируется как окказионализм и маркируется тегом.

Переходные явления в сфере отклонений от речевого стандарта

Анализ единиц, заимствованных из материнских языков респондентов, показывает, что они могут быть рассмотрены как находящиеся на некоей шкале переходов, на которой отдельные единицы могут рассматриваться как ядерные, прототипические для данного типа выделяемых единиц, другие проявляют свойства переходности: *Не крепкая совсем, арачка, ну, градусов десять-двенадцать* (М.А., в., 2); *Да, вот у нас есть толкан. Толкан – это уже маленько забытое, это то есть перетертое – рожь, да, или ячмень...* (Э.Н., в., 1); *Это я районный паитык, а в каждом посёлке есь ещё свои паитыки избранные* (М.А., в., 2). *И они вот, как раз вот, как говорят наши, тоже, что... надо держать шамана, когда он камлает* (М.А., в., 2). Для пометы Lex такие зоны переходов открываются «слева» – в состав полностью освоенной лексики, и «справа» – в сферу переключения кодов. Так, условно на левой границе шкалы находятся лексемы типа *шаман, паитык, кудай*. При этом лексема *шаман*, заимствованная из тунгусо-манчжурских языков, интерпретируется как полностью освоенная в русском языке: имеет полную морфологию

синтаксическую парадигму, свободные лексико-семантические связи, переносные значения, функционирует в разных формах и дискурсах русского языка, освоена деривационной системой (*шаманить, шаманство*). Высокий уровень освоенности отражается в отсутствии ограничительных помет в толковых словарях: с пометой «этнолог.» представлена только в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, представляющем лексикон первой трети прошлого века [22]. В корпусе данное слово дается без тега Lex.

Слова *паитык* и *кудай* (*А я всё время говорю: «Религия – она единая. Бог, вообще – Кудай, он у нас Кудаем называется, у кого-то Кришна, у кого-то Христос, у кого-то там Будда, у кого Аллах, у кого-то Магомед, но Бог, он, все равно един, и религию я всегда сравниваю* (С.Г., в., 2)) маркируются тегом Lex в корпусе. Обе лексемы не отмечены в словарях литературного языка, характеризуются фонетической и морфологической освоенностью, имеют свободные лексико-семантические связи, а слово *паитык* и деривационной – отмечено производное слово *паитычество*: *Много у нас собирались, ну, сейчас вот... хочу в этом году уйти с паитычества* (М.А., в., 2). *Паитык* при этом в нашем материале представлен как широко употребительный.

Таким образом, *паитык* и *кудай* интерпретируются как единицы, характеризующиеся ограниченностью употребления, но освоенные в системе русского языка, что отличает их от единиц типа *шаман*, с одной стороны, с другой – от иносистемных единиц, появляющихся в речи в механизме переключения кода.

Переключение кодов на границе отклонений от речевого стандарта русского языка в билингвальной речи

При представлении вариантов переключения кодов также выделяем ядерные, прототипические единицы, однозначно определяемые как переключение кода, и пограничные. Так, однозначно определяются как случаи переключения кодов включения целых фразовых контекстов, например: *...и тут бабушка, короче, мимо проходит, о..., и со мной говорит: «Э... эзен-ок, улуг кижжи!»*, – ну, это означает «здравствуй, большой человек, ну, великий человек». Я: *«Эзен-ок, куртуйақ!»*, – «Здравствуй, бабушка». Он такой посмотрел, посмотрел, и grit: *«Сен уцнапчаң турк язык, ты?!»*. Я говорю: *«Пистиң – это... шор кижжи тилин»* (И.А., нв., 2); *А вот внук, он у меня русский, он меня понимает. Я говорю: «Костя, кель пеере!»*, – «Иди сюда»

(Р.С., в., 3); *И вот она не могла по-русски сказать: «Вот, пойдём домой, поменяемся, там это, игрушкой какой-нибудь». А, а она по-шорски говорила: «Пульге' пара'мас». Это, пурна'с, то есть, домой пойдём, поменяем (Г.Н., в., 2)¹.*

О переключении кодов могут свидетельствовать метатекстовые показатели. В качестве таковых выступают маркеры цитирования чужой речи в более широком контексте рассуждений респондентов о характере использовании родного языка: *У нас есть мальчишка такой интересный, Андрей Хипсон, он: «Эзеноқтар!», – а я... я и говорю: «Вот... во множественном числе ты можешь говорить мне «Эзеноқтар!», – ну, если мы с тобой так общаемся, наедине, ты можешь сказать: «Эзеноқ, Екатерина Николаевна, здравствуйте», – ну, там, ну... (Е.Н., в., 2); Они пришли спросить, продайте молоко, сметаны или там ещё... Сметана – я не знала... Но вот молоко-то я знала точно, что молоко, **сут** – это молоко. Я говорю: бабушка... она говорит всё мне: «Нет». Она одно слово знала, что нет. Я говорю, бабушка, они просят молоко. Она: «Ну, молоко есть – **бар, бар**» (Р.С., в., 3).*

В следующем контексте респондент рассуждает о различии диалектов шорского языка и приводит пример коммуникативного сбоя в общении носителей разных диалектов: *Ну, тахтэ оне grit: «Давай, grit, **такте**, – grit, – это... *разбирать*». Кого ты собралась, – *грю*, – с... *пол разбирать, что ли?*». «Ну почему, – grit, – *стелить я буду матрас*». «Так это же, – *грю*, – не... не так». «Ну, мы, – grit, – так говорим». Ну, то есь, **такте** (М.Н., н., 3). Следующий контекст представляет рассуждение респондента о сходстве и различии языков в тюркской группе: *А там **қанче час** вот – на шорском, на киргизском – **канча саат**... как бы..., ну, схоже там (Е.Н., в., 2).**

Единичные лексические включения как вариант переключения кодов могут маркироваться в тексте переводом единицы родного языка респондента на русский язык в широких контекстах бесед о своеобразии шорской культуры: *Я рассольник люблю, «ыргэ» по-шорски (Н.Н., с., 2). Однако в данном случае в качестве основного показателя переключения кодов мы используем фонетический критерий, противопоставляя случаи, когда слово может быть представлено в системе русской фонетики, в механизме субституции (*И собиралися, и это, все старики, шорский кайко'мус называется (Г.П., с., 3)*), и варианты*

¹ Транскрипции и переводы шорских фрагментов подготовлены Д.М. Токмашевым при подготовке доклада на конференции [12].

коммуникации, когда наш собеседник, рассуждая о шорской культуре, намеренно переходит на шорский язык, называя явление, артефакт культуры словом родного языка, как, например, в следующем фрагменте: *Раньше делали нитки из... из конопли: кендирдең... Могли, эта... холст... холст ткать... ткать. Ткань делать, эта... Ну, шорцы знали это, видимо, ну, шорцы знали торғу – шёлк, ну, ... материал, э... там украшения, например, всякие. Ну, различные украшения чынча э... наcostные украшения – чынча... ...ызырга – эта... как эта... серьги... Эта... чўстўк – эта... ...потом чўстўк* (С.Г., в., 2).

Заклучение

Таким образом, при маркировании ОРС на лексическом уровне в русской речи тюркско-русских билингов единиц лексико-фразеологического фонда располагаются на шкале переходов, где крайняя «левая позиция» – заимствованная, но полностью освоенная единица (не маркируется тегом), крайняя «правая позиция» – переключение кодов, о чем свидетельствуют как метатекстовые показатели, так и собственно языковые, прежде всего фонетические (маркируются тегом CodeSw), в центре – включаемые в речь респондентов лексические единицы нелитературных форм русского языка и освоенные заимствования из родных языков носителей тюркско-русского билингвизма.

Отметим незначительное количество и лексических заимствований, и случаев переключения кодов в речи респондентов корпуса RuTuViC, что во многом определяется типом фиксируемого билингвизма, при котором второй язык (русский) является полностью освоенным и функционально доминирующим, а родной перемещен в сферу языка семейного наследия. Типичность метатекстового маркирования как лексических заимствований, так и переключения кодов определяется дискурсивными и жанровыми ограничениями материалов корпуса, направленностью интервью и свободных бесед на обсуждение разных аспектов родных для респондентов языков и культур.

Литература

1. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Т. 25. С. 128–144.

2. Чойбонова Б.М. Влияние межязыковой и внутриязыковой интерференции на формирование ошибок в речи обучаемых // Вестник Бурятского университета. 2009. № 11. С. 157–162.

3. *Слама-Казаку Т.* Методика психолингвистического исследования при контрастивном анализе. Корпус языковых факторов, полученных в процессе обучения языку: корпус ошибок и их иерархия // Психолингвистика : сб. ст. / под ред. А.М. Шахнаровича. М., 1984. С. 283–306.

4. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62

5. *Галямина Ю.Е.* Структурные типы переключения кодов в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1 (116). С. 96–100.

6. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-тагарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

7. *Poplack S.* Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español // Linguistics. 1980. № 18. P. 581–618.

8. *Myysken P.* Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. xvi+306 p.

9. *Myers-Scotton C.* Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa. New York : Oxford University Press, 1993. xii, 177 p.

10. *Gardner-Chloros P.* Code-Switching and Language Change // The Handbook of Language Contact / ed. by R. Hickey. P. 188–208.

11. *Балакина Ю.В., Соснин А.В.* Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–11.

12. *Языки России в контакте с русским языком II.* 11–13 февраля 2021 г. : тез. конф. / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т языкознания РАН; М.-Э.А. Винклер, Е.В. Кашкин, О.А. Казакевич, А.Б. Летучий, Н.М. Стойнова, О.В. Ханина, И.А. Хомченкова. М., 2021. 92 с.

13. *Lipski J.M.* Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology // Sociolinguistic Studies. 2014. Vol. 8, № 1. P. 23–55. DOI: 10.1558/sols.v8i1.23

14. *Резанова З.И.* Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.

15. *Коптев М.* Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company, 2014. 194 с.

16. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 5–23. DOI: 10.17223/22274200/14/1

17. *Казакевич О.А.* Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

18. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967.

19. *Ефремова Т.Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с.

20. *Словарь русских народных говоров*. М. : Наука, 2007. Вып. 41. 343 с.

21. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго. ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (дата обращения: 01.03.2021).

22. *Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова*. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. Т. 4. 1502 с.

Markup Fragment in the RuTuBiC Linguistic Corpus. Code-Switching or Lexical Borrowing?

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 91–104. DOI: 10.17223/22274200/20/5

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: lexical borrowing, code-switching, Shor-Russian bilingualism, Turkic-Russian bilingualism, text corpus, annotation, deviation from speech standard.

The article presents a solution to one of the problems of special linguistic markup in the RuTuBiC corpus – the Russian Speech Corpus of Russian-Turkic Bilinguals, associated with error annotation at the lexical level. The corpus includes three subcorpora representing materials of the Russian speech of Shor-Russian, Tatar-Russian and Khakass-Russian bilinguals. The article presents solutions developed on the basis of all subcorpora; the illustrative contexts are drawn from the Shor-Russian subcorpus, recordings of interviews with 14 respondents, about 20 hours of sound. The recordings were made during expeditions to Shoria in 2017–2019. Bilingualism of the respondents is defined as early natural bilingualism with the dominance of the second Russian language, mother tongues are languages of the family heritage. The theoretical basis of the research works on linguistic contact at the lexical level. Solutions based on the differentiation of lexemes fully mastered by the system of standard Russian and units with the status of borrowings from other subsystems of the national language and other languages are proposed. In the latter case, linguistic and contextual features are distinguished that oppose lexical borrowing and code-switching. The typical errors singled out at the lexical level are: [LexId] – idiomatic expressions that are not fixed in the standard language (dialectal and vernacular, slang, etc.), they can also be Turkic calques; [LexSem] – general Russian words used in meanings different from those fixed in the normative sources; [LexSemAgr] – violations of the lexical and semantic agreement norms. The units borrowed from the mother tongue of the respondents are located on the scale of transitions from nuclear to borderline. The nuclear units marked with the [Lex] tag are dialectal units, common words, other word usage cases that are outside the standard, as well as borrowings from the Turkic languages that are not included in the dictionaries of standard Russian. On the border “to the left” are borrowings

assimilated to different degrees. On the border “to the right” are non-assimilated borrowings and code-switches. The [CodeSw] marks code-switching, insertion of mother tongue elements into Russian speech. The author considers the inclusion of statements as nuclear cases of code-switching, and single lexical inclusions as transitional cases. Code-switching is evidenced by metatext and linguistic proper, primarily phonetic, indicators. There is an insignificant number of both lexical borrowings and cases of code-switching in the speech of the respondents of the RuTuBiC corpus, which depends on the type of bilingualism. The typicality of metatext marking of borrowings and code-switches is determined by the discursive, genre and thematic limitations of the corpus.

References

1. Nemsler, W. (1989) Problems and prospects in contrastive linguistics. In: Neroznak, V.P. & Gak, V.G. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 25. Moscow: Progress. pp. 128–144. (In Russian).
2. Choybonova, B.M. (2009) Vliyaniye mezh'yazykovoy i vnuriyazykovoy interferentsii na formirovaniye oshibok v rechi obuchaemykh [The influence of interlingual and intralingual interference on the formation of errors in student speech]. *Vestnik Buryatskogo universiteta – BSU Bulletin*. 11. pp. 157–162.
3. Slama-Kazaku, T. (1984) Metodika psikholingvisticheskogo issledovaniya pri kontrastivnom analize. Korpus yazykovykh faktorov, poluchennykh v protsesse obucheniya yazyku: korpus oshibok i ikh ierarkhiya [Methods of psycholinguistic research in contrastive analysis. The corpus of linguistic factors obtained in teaching a language: the corpus of errors and their hierarchy]. In: Shakhnarovich, A.M. (ed.) *Psikholingvistika: sb. st.* [Psycholinguistics: collection of articles]. Moscow: Progress. S. 283–306.
4. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations from the speech standard in the regional version of oral Russian speech: intralingual and interlingual interactions. *Rusin*. 62. pp. 144–158. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62
5. Galyamina, Yu.E. (2012) Structural typology of code-switching in the texts in endangered languages (On the Ket and Evenk data). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (116). pp. 96–100.
6. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of socio-linguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7
7. Poplack, S. (1980) Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español. *Linguistics*. 18. pp. 581–618.
8. Muysken, P. (2000) *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Myers-Scotton, C. (1993) *Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa*. New York: Oxford University Press.

10. Gardner-Chloros, P. (2010) Code-Switching and Language Change. In: Hickey, R. (ed.) *The Handbook of Language Contact*. John Wiley & Sons. pp. 188–208.
11. Balakina, Yu.V. & Sosnin, A.V. (2015) Conceptual framework for code-switching and lexical borrowings from the perspective of contact linguistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 5–11. (In Russian).
12. Vinkler, M.-E.A. et al. (eds) (2021) *Yazyki Rossii v kontakte s russkim yazykom [Indigenous Languages of Russia in Contact with Russian]*. II Conference. 11–13 February 2021. Book of Abstracts. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS & Institute of Linguistics, RAS.
13. Lipski, J.M. (2014) Spanish-English code-switching among low-fluency bilinguals: Towards an expanded typology. *Sociolinguistic Studies*. 8 (1). pp. 23–55. DOI: 10.1558/sols.v8i1.23
14. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7
15. Kopotev, M. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku [Introduction to corpus linguistics]*. Prague: Animedia Company.
16. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018) Problems of Lexicographic Description of Language Teaching Terminology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 5–23. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/1
17. Kazakevich, O.A. (2006) Documents of Obsolescent Languages of Siberia (Based on the Materials from Two Settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3 (44). pp. 221–231. (In Russian).
18. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967.
19. Efremova, T.F. (2000) *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka [New explanatory-derivational dictionary of the Russian language]*. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2007) *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]*. Vol. 41. Moscow: Nauka.
21. Elistratov, V.S. (2002) *Slovar' russkogo argo [Dictionary of Russian argo]*. GRAMOTA.RU. [Online] Available from: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (Accessed: 01.03.2021).
22. Ushakov, D.N. (ed.) (1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.

УДК 81374

DOI: 10.17223/22274200/20/6

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

О КОНЦЕПЦИИ «СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯРЛЫКОВ»

Аргументируется целесообразность создания «Словаря современных политических ярлыков», наглядно представляющего одну из наиболее ярких сторон информационно-психологического противоборства в политике; формулируются его цель и задачи; дается описание структуры словаря и словарной статьи; называются принципы формирования словаря. Словарь позволит расширить представление о парадигматических связях, словообразовательных возможностях и особенностях функционирования политических ярлыков в публичной речи.

Ключевые слова: *политическая лексикография, словарь политических ярлыков, политический язык, словесный ярлык.*

Введение

Отмечаемый учеными «лексикографический бум» [1. С. 5] отражает появление различных лексикографических направлений, среди которых выделяют лексикографию не только авторскую [2], компьютерную [3], фигуративную [4] и другие, но и **политическую лексикографию** [5], посвященную языку политики. О развитии политической лексикографии свидетельствует появление, например, таких словарей, как «Словарь русских политических метафор» [6], «Словарь современных политических лозунгов России и Германии “Дайте миру шанс!”» [7]. Эти словари не просто отражают состояние политического языка современной эпохи, но и служат способом его лингвоэкологической диагностики. В этой связи видится **актуальным** создание «Словаря современных политических ярлыков», наглядно представляющего одну из наиболее ярких сторон языка информационно-психологического противоборства в российской политике.

Целесообразность создания такого словаря обусловлена целым рядом факторов:

1. Недостаточная изученность политических ярлыков (далее – ПЯ), несмотря на их широкое употребление в современных массмедиа на протяжении уже достаточно длительного времени.

2. Потребность наиболее полного описания языка политики. В словарных статьях, посвященных политическому языку, отсутствует даже какое-либо упоминание этого средства политической борьбы (см.: [8–11] и др.). Следовательно, создание словаря ПЯ закрывает целую лаку в отечественной политической лексикографии.

3. Востребованность словаря такого типа в практике лингвистических экспертиз. В юрислингвистике, насколько нам известно, создается «База данных источников для лингвистической экспертизы» [12. С. 164], в которую мог бы войти и словарь ПЯ.

Цель статьи – кратко охарактеризовать «Словарь современных политических ярлыков», который разрабатывается в Сибирском федеральном университете в рамках проекта «Лингвистика информационно-психологической войны».

Методы исследования

Важную роль в исследовании имеет лингвоидеологический анализ, объектом которого в нашем случае является система ярлыков-идеологем текста или группы текстов, объединенных общей идеологией. Причем идеологема, вслед за Н.И. Клушиной, понимается «как ментально-стилистический феномен, как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка» [13. С. 54]. Лингвоидеологический анализ направлен на вычленение, демонстрацию и комментирование тех высказываний и фрагментов текстов, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность текста в отношении того или иного объекта. Это предполагает (в соответствии с методикой, предложенной Н.А. Купиной [14. С. 32]) выявление в тексте ключевых ярлыков-идеологем, их сочетаемости в речевой ткани текста, что способствует выявлению смысловых, аксиологических и эстетических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события.

При работе над словарем использовались также компонентный анализ (для определения или уточнения смысловой структуры слова), метод интенционального анализа (для определения целей, намерений участников коммуникации или автора текста, его фрагмента), метод контекстуального и / или дискурс-анализа (для выявления оценочной тональности языковой или речевой единицы – слова, оборота, высказывания, выражающих ту или иную идеологему).

При отборе речевых фактов авторы руководствовались предложенной ими ранее дефиницией термина «политический словесный ярлык»: политические словесные ярлыки – это «тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов» [15. С. 50].

Концепция словаря

Цель создания «Словаря современных политических ярлыков» – дать по возможности полную характеристику основных словесных ярлыков, используемых в современном российском политическом дискурсе как орудия информационно-психологического противоборства.

Задачи словаря:

- дать семантическую характеристику ПЯ с учетом имеющихся коннотативных приращений;
- проиллюстрировать употребление современных ПЯ;
- продемонстрировать отношения семантического сходства между ПЯ, в том числе синонимиию;
- представить словообразовательные возможности ПЯ.

Разрабатываемый словарь ПЯ по типу является толково-иллюстративным с приведением словообразовательных дериватов и (факультативно) филологических комментариев.

Он *адресован* тем, кто профессионально занимается исследованием политического языка – филологам, журналистам, политологам и др., а также всем, кто интересуется вопросами политики.

Структура словаря. Словарь начинается со вступительной статьи теоретического характера, в которой дается определение понятия «политический ярлык», рассматривается проблема его соотношения со смежными понятиями (инвектива, кличка, прозвище), предлагается многоаспектная классификация ПЯ. Словарные статьи предьявляемых ПЯ располагаются по алфавиту; ПЯ-словосочетания даются с прямым порядком слов, например: *кремлевские сидельцы, политические клоуны, политические пигмеи* и т.п.

В конце словаря содержится словник (перечень ПЯ с указанием страниц) и список условных сокращений.

Принципы формирования словника (отбора слов). Составлению словника предшествовало теоретическое осмысление понятия «политический ярлык» на основе изучения научной литературы и анализа собранной картотеки речевых фактов, что в совокупности позволило сформулировать основные критерии идентификации ПЯ и приступить к составлению словника. Такими критериями, которые учитывались в совокупности, являются: 1) социально-политическая семантика номинативной единицы (слова или словосочетания), приобретающей статус идеологемы; 2) гипертрофированная пейоративная эмоционально-оценочная сема, характеризующая какой-либо объект (лицо, социальную группу, народ, событие, идеологию и т.д.), при одновременной ослабленности денотативного компонента; 3) подверженность стереотипизации и тиражируемости; 4) функция дискредитации того или иного объекта; 5) полное или частичное несоответствие сигнификата референту; 6) мифологизм (воплощение предельно свернутого негативного мифа) [16. С. 274–275].

На данный момент словник включает 74 единицы, соответствующие, на наш взгляд, этим критериям. Например, на букву «П» представлены следующие ПЯ: *партия жуликов и воров, пиндостан, пиндосы, победобесие, политические пигмеи, политический клоун, политический наперсточник, популист, православие головного мозга, православный ИГИЛ, православный талибан, путиноиды, путинярня, пятая колонна*. Некоторые устойчивые словосочетания, включенные в словник, уже отражены в «Толковом словаре русского языка...», но только в качестве речевых иллюстраций, например: *враг народа, пятая колонна, империя зла* [17. С. 116, 350, 297].

Отобранные для словника слова и словосочетания проходили процедуру верификации, выступая в качестве запросов в поисковых системах Яндекс, Google, текстовой базе Национального корпуса русского языка для подтверждения их неединичности (узуальности). При этом для подтверждения узуальности ПЯ считалось достаточным наличие не менее 3–5 контекстов из разных источников, в которых отобранная единица используется в одном и том же значении (см. аналогичный подход в [18. С. 30]). Интересно, что обращение к Национальному корпусу русского языка показало отсутствие в нем целого ряда ПЯ, используемых в современных медиа. Так, по состоянию на первую неделю сентября 2019 г. в корпусе не отражено употребление такого ПЯ, как *победобесие*, осуждающего традицию празднования

Дня Победы в следующих, например, контекстах: *В Токио разглядели русское «победобесие»*. Японцы возмущены тем, что Москва не хочет пересматривать итоги Второй мировой (Svpressa.ru. 24.05.2019); «Как же достало это **победобесие!**» Репетиция парада Победы глазами автомобилистов (66.ru. 27.04.2019); Пользователи Интернета продолжают обсуждать очередную итерацию культа «**победобесия**» образца мая 2019, выражающуюся в том, что в этом году мода наряжать воспитанников дошкольных учреждений в военную форму приобрела форму массового поветрия... (Rusmonitor.com. 10.05.2019). Другое значение слова *победобесие* связано с критикой таких акций или действий, которые связывают идею праздника Дня Победы с недостойными, аморальными явлениями и поступками, например: ...из праздника Победы сделали просто бренд, карнавал и шоу. Символы победы вешаются на всё – от тапок до презервативов, а также на животных (<https://www.youtube.com/watch?v=PE5BKf-h4-I>). Такое употребление слова *победобесие* является лишь частично ярлычным, поскольку содержит элемент справедливой критики.

Структура словарной статьи. Цель и задачи словаря определяют структуру словарной статьи, которая включает обязательные элементы: заголовочную единицу в наиболее употребительной форме; толкование ее семантики; речевые иллюстрации, и – факультативно: комментарии о специфике функционирования ПЯ и его происхождении (если это представляется возможным), варианты ПЯ, синонимические ПЯ, производные от ПЯ единицы. Все элементы, кроме заголовочной единицы, выделяются в словаре при помощи знаков:

- ∞ иллюстративный материал;
- 📖 комментарии;
- = синонимичные ПЯ;
- ≈ ПЯ, объединенные по принципу семейного сходства;
- ↔ лексически оппозитивные ПЯ;
- ▶ словообразовательные дериваты.

Заголовочная единица дается в форме единственного числа; преобладание употребления того или иного ПЯ во множественном числе отмечается в комментарии. Приведем пример словарной статьи:

КОНТРИК – разговорно-сниженное пренебрежительное название контрреволюционера, которое может использоваться как ярлык и в современных текстах для наименования политического противника.

☞ *Причины понятны. Никакая эпоха не была про них. Их всегда там не стояло. В любой российской эпохе – ихтамнет. Потому российский поцреот – всегда «антер», если по-израильски, а по-русски – **контрик** (Zavtra.ru. 10.06.2019); По отдельности держались кучка молодых и женщины постарше – «**контрики**», «болтуны», «шпионы», «космополиты безродные» и просто «враги народа» (Е. Матвеева. История одной зэчки); И ей, «контре», не нужны освобождающиеся и свободные творцы, а нужны покорные исполнители, то бишь – стадо. А стаду требуется стойло, стадо должно молча и тупо жевать в нём то, что ему будет брошено. Они, «**контрики**», почти добились своего, они почти окончательно загнали стадо в стойло! (Zavtra.ru. 27.04.2017); Он издевательски назвал повесть Эренбурга «Оттепель» – «слякотью». После дела Синявского и Даниэля в 1966 году, первого диссидентского процесса, когда впервые после смерти Сталина писателей снова бросили за колючую проволоку, Шолохов не постыдился упрекнуть судей в мягкотелости, с удовольствием добавив, что подобных **контриков** во время гражданской войны ставили к стенке (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт»).*

☞ Форма множественного числа употребляется чаще (27.07.2020 поисковый запрос слова в Национальном корпусе русского языка выдает 40 документов, 89 вхождений, из них в ярлычном значении слово в единственном числе – 37 употреблений, во мн. числе – 46).

► *Контриковский*

Семантическое описание ПЯ в словарной статье определяется его отнесенностью к категории слова или словосочетания, наличием или отсутствием у него признаков терминологичности, метафоричности, устойчивости, эмоционально-оценочной градуированности. В словаре соблюдается принцип унификации моделей толкования семантики ПЯ. В качестве родового понятия используется слово «наименование» в сочетании со специфицирующими определениями, например:

БИОМАССА – пренебрежительное метафорическое наименование больших групп людей: электората, сторонников национальной традиции и даже целого народа.

КРЕАКЛ(Ы) – ироническое наименование представителя(ей) так называемого креативного класса, но не творца как создателя непреходящих духовных ценностей.

ИМПЕРИЯ ЗЛА – наименование-фразеологизм, представляющий собой мифологему, согласно которой та или иная страна (первона-

чально Советский Союз, затем и постсоветская Россия, а сейчас и др.) предстает как государство-агрессор.

ГЕРОНТОКРАТИЯ – терминологическое наименование правящего режима, во главе которого стоят лица преклонного возраста, иронически используемое для обозначения тех, кто держится за власть, как партийное руководство КПСС послесталинского периода, и приписывающее им признаки недееспособности.

Иллюстративный материал в словаре включает тексты различной стилевой и жанровой принадлежности, созданные в постсоветский период (с 1991 г.) или советский, но продолжающие употребляться сейчас. Например, в словарной статье, посвященной ПЯ *демокрад* ('наименование российского демократа, которому приписывается склонность к разным махинациям, в том числе воровству, стяжательству, коррупции, что иногда подчеркивается с помощью графики'), в качестве речевых иллюстраций приводятся фрагменты газетной и журнальной статей, комментария пользователя сети Интернет, художественного произведения:

*«Народ-языктворец» давно уже творчески переработал оба этих термина: «демократ» – это непременно «демоКРАД», а либерал – соответственно, «либерАСТ». Первое отсылает к «воровству» как к неперемennomу свойству всех сторонников демократии. Второе – по ассоциативной цепочке – к поощрению однополый любви, шире – к сексуальным извращениям, еще шире – к сексуальной и нравственной распущенности и растлению малолетних... (Gazeta.ru. 25.09.2006); Натянул я валенки, шарфом заматался по ноздри, тысячу в нагрудный карман поглубже затолкал, чтобы какой **демокрад** не сдемократил, и отправился на митинг (Ruspioner.ru. 24.12.2013); Потом сей **демоКРАД** объявляет «я против суверенитета России, если этот суверенитет угрожает другим странам» (Tanzpol.org. 16.03.2007); И однажды прочитал в какой-то книжке, что «демос» – это народ в переводе с греческого. Если статья **демокрадом**, можно по-крупному украсть. Целый народ украсть – это вам не дом, тем более не парта (Ф.Д. Кривин. Завтрашние сказки).*

В некоторых словарных статьях представлены тексты, демонстрирующие, с одной стороны, непосредственное употребление ярлыков, с другой – наблюдения за их функционированием. Например, в статье *Азiona* (ироническое наименование России в ее интерпретации

евразийцами, возникшее путем сложения начала и конца двух слов «Азия» и «Европа»):

Азиона – оплот атомного православия (Gazeta.ru. 11.05.2001); Есть такое обидное для русского уха слово: Азиона. Его «клеветники России» обычно используют для того, чтобы подчеркнуть: никакая мы не Европа и даже не Евразия, а страна деспотов и сатрапов, перед которыми тысячелетиями не устают пресмыкаться «послушный им народ» (Известия. 01.08.2007).

В комментариях о специфике функционирования ПЯ могут приводиться сведения о временных периодах их использования, наблюдения над их продуктивностью, композиционной ролью в тексте и прагматическими функциями (интерпретация политических реалий, репрезентация негативной оценки, дискредитация оппонента, мифологизация образа политика, текстообразование, репрезентация текстовой категории тональности [19]), из которых доминирующей выступает функция дискредитации. Например, в статье «Враг народа» отмечаем:

✎ Политический ярлык «враг народа» широко использовался в художественной литературе советского времени. В периоды репрессий употреблялся также в роли аргумента для их проведения и одновременно оправдания. Этот ярлык просуществовал весь XX в. и перешел в наше время.

По модели ярлыка «враг народа» строятся и другие ярлыки (*враг перестройки, враг Отечества, враг России, враг демократии* и т.п.), например: *А когда вместе собрались на Политбюро, то меня молотили так, что кости трещали. С журналистами встретишься: «Да, ты прав!». Но я получил из всех газет пятьдесят выстрелов в спину: «враг перестройки», «консерватор» и так далее (Завтра. 18.02.2003); Главная задача – не потерять молодёжь, которая находится под агрессивным давлением **врагов нашего Отечества** (Ruskline.ru. 15.12.2018); В 2013 году Мультатули вместе с Константином Малофеевым подписал обращение к президенту Путину с призывом закрепить в Конституции Российской Федерации особую роль православия. А двумя годами позже издал труд о том, как **враги России** очерняют фильмы Никиты Михалкова (Новая газета. 31.01.2019); ...*Меня в последнее время все чаще стали называть **врагом либерализма и демократии**, поэтому – вынужден объясниться (Д.В. Лекух. Враг демократии).**

Общеизвестность политического ярлыка позволяет ему выступать в качестве заголовков (см. также книгу Д.О. Рогозина под названием «Враг народа»).

В некоторых случаях отмечается опыт возможного преодоления вредного воздействия ПЯ. В качестве примера приведем статью «Ватник»:

ВАТНИК – презрительное обозначение русских и украинцев, дружелюбно настроенных по отношению к России, а также любого патриота России.

☞ *Из всего произошедшего я делаю вывод, что «ватник», оторванный от излучения российской пропаганды и помещенный в условия здорового украинского патриотизма, очень быстро становится нормальным человеком (<https://ru.krymr.com/a/27194879.html>); Порой создается впечатление, что **ватники** для украинского общества – не столько проблема, сколько психологическая отдушина, способ поднять нашу самооценку. Пускай мы живем скверно, пускай страна разорена, пускай буксуют реформы, но зато по соседству обитают миллионы **ватников**, которые заведомо глупее нас (<https://inosmi.ru/politic/20160401/235962703.html>) – использование слова «ватник» как ярлыка;*

*В русском политическом словаре это слово – ватник – неожиданно возникло несколько лет назад – с подачи так называемых либералов и таких же псевдоинтеллектуалов. Их «ватник» воплощает все изъяны российского общества – нетрезв, немьт, глуп, ленив. Да к тому же он квасной патриот. «Ну ты и ватник!» – звучит в устах бойцов социальных сетей как оскорбление (<https://www.bnkomi.ru/data/doc/45701/>); Современная интернет-культура полна вбросов о так называемых «**ватниках**». Что неграмотные, вечно швыряющиеся дерьмом русофобы вкладывают в это слово, я не до конца понимаю. Зато понимаю, почему именно «**ватник**». Потому что ватник – это такой же символ победы над фашизмом, как ППШ, как Т-34, как Катюша. <...> Можно предположить, что именно тогда и зародилась ненависть у фашистов к ватнику. Как же так... русский солдат в этом несуразном наряде не мерзнет, результативно ведет бой, а германские перелюбники в пошитых европейскими кутюрье моднявых шинельках и кителях замерзают насмерть (<https://fluffyduck2.livejournal.com/322839.html>) – осмысление словесного ярлыка в сети Интернет.*

☞ История русского народа помогает ему нейтрализовать воздействие ярлыка путем его подчеркнутого самопринятия. Например: *Я ватник, я угрюмый колорад. / Моя любовь к стране необъяснима. / Я русский. Я татарин. Я бурят. / Я злой на вид, но вежливый солдат. / Я в том перед Европой виноват, / Что рад безмерно возвращенью Крыма. / Я вспоминаю крымскую весну, / И мне не стыдно за мою страну* (отрывок стихотворения «Я ватник» А.Ю. Лукина); *Я – ватник. Я воспитан на сугубо русских ценностях – любовь к семье, любовь к русскому государству и его истории. <...> Я настолько ватный ватник, что считаю, что рано или поздно всем придется сделать выбор. Я свой выбор сделал. Я за сильную Россию. За ту Россию, которой я горжусь прямо сейчас. Пойду, что ли, ватничек надену и под водочку на балалайке гимн сыграю* (фрагмент эссе А. Кострова «Я – ватник!»).

≈ Колорад, лапотник, москаль, русопят, совок

↔ Укроп

► Ватниковский

Аналогично антифрастическое использование ПЯ как способ нейтрализации его воздействия на сознание реципиента показано в словарной статье «Оккупант».

Заключение

Исследование словесных ярлыков в современном политическом дискурсе позволило установить их значимую роль как инструмента идеологического противоборства в эпоху информационно-психологических войн. Работа над «Словарем современных политических ярлыков» позволила уточнить понимание феномена политического ярлыка, зафиксировать наиболее распространенные политические ярлыки, расширить представление об их парадигматических (синонимических, оппозитивных) связях, словообразовательных возможностях, особенностях функционирования в современной публичной речи, а также представить метареакции общества на их употребление. Это дает возможность закрыть актуальную лауну в теории политической лингвистики.

Литература

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.

2. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.
3. *Фесенко О.П.* Компьютерная лексикография: программные средства и продукт научной отрасли // *Инновационное образование и экономика*. 2014. № 15 (26). С. 28–30.
4. *Грекова М.В.* Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // *Вопросы лексикографии*. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
5. *Маник С.А.* Политическая лексикография: перспективы развития ивановской лексикографической школы // *Теория и практика иностранного языка в высшей школе*. 2018. № 14. С. 162–170.
6. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
7. *Словарь современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!» / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова, Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой.* Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 с. + 16 с. цв. ил.
8. *Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.А. Аверьянов.* М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
9. *Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорельный, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов.* Ростов н/Д : Феникс, 2010. 318 с.
10. *Операции информационно-психологической войны : краткий энциклопедический словарь-справочник / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов; под ред. А.И. Петренко.* 2-е изд., стереотип. М. : Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с.
11. *Семкин М.А.* Актуальные термины политической лингвистики : словарь современных медиа. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2015. 112 с.
12. *Кочергина К.С.* Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // *Вопросы лексикографии*. 2019. № 15. С. 154–173.
13. *Клушина Н.И.* Теория идеологем // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
14. *Кутина Н.А.* Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // *Политическая лингвистика*. 2015. № 2 (52). С. 31–37.
15. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // *Русская речь*. 2019. № 1. С. 44–57.
16. *Сковородников А.П.* Экология русского языка. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
17. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова.* М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

18. Балдова А.В., Грекова М.В. Проблемы описания метафорической семантики в словаре: фиксация новых значений и унификация толкований // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 24–49.

19. Руженцева Н.Б., Нахимова Е.А. Функции ярлыка в коммуникативном пространстве политика (на материале современных печатных СМИ) // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 87–98. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ruzhenceva-N.B.-Nahimova-E.A.-1.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

On the Conception of the Modern Political Labels Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/20/6

Alexander P. Skovorodnikov, Galina A. Kopnina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: skapnat@mail.ru / gkopnina@mail.ru

Keywords: political lexicography, political labels dictionary, political lexicon, verbal label.

The article aims to describe the conception of the Modern Political Labels Dictionary being developed at the Siberian Federal University. The creation of such a dictionary is relevant owing to the development of political lexicography which allows revealing the state and features of modern political language development. It is also noted that political labels remain largely unstudied despite their wide and quite long-term use in media. The authors of both the dictionary and the article believe that it can be useful not only for specialists focused on conducting linguistic examinations of conflictogenic texts, but also for those who are interested in politics. The Modern Political Labels Dictionary makers see the main purpose of its creation in characterizing modern political discourse verbal labels used as a tool of information-psychological confrontation as completely as possible. The concept of the dictionary is based on the following definition of the term “political verbal label”: it is a nominative ideogeme (word and phrase) tending to stereotypization. It is a linear negative myth used to discredit socially and politically significant objects. A political verbal label is characterized by exaggerated pejorative connotations and weakened denotative components. The dictionary being developed is explanatory and illustrative. It also includes derivations and (optional) philological commentaries. The selection of speech samples for the dictionary was mainly based on a linguo-ideological analysis following the methodology proposed by N.A. Kupina that assumes the identification of key ideogeme labels in a text and analysis of their compatibility to reveal semantic, axiological, and aesthetic additives that reflect an author’s point of view on certain political events. The article also characterizes the dictionary structure including a theoretical introduction, dictionary entries, a glossary, and a list of abbreviations; examples of dictionary entries are provided. The words and phrases selected for the glossary passed verification procedure acting as Yandex, Google and Russian Language National Corpus search query to confirm their non-unity (usability): the existence of at least 3 to 5 contexts from different sources in which the selected unit is used with the same meaning was considered sufficient. It is noted in the description of a dictionary entry that it contains both mandatory (head unit; interpretation of its

semantics in compliance with the principle of unification of interpretation models; speech samples from texts of various styles and genres created in post-Soviet and modern periods) and optional (commentaries on the functioning specifics of a political label: its origin, use periods, productivity and role in text; variations; synonyms and derivatives) components. It is concluded that the work on the dictionary made it possible to clarify the definition of the political labels phenomenon; identify the most common political labels, and expand the notion of their paradigmatic (synonymous, opposing) connections, word-formation capabilities, functioning specifics in modern public speech; and present the meta-reactions of society to their use. The above-mentioned makes it possible to fill the current gap in the theory of political linguistics.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15. (In Russian).
2. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian authorial lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Fesenko, O.P. (2014) Komp'yuternaya leksikografiya: programmnye sredstva i produkt nauchnoy otrasli [Computer lexicography: software tools and product of scientific industry]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika*. 15 (26). pp. 28–30.
4. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/10/2
5. Manik, S.A. (2018) Political lexicography: development potential of Ivanovo lexicographic school. *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshey shkole*. 14. pp. 162–170. (In Russian).
6. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partner.
7. Shulezhkovoy, S.G. (ed.) (2016) *Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii "Dayte miru shans!"* [Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany "Give a chance to the world!"]. Magnitogorsk: ZAO "Magnitogorskiy Dom pečati"; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
8. Aver'yanov, Yu.A. (ed.) (1993) *Politologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Political Science: encyclopedic dictionary]. Moscow: Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta.
9. Pogorelyy, D.E. (ed.) (2010) *Noveyshiyy politologicheskiy slovar'* [The Newest Political Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Veprintsev, V.B. (ed.) (2015) *Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Information-Psychological War Operations: A Short Encyclopedia and Reference Guide]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom.
11. Semkin, M.A. (2015) *Aktual'nye terminy politicheskoy lingvistiki: slovar' sovremennykh media*. [Topical Terms of Political Linguistics: A Dictionary of Contemporary Media]. Moscow: FORUM: INFRA-M.

12. Kochergina, K.S. (2019) The Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Examination. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 154–173. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/10
13. Klushina, N.I. (2014) The theory of ideologeme. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 54–58. (In Russian).
14. Kupina, N.A. (2015) Russian idea in the context of modernity: Dostoevsky’s “Demons” and Berdyaev’s axiological assertions. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (52). pp. 31–37. (In Russian).
15. Skovorodnikov, A.P. & Kopnina, G.A. (2019) Political Labels in Modern Russian Political Media Discourse. *Russkaya rech’ – Russian Speech*. 1. pp. 44–57. (In Russian).
16. Skovorodnikov, A.P. (2016) *Ekologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Tolkovy slovar’ russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with information on origin of words]. Moscow: Izdat. tsentr “Azbukovnik”.
18. Baldova, A.V. & Grekova, M.V. (2018) Problems in describing metaphorical semantics in a dictionary: new meanings recording and interpretations unification. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 24–49. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/2
19. Ruzhentseva, N.B. & Nakhimova, E.A. (2019) Label functions in communicative portrait policy (based on modern print media). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 4 (2). pp. 87–98. [Online] Available from: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ruzhenceva-N.B.-Nahimova-E.A.-1.pdf> (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАСАЛАЕВА Елена Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: lena.bas@mail.ru

БУЛЫГИНА Елена Юрьевна – канд. филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

КЛИМЕНКО Наталья Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры языковой подготовки Донецкого национального технического университета (г. Покровск, Украина).

E-mail: klymenko2010@gmail.com

КОПНИНА Галина Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: gkopnina@mail.ru

КОРОЛЬКОВА Мария Денисовна – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: skifane@gmail.com

НИКИТИНА Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Псковского государственного университета.

E-mail: cambala2007@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, зам. зав. лабораторией лингвистической антропологии, зав. лабораторией когнитивных исследований языка Томского государственного университета.

E-mail: rezanovazi@mail.ru

РОГАЛЁВА Елена Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Псковского государственного университета.

E-mail: cambala2010@list.ru

СКОВОРОДНИКОВ Александр Петрович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: skapnat@mail.ru

ТРИПОЛЬСКАЯ Татьяна Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2021. № 20

Редактор Е.Г. Шумская
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 11.08.2021 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,6; усл. печ. л. 7,0. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 4751.

Дата выхода в свет 19.08.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru